

А. В. БАННИКОВ

А. В. БАННИКОВ

НА ПУТИ К АДРИАНОПОЛЮ

НА ПУТИ К АДРИАНОПОЛЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Серия «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

А. В. БАННИКОВ

НА ПУТИ К АДРИАНОПОЛЮ

**ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА
РИМСКОЙ ВОЕННОЙ
ИСТОРИИ**

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2017

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
Б18

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон, И. О. Ермаченко, А. А. Исэров,
А. Ю. Карачинский (ученый секретарь), Н. Н. Крадин,
П. Ю. Уваров (председатель), Т. А. Филиппова (зам. председателя)*

Рецензент:

доктор исторических наук *А. Б. Егоров*

Банников А. В. На пути к Адрианополю. Последняя страница римской военной истории. — СПб.: Наука, 2017. — 303 с.

ISBN 978-5-02-039676-0

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена одному из самых драматичных периодов существования Римской империи, который начался бурным правлением Константина Великого и закончился сражением под Адрианополем, стоившим жизни императору Валенту и лучшей части его армии. Уже современники задавались вопросом, что послужило причиной столь страшной катастрофы. Кто-то обвинял солдат в трусости и распущенности, а их командиров — в неумении обучить своих подчиненных, кто-то, напротив, восхищался мужеством и отвагой тех и других, виня во всем несчастное стечение обстоятельств. Многие исследователи Нового времени полагают, что исход битвы был предрешен какими-то техническими и тактическими инновациями, к которым прибегли готы и их союзники... Правильнее, однако, будет задаться вопросом не почему римская армия оказалась побежденной в одном сражении, а почему это сражение имело столь пагубные последствия для всего римского мира и по сути поставило точку в многовековой истории римского военного доминирования. Ответ на этот вопрос можно дать только проследив цепь событий, предшествовавших битве при Адрианополе...

© Банников А. В., 2017

© Издательство «Наука», серия «Научно-популярная литература» (разработка, оформление), 2017

© Палей П., оформление, 2017

© Кирсанов И. В., рисунки, 2017

ISBN 978-5-02-039676-0

ОТ АВТОРА

События, описанные в предлагаемой вниманию читателя книге, охватывают достаточно небольшой промежуток времени, начинающийся приходом к власти Константина I (306 г.) и завершающийся заключением мира императора Валента с готами (369 г.). Такой выбор был далеко не случаен и обусловлен сразу тремя причинами. Во-первых, этот период достаточно хорошо освещен в дошедших до нас литературных источниках. В IV в. еще были живы многие древние традиции античной культуры и, в частности, традиции историописания. Поэтому далеко не случайно, что именно в этом столетии творил последний крупный римский историк Аммиан Марцеллин. Долгое время (около 10 лет) Аммиан служил в армии и принял участие в нескольких кампаниях, воспоминания о которых он сохранил на страницах своего сочинения. «Деяния» (*Res Gestae*) — так называется созданный им труд — были задуманы как продолжение произведений Тацита и состояли первоначально из 31 книги. Первые 13 книг охватывали два с половиной века истории. Поэтому они были плодом обычной компиляции. Вероятно, в этом и есть причина того, что они не дошли до нас. Сохранились только последние 18 книг (с XIV по XXXI), охватывающие период с 353 г. по 378 г.

Сведения, содержащиеся в «Деяниях», могут быть дополнены информацией в трудах других позднеантичных и ранневизантийских историков, как светских, так и христианских. Здесь можно отметить «Новую историю» Зосима, ос-

вещающую события от правления Августа до захвата Рима Аларихом (410 г.), «Книгу о Цезарях» Секста Аврелия Виктора, в которой представлены биографии императоров от Августа до Констанция II (337—361 гг.) и ряд других сочинений.

Во-вторых, IV в. — это последнее столетие военной славы Рима, свидетель заката его могущества и разгрома его армии. «В V в. не существовало более ни римской стратегии, ни римской армии, — напишет русский историк В. И. Холмогоров, — империя или, точнее, бледная тень ее, смогла продлить свою агонию, продержаться еще несколько десятилетий, лишь натравливая одни германские племена на другие. Римская военная история заканчивается в IV в.».

Наконец, в-третьих, можно с полным правом утверждать, что этап римской истории, который начался утверждением единовластия Константина (324 г.) и закончился поражением Валента в битве под Адрианополем (378 г.), представляет собой отдельную эпоху, очень сильно отличающуюся как от диоклетиановского правления, так и времени Феодосия I (379—395 гг.) и его преемников.

Мы не доводим наше повествование до битвы при Адрианополе (378 г.) и даже до событий, которые непосредственно предшествовали ей, но оставляем Валента, торжествующего свою эфемерную победу в готской войне. Это было сделано нами осознанно, поскольку адрианопольский сюжет, как нам представляется, должен стать началом другой монографии, посвященной короткой истории Западной римской империи, завершившейся исчезновением квазигитимной императорской власти и полным разложением в процессе гниения всех институтов государственности.

Вместе с тем, предваряя рассказ об установлении единовластия Константина, мы позволили себе в общих чертах обрисовать исторический контекст, подготовивший почву для его восхождения к вершинам власти.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Смерть Александра Севера (235 г.) положила начало чрезвычайно тяжелому и многотрудному этапу римской истории, называемому «кризисом III века», когда Империя более чем на 50 лет погрузилась в пучину политических, социальных, экономических и военных потрясений.

События 40-х—начала 70-х гг. III в. со всей очевидностью продемонстрировали, что вся прежняя стратегия римской обороны в новых условиях оказалась несостоятельной. До этого времени армии вполне успешно удавалось справляться с задачей отражения внешней агрессии, поскольку нападения носили изолированный характер. Однако все изменилось самым радикальным образом, когда наступление неприятелей стало происходить с возрастающей частотой и интенсивностью, притом что новые значимые угрозы одновременно зарождались на всех фронтах. В самом деле, распределение солдат, количество которых было относительно небольшим, вдоль чрезвычайно протяженных границ делало практически невозможным создание двух и более крупных военных группировок, дислоцированных в разных секторах.

Изменился и противник, с которым приходилось теперь иметь дело римской армии. Германские зарейнские племена, объединенные в мощные конфедерации (аламанны, франки, саксы), создали новые формы политической и военной организации, превратившие их в гораздо более серьезную угрозу для Империи, чем те племена, которые попадали под их

власть и с которыми ранее имели дело римляне. Хотя возникшие союзы имели еще весьма неопределенные и ограниченные стратегические цели и задачи, не выходявшие за рамки грабежа и получения добычи, однако они заметно увеличили частоту и радиус действий своих военных операций на рейнском фронте.

Готы, первое известное вторжение которых на имперскую территорию произошло во Фракии в 238 г., интенсифицировали свои набеги за Дунай и через Черное море в середине III в. В Персии к власти пришла новая и воинственная династия Сасанидов, предъявившая свои права на римские восточные провинции, в результате чего положение дел на месопотамском фронте стало для правительства Империи первоочередным и начало поглощать огромные экономические и военные ресурсы государства.

Повторяющиеся вторжения германцев на западе, наступление персов на востоке одновременно с восстаниями африканских племен расшатали всю римскую систему обороны. Сеть фортификационных сооружений, которая еще недавно казалась весьма надежной, была не в состоянии сдержать стремительный поток вражеского нашествия. Прорывы через римские рубежи приобрели регулярный характер. Попытки укрепления границ не давали ощутимых результатов. Столкновения римских армий с противником в открытом бою оборачивались либо победами, купленными подчас весьма дорогой ценой, либо страшными военными катастрофами, за которыми следовало опустошение или даже временная утрата целых провинций.

В этих новых обстоятельствах римлянам приходилось действовать в условиях прежде им неизвестных: практически все их предприятия были реакцией на вражеские инициативы, притом что отвечать на них приходилось одновременно на самых различных фронтах от Рейна до Евфрата.

Действия центральной власти состояли главным образом в концентрации военных резервов на направлении наибольшей угрозы. Однако переброска крупных воинских соеди-

нений из одного пограничного сектора в другой создавала ситуацию, еще более осложнявшую внешне- и внутривосточное положение Империи, поскольку уход войск провоцировал неприятеля к тому, чтобы нанести удар по ослабленному участку границы.

Видимым следствием вражеских вторжений стало выдвижение армией императоров, происхождение которых не соответствовало традиции, некоторые обладали продолжительным и большим военным опытом; большая часть из них лично осуществляла энергичное руководство войсками, достигая порой крупных результатов, хотя и ограниченных в своем комплексном влиянии на ситуацию краткосрочностью их правления.

Если император был неспособен защитить провинции от нападений варваров, то солдаты поднимали мятеж, выдвигая своего кандидата, которым становился какой-либо успешный прославиться военачальник, поставленный командовать определенным военным округом. Победы, одержанные под его началом, гарантировали ему любовь и уважение солдат и провинциалов.

Появление узурпаторов и претендентов на прерогативы верховной власти провоцировало вспышки частых гражданских войн и тяжелых внутренних конфликтов. В этих ситуациях императоров устраняли физически и заменяли преемниками при содействии тех же самых армий, которые находились под их командованием: в период, о котором идет речь, продолжительность правления одного императора в среднем составляла около двух лет, а его устранение почти систематически было делом римских рук.

Враждебные приграничные племена, наблюдая за ситуацией постоянной нестабильности внутри Империи, часто пользовались случаем, чтобы совершать новые набеги, которые требовали от римлян ответных оборонительных действий и, как следствие этого, увеличивали экономический и социальный вес армии, содержание которой отнимало у государства все больше и больше средств. В то время как налоговое давление ощутимо возрастало, опустошения в погранич-

ных зонах, бывшие результатом военных действий, привели к сильной убыли местного населения.

Людские потери возрастали еще больше из-за голода, вызванного нехваткой продовольствия. Положение усугубилось из-за эпидемии чумы, распространившейся по всей Империи начиная с 250 г. и истощавшей ее в течение 15 лет, чему способствовали непрекращающиеся войны. Отсутствие необходимой рабочей силы привело к тому, что многие культивировавшиеся ранее земли в Галлии, Италии, Северной Африке, а также в Балканских провинциях и Египте оказались заброшены. Империя вступила в полосу общего экономического упадка. Монета обесценилась вплоть до того, что стала совершенно непригодной как для платы солдатам, так и в качестве средства взимания податей, что вынуждало правительство прибегать к налогообложению в натуральном виде.

Территории, подвергшиеся набегам варваров, переживали застой в сельском хозяйстве и торговле. Это явление затронуло Северную Галлию, балканский регион, Сирию, Мавританию, Нумидию, а в дальнейшем распространилось даже на те области, которых волна вражеского нашествия практически не коснулась (Египет, Малую Азию, Италию). Борясь с обезлюдением обширных приграничных территорий провинций, правительство стало прибегать к поселению на пустовавших землях больших масс варваров. Последних селили в Империи и ранее, еще во времена принципата, однако во второй половине III в. подобная практика перестает быть эпизодической и приобретает регулярный характер.

Эта спазматическая ситуация сохранялась вплоть до провозглашения императором Диоклетиана (284 г.).

* * *

Диоклетиан пришел к власти, когда единство Империи было уже восстановлено его предшественниками, но силы государства были надломлены настолько, что оно с трудом вы-

держивало давление наседавших со всех сторон варваров, содрогаясь от непрерывных восстаний в провинциях. В это время пикты и скотты атаковали Британию с севера, а с юга саксы и франки терзали остров пиратскими набегами. Аламанны, населявшие верховья Рейна, совершали опустошительные рейды в Галлию и Рецию. В Галлии, ко всему прочему, подняли восстание вожди багаудов Элиан и Аманд, которые со своими отрядами не только нападали на деревни, но даже пытались штурмовать укрепленные города. Дунайскую границу постоянно беспокоили квады, карпы, бастарны, сарматы и особенно готы. Восток истекал кровью в изнурительных войнах с персами. Нобады и блеммии угрожали Египту, а Африку разоряли «Юлиан и народы пяти племен».

Империя была тяжело больна, и никто не смог бы сказать с уверенностью, выстоит ли она в борьбе за собственное существование, или же станет добычей полудиких народов, которые, устав однажды от грабежей и насилия, будут в свою очередь сметены еще более свирепыми и кровожадными племенами. И так — год за годом, десятилетие за десятилетием, пока все, что хоть в какой-то степени напоминало о былом величии Рима, не обратится в прах.

Понимая, насколько велика опасность, нависшая над будущим Римского мира, Диоклетиан не стал, подобно многим своим предшественникам, упиваться единодержавием, а пошел на разделение полномочий верховной власти: наделил своего боевого товарища Максимиана достоинством, равным собственному, сделав его коллегой по власти и возведя в сан *августа* (285/286 г.). Сохранив за собой восточные провинции, Диоклетиан предоставил Максимиану неограниченные полномочия в западной половине Империи, где ему предстояло не только защищать границы от набегов варваров, но и вести беспощадную борьбу с восставшими багаудами.

Разделив сферы влияния, Диоклетиан, однако, сохранил за собой главенство в решении всех основных вопросов: он считался старшим из двух *августов*, а Максимиан — млад-

шим и должен был ему подчиняться. Режим правления двоих (*диархия*) продержался до 293 г., когда августы избрали помощниками Галерия и Констанция Хлора, наделив их званием *цезарей*. Таким образом устанавливается *тетрархия*, или правление четырех. Цезари не имели гражданской власти. Они лишь исполняли функции командующих армиями, возложенные на них августами, и полностью контролировались администрацией последних.

Практически на протяжении всего своего правления Диоклетиану и его помощникам пришлось бороться с многочисленными узурпаторами, посягавшими на верховную власть, и отражать нападения внешних врагов.

В Галлии Максимиан достаточно быстро (285/286 гг.), хотя и не без труда, подавил восстание багаудов. В 287 г. он совершает поход в Германию и разбивает саксов, франков, бургундов и герулов. Затем, уже совместно с Диоклетианом, начавшим в 288 г. наступление из Реции, Максимиан проводит кампанию против аламаннов. Окончание войны с аламаннами возлагается на будущего цезаря Констанция Хлора, который уже в следующем году смог отпраздновать победу.

Однако экспедиция Максимиана против Караузия (286—293 гг.), объявившего себя императором в Британии, оказалась неудачной. Караузий продержался у власти 6 лет и успешно отражал набеги северных племен, но пал в результате заговора Аллекта. Только в 296 (297) г. тетрархам удалось вновь присоединить Британию к Империи: Констанций Хлор, усилив свою армию преторианцами, высадился на острове благодаря туману, скрывшему его корабли. Узурпатор был разбит, взят в плен и казнен. Тогда же из Британии изгоняются франки, которые обосновались здесь, воспользовавшись беспорядками на острове.

В 297 г. Максимиан отправился в Африку, разбил мавров и восстановил порядок в провинции.

Наиболее тяжелое положение сложилось на дунайской границе, где Диоклетиану пришлось лично участвовать в во-

енных кампаниях, отражая натиск варваров. Первая серия военных столкновений происходит между 289 и 295 гг. За этот период римские армии проводят три успешных похода против сарматов (в 289, 290 и 292 гг.). В 294 г. Максимиан наносит поражение готам и сарматам. В 295 г. были разбиты и переселены на территорию Империи¹ карпы. Между 302 и 306 гг. происходит новая череда военных столкновений. В очередной раз отражены вторжения сарматов и карпов, после чего на дунайской границе воцаряется прочный мир, практически не нарушавшийся в течение двух десятилетий.

Столь же впечатляющими были успехи римлян на Востоке. Сначала Диоклетиан подавляет мятеж Ахилла (297—298 гг.), принявшего знаки императорской власти в Египте. Для этого императору приходится в течение 8 месяцев осаждать Александрию, за стенами которой укрылся его противник. Однако наиболее крупным военным успехом была победа цезаря Галерия, одержанная над персидским царем Нарсесом (293—302 гг.). Она разом смыла позор прежних поражений и стала возмездием персам за унижение Рима после поражения и пленения императора Валериана (260 г.).

Причиной развязывания новой войны с Персией послужило укрепление римских позиций в Армении, где в 288 г. Диоклетиан установил римский протекторат и сажает на трон Тиридата, проводившего проримскую политику. В 296 г. Нарсес вторгается в Армению и изгоняет Тиридата. В следующем году он наносит сокрушительное поражение Галерию, которому Диоклетиан доверил командование в этой войне. По приказу Диоклетиана Галерий быстро набирает новую армию, в 298 г. вступает в пределы Армении, разбивает войско персидского царя и, двинувшись на юг Месопотамии, овладевает Ктесифоном. В руки римлян попадают жены, сестры и дети Нарсеса, после чего последний вынужден покупать мир любой ценой.

В 299 г. в Нисибисе стороны подписывают мир, согласно условиям которого северная часть Месопотамии, часть Ми-

дии Атропатены и несколько менее важных областей отходили к Империи. Кроме того, Армения и Иберия оставались под римским протекторатом. В ознаменование этой великой победы в Фессалониках возводится триумфальная арка (между 298/299 и 303 гг.).

Правление Диоклетиана подвело черту под полувековым периодом кризиса, сопровождавшегося опустошительными нашествиями неприятелей и страшными военными катастрофами. За время пребывания этого императора у власти римляне одержали не менее 26 побед над самыми различными противниками, что является наглядным подтверждением того, что к концу III в. военная система Империи успешно адаптировалась к новым внешнеполитическим условиям.

Военные успехи, достигнутые тетрархами, безусловно требовали проведения ряда глубоких, можно даже сказать, фундаментальных реформ в армии и структурах, обеспечивавших поддержание ее боеспособности на самом высоком уровне. Во-первых, армия, понесшая большие потери, нуждалась в новых солдатах, которых было необходимо одеть и вооружить.

Поскольку в глазах провинциалов военная служба становилась все более опасной, а ее условия казались им все менее выгодными и привлекательными, основой пополнения армии при Диоклетиане стал принудительный рекрутский набор. Рекрутов предпочитали получать в основном из пограничных провинций, многие из которых в результате нападений неприятеля к тому времени были опустошены и обезлюдели. Поэтому на таких заброшенных территориях стали насильственно селить большие массы пленных варваров, из числа которых получали необходимые для армии пополнения.

Введение принудительного воинского набора позволило Диоклетиану и его коллегам значительно увеличить численность своей армии. В период тетрархии создается большое количество новых легионов² и вспомогательных подразделений. Численность римских вооруженных сил воз-

растает практически вдвое, и, если верить сообщению Иоанна Лидийца, в сухопутной армии при Диоклетиане служит 389 704 человек, а во флоте — 45 562 (Ioh. Lyd., *De mens.*, I, 27).³

Чтобы быстро обеспечить войска оружием, Диоклетиан создал сеть государственных оружейных мастерских (*fabricae*), располагавшихся в тех провинциях, где было сосредоточено большое количество войск: 20 — в западной части Империи и 15 — в восточной.⁴ Обмундирование для армии изготавливалось также в государственных ткацких мастерских (*gynaecae* и *lynifia*).

Обычно считается, что Диоклетиан уделил особое внимание фортификационному строительству в приграничных районах (*лимесах*), стремясь таким образом «заменить людей камнями». Все легионы, как и во времена принципата, были размещены им вдоль границ. В поддержку легионам придавались вспомогательные кавалерийские и пехотные подразделения. Территории, которые было тяжело защищать, Диоклетиан предпочел уступить варварам, очевидно заключив с ними федеративные договоры, обязывавшие их охранять определенные участки *лимесов*.

Все эти мероприятия осуществляются в течение 20-летнего пребывания Диоклетиана у власти. Двадцатую годовщину своего правления император решает отметить триумфом в Риме, празднуя победы, одержанные над многочисленными варварскими племенами. Вместе с Максимианом Геркулием он проехался по улицам Вечного Города в колеснице, запряженной слонами, впереди которой шли многочисленные пленники, а в носилках несли жен и сестер персидского царя (20 ноября 303 г.). По окончании этого торжества Диоклетиан отправился в Никомедию, где 1 мая 305 г. сложил с себя верховную власть. В тот же день в Медиолане, неохотно подчиняясь настоянию старшего августа, его примеру последовал Максимиан Геркулий. Сделавшись частным лицом, Диоклетиан отправился в свой родной город Салоны, а Максимиан — в Луканию.⁵

После отречения Диоклетиана и Максимиана августами стали: Констанций Хлор — на западе Империи и Галерий — на востоке. Цезарями были избраны Флавий Север и Максимин Дайя. Констанций Хлор добровольно отказался от власти над Италией и Африкой, которые перешли к Галерию.

25 июля 306 г. Констанций Хлор умер в Британии. Британская армия провозгласила императором его сына Константина.⁶ Зная, что Константин популярен среди солдат, Галерий был вынужден смириться с его возвышением, однако дал Константину только звание цезаря. Августом запада Галерий назначил Флавия Севера.

Выдвижение Константина британской армией тотчас же возымело свои последствия. В тот же год 28 октября преторианцы при поддержке населения Рима восстали против Галерия и объявили императором Максенция, сына Максимиана Геркулия и зятя Галерия. Узнав о перевороте, Максимиан Геркулий прибыл в Рим и присоединился к сыну. В 307 г. Галерий отправил на подавление мятежа Флавия Севера, однако солдаты Севера перешли на сторону его противника. Сам Север с немногими приближенными бежал в Равенну. Поверив Максимиану, обещавшему сохранить ему жизнь, Север отказался от звания августа и сдался в плен, но вопреки данным гарантиям, в скором времени его принудили к самоубийству. Поход на Рим самого Галерия также закончился неудачей. Тогда Галерий признал Максенция цезарем. Под власть последнего отошли Италия и Африка.

Таким образом порядок передачи власти, установленный в период *первой тетрархии*, разрушился. Вместо Флавия Севера Галерий назначил августом своего друга Лициния (307 г.) и поручил ему управление Иллириком и Фракией, а спустя немного времени возвел в то же достоинство и Максимиана Дайю. Некоторое время Галерий велел называть Константина и Максенция *сыновьями августов*, но потом признал и за ними достоинство августов.

Галерий умер от болезни в 311 г. После его смерти, по договоренности с Максимином Дайей, Лициний сохранил за

собой власть над всеми европейскими провинциями Галерия, а Максимиனு отошли азиатские. Таким образом, власть над Римским миром оказалась сосредоточенной в руках четырех человек, лишь на словах бывших коллегами по власти, на деле же — непримиримыми врагами. Поэтому единственным выходом из сложившейся ситуации могла стать лишь открытая война, результатом которой оказался бы неизбежный возврат к единодержавию и передаче верховной власти в соответствии с династическим принципом.

ГЛАВА I

УСТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОВЛАСТИЯ КОНСТАНТИНА

Успех — главный судья, выносящий приговор поступкам исторической личности. Лишь в зависимости от него определяется степень правильности или неправильности этих поступков. Успех неизменно сопутствовал Константину во всех его главных военных предприятиях, и уже одно это превратило его в глазах потомков в выдающегося полководца и политического деятеля, чья воля надолго определила будущее не только Римского мира, но и всей человеческой цивилизации.

Начиная с момента своего провозглашения и вплоть до победы над Лицинием Константин постоянно делит власть с одним или несколькими соправителями. И только в конце 324 г. ему наконец удается подчинить себе всю Империю, о чем, несомненно, он мечтал с самого начала своей политической карьеры.

Все дороги ведут в Рим

...Замечая, что великий город на словах находится под управлением, на деле же подвергается разрушению со стороны своего владыки, не снес этого соединения в одном лице и правителя, и врага и признал недопустимым, чтобы, пока он жив и взирает на солнце, глава вселенной предоставляема была в жертву насилия тирана на увещье...

Lib., Or., LIX, 20; пер. С. П. Шестакова

О Рим, наконец-то счастливый победой в гражданской войне!

Pan. Lat., IX, 20, 3; пер. И. Ю. Шабаги

Прежде чем вступить в борьбу за остальные части Империи, Константину предстояло сначала упрочить свою власть в Галлии, территория которой постоянно подвергалась набегам германцев. Положение на рейнской границе ухудшилось сразу же после смерти Констанция Хлора. Воспользовавшись тем, что основные силы римской армии находились в Британии, на приграничные области Галлии напали франки. Это вторжение носило масштабный характер, поскольку в нем принимали участие двое франкских «царей»: Аскаррик и Метрогаз. Однако Константину удалось разбить нападавших и захватить в плен их предводителей, которых он казнил (306/307 г.). Панегирист Назарий сравнивает умерщвленных франкских вождей с двумя змеями, подосланными Юноной (Герой), а Константина с Геркулесом, задушившим их еще в младенчестве. «Этот некогда внушавший ужас берег, — утверждает автор другого панегирика, — возделывает теперь безоружный земледелец, а наши стада купаются у обоих рукавов реки на всем ее протяжении» (Pan. Lat., VII, 11, 5; пер. И. Ю. Шабаги).

Отразив франков, Константин начал возведение моста через Рейн, которое завершилось в 308 г. По сообщению панегириста, германцы, напуганные начавшимися работами, «слезно просили» императора о мире и прислали ему знатных заложников. На противоположном берегу реки Константин восстановил разрушенную варварами Дивитию, а в 309 г. совершил поход против бруктеров.

Максимиан Геркулий, желая вернуть себе верховную власть, посоветовал молодому императору отправиться в поход с небольшим количеством войск. Оставшихся солдат Максимиан рассчитывал переманить на свою сторону подарками и обещаниями.

Поход против бруктеров был удачен для Константина. Неожиданно напав на варваров, пока те не успели спрятаться в лесах, он полностью опустошил их земли. «Итак, бесчисленное множество врагов убито, многие захвачены в плен; весь скот, сколько его было, угнан и умерщвлен; все селения сожжены огнем» (Pan. Lat., VII, 12, 3; пер. И. Ю. Шабаги).

Вопреки победа над германцами оказалась не такой окончательной, как это подает автор панегирика, поскольку, как только Константин со своей армией ушел, чтобы помешать замыслам Максимиана, как франки тотчас снова взяли за оружие. Поэтому, едва принудив Максимиана к вторичному отречению, молодой император ускоренными переходами поспешил обратно к Рейну. Впрочем, франки были усмирены еще до прихода основных сил армии.

Продолжая кампанию против бруктеров, Константин получил известие, что Максимиан в третий раз посягнул на высшую власть и утвердился в Арелате. Константин был вынужден свернуть военные действия против германцев и со всей возможной быстротой двинуться к Арелату.

Его противник пробыл в Арелате недолго и перебрался в более укрепленную Массилию, под стенами которой скоро появились войска Константина. Взять город с ходу не удалось. Анонимный автор панегирика пеняет на недостаточную длину штурмовых лестниц, сделанных солдатами Константина: «А ведь сейчас при первом твоём, император, наступлении и первом натиске твоего войска ни толщина стен той же самой Массилии, ни расположенные вблизи друг от друга башни, ни характер местности не помешали бы тебе захватить и порт, и — если бы ты захотел этого — сам город. Ибо твои воины столь уверенно штурмовали городские стены на всем их протяжении, что, без сомнения, тотчас же вскарабкались бы на них, если бы их высота не обманула приготовленные на глаз лестницы, которые они придвигали к стене. Но все же многие, введенные в заблуждение недостаточной длиной лестниц, вытягивались во весь рост и старались дотянуться до возвышающегося края стены; цепляясь руками за малейшие выступы, они поднимались по плечам следовавших за ними товарищей и устремлялись вперед сквозь промежутки между зубцами стен. Они настолько не боялись никакой опасности при осуществлении своей мести, что им казалось, будто они не взбираются на стены, а сражаются на равнине!» (Pan. Lat., VII, 19, 4—6; пер. И. Ю. Шабали). Константин был вынужден дать сигнал к отступлению.

После этого он обещал прощение всем сподвижникам Максимиана, что, очевидно, способствовало бескровной капитуляции города.

Максимиан, обвиненный в покушении на жизнь императора, был вынужден добровольно принять смерть (июнь 310 г.). Максенций, хотя он уже давно находился во враждебных отношениях с отцом, увидел в произошедшем удобный повод для объявления войны Константину.

Обе стороны деятельно готовились к предстоящему столкновению. Согласно Зосиму, Константину удалось собрать армию, которая насчитывала 90 000 пехотинцев и 8000 всадников (Zos., II, 15, 1). Приведенные Зосимом цифры, возможно, имели под собой историческую основу, но относились ко всем воинским силам, дислоцированным в той части Империи, на которую простиралась власть Константина.

Еще более впечатляющие цифры Зосим приводит для сил, собранных Максенцием. Последнему удалось мобилизовать 170 000 пехоты и 18 000 кавалерии, из которых 80 000 составляли италийцы и 40 000 африканцы и сицилийцы (Zos., II, 15, 2). Согласно анонимному автору панегирика, Максенций имел в своем распоряжении армию, превышавшую 100 000 человек (Pan. Lat., IX, 3, 3).

Поход Константина в Италию — одна из интереснейших страниц в римской военной истории первой половины IV в. Данные об этой кампании сохранились в самых различных источниках, поэтому мы достаточно точно можем восстановить последовательность событий. Вместе с тем, характер дошедших до нас свидетельств таков, что, реконструируя сами эти события, мы часто вынуждены полагаться не на конкретные данные, а на гипотезы и предположения — плоды умозрительных спекуляций.

Константин выступил в поход, имея при себе сравнительно небольшую армию. Анонимный автор панегирика утверждает, что он увел с собой в Италию едва ли четвертую часть имевшихся у него под рукой войск (Pan. Lat., IX, 5, 1—2). Если мы будем опираться на данные Зосима, то получим, что у Константина было в Италии не более 25 000 сол-

дат. Это вполне согласуется с утверждением того же панегириста, что Александр Великий, в распоряжении которого находилось 40 000 человек, обладал более многочисленными силами, чем Константин (Pan. Lat., IX, 5, 1—2).

Согласно утверждению автора панегирика, армией, превышающей 40 000, было трудно управлять и она была «больше похожа на толпу, чем на войско» (Pan. Lat., IX, 5, 1). Но у больших армий есть еще один существенный недостаток, который, судя по всему, оказал определяющее влияние на решение Константина: «...Большее количество, — утверждает Вегеций, — подвергается и большим случайностям: во время переходов оно, в силу своей громадности, более медлительно...» (Veg., III, 1; пер. С. П. Кондратьева).

Зосим утверждает, что именно Константин инициировал войну. Он будто бы уже давно не доверял коллеге по власти и деятельно готовился к началу открытой борьбы с ним (Zos., II, 15, 1). Весь план итальянской кампании Константина состоял в том, чтобы не дать противнику времени собраться с силами и основательно подготовиться к обороне. Молниеносные переходы, опережавшие любые слухи о его продвижении, позволили бы Константину застать полководцев Максенция врасплох. Это объясняет, почему Константин начинает кампанию с весьма незначительными силами: маленькая армия не только намного более мобильна, чем большая, но для ее подготовки требуется значительно меньше времени; все это давало Константину возможность напасть на врага раньше, чем тот объединит свои силы, и по отдельности уничтожить его группировки.

Неожиданное появление Константина в Италии и его стремительные действия заставили сторонников Максенция ограничиться обороной городов и крепостей, которые в результате были утрачены вместе с войсками, пытавшимися их защищать. На этом этапе кампании Константин проявил себя не только как искусный тактик, но и как выдающийся стратег.

Военные действия предполагалось вести не только на суше. Константин отправил в Средиземное море свой флот,

которому удастся занять «Острова» (Сицилию и Сардинию), находившиеся под властью Максенция, и, таким образом, воспрепятствовал подвозу в Рим продовольствия и военных контингентов из Африки.

Сухопутная операция началась в конце августа 312 г. Появление Константина в Италии, судя по дошедшим до нас указаниям, стало полной неожиданностью для его противников. Автор панегирика совершенно определенно заявляет, что армия Константина стремительно проделала расстояние, отделявшее Рейн от Альп (Pan. Lat., IX, 5, 5), а когда она оказалась в Италии, то жители Сегусиона сначала не поверили, что видят под своими стенами самого императора.

Сегусион (совр. Суса) находился у подножия Альп и был укреплен как природой места, так и мощными фортификационными сооружениями. Подробности штурма города нам почти неизвестны. После того как гарнизон отказался сдаться, Константин начинает штурм. Осаждавшие не стали подводить к городу осадные машины; им удалось поджечь ворота, после чего они пошли на приступ со штурмовыми лестницами. Огонь очень быстро перекинулся на стоявшие поблизости строения, и в городе начался пожар. «Когда же издалека были выпущены дротики и другие метательные снаряды, а затем в ход пошли копья и мечи, операция, едва успев начаться, была закончена, а попытки мятежников сопротивляться тут же прекратились» (Pan. Lat., IX, 5, 6; пер. И. Ю. Шабаги). Панегирист Назарий прославляет милосердие Константина, сохранившего захваченный Сегусион, однако ниже он же говорит об опустошении города (*Segusien-sium vastitas*) (Pan. Lat., X, 22, 1), поэтому его слова о сегусионцах, преисполненных огромной любовью к императору, могут быть обычной для произведений подобного рода риторикой.

Захват Сегусиона не испугал итальянцев и не заставил их отвернуться от Максенция. Напротив, согласно утверждению анонимного автора панегирика Константину, солдаты Максенция были охвачены желанием отомстить врагу (Pan. Lat., IX, 6, 2).

Первое крупное столкновение противоборствующих сторон происходит под Августой Тавринов (Турином). Не совсем понятно, с кем пришлось сражаться Константину: с войсками Максенция, занявшими позицию у этого города, или с гарнизоном и ополчением из местных жителей. Во всяком случае, Назарий утверждает, что битва была с тавринами — лигурской народностью, проживавшей в том регионе (Pan. Lat., X, 22, 2).

Эта битва — единственная, рассказывая о которой, панегиристы сообщают важные детали, позволяющие предположить, как могли разворачиваться действия на поле боя. Описывая армию противников Константина, Назарий обращает внимание прежде всего на ее многочисленность, а также на панцирных всадников (*катафрактов*), бывших, очевидно, главной ударной силой врагов (Pan. Lat., X, 22, 3—4).

Анонимный панегирист приводит важные подробности, рассказывая о диспозиции сторонников Максенция. Согласно его утверждению, их армия была построена в виде полумесяца с отведенными далеко назад боковыми сторонами (Pan. Lat., IX, 6, 3). Предполагалось, что, когда фронт этого построения вступит в бой, его крылья охватят армию Константина с флангов.

Константин возглавил центр своего боевого порядка, которому предстояло отразить «укрепленную голову» (*offirmatum caput*) вражеского построения. Против отведенных назад крыльев выставляются специальные отряды. Сам Константин, как утверждает Назарий, «взял на себя» панцирных всадников (Pan. Lat., X, 23, 4). Таким образом, если мы соединим сообщения обоих панегиристов, то придем к заключению, что катафракты стояли в центре, перед фронтом остальных сил. Вероятно, оригинальность подобной диспозиции заставила авторов панегириков не ограничиться обычными риторическими клише, возвеличивая победу, одержанную Константином, но внести в свой рассказ несколько важных конкретных деталей.

Когда началось сражение, пехота Константина, разделившись, двинулась в противоположные стороны вдоль линии

фронта, давая дорогу вражеским катафрактам, которые во весь опор понеслись вперед, не в состоянии остановиться и развернуться. В результате всадники Максенция оказались в окружении и их судьба была решена. «...Наши вооруженные булавами воины идут в наступление, — передает Назарий, — не нанося ранений, удары их железных палиц изматывают противника и даже заставляют его падать, особенно если приходится по голове. Итак, враги рушились наземь и откатывались в сторону; полуживые шли, качаясь из стороны в сторону, или умирали, удерживаясь в седле. Если смерть поражала одновременно и коня, и всадника, они гибли, тесно сплетаясь друг с другом, а раненные в не защищенные броней места кони там и сям сбрасывали наземь своих седоков и ржали от дикого ужаса. После того как все до одного неприятели были перебиты, а твои воины не понесли никакого урона, страх, вызванный этим воинством, перешел в удивление перед победой, в которой те, кто считался неуязвимым, гибли, не нанося ранений твоим воинам» (Pan. Lat., X, 24, 3—5; пер. И. Ю. Шабаги).

После бегства кавалерии и истребления клибанариев у тавринской пехоты не оставалось никаких шансов. «Сам ты, — говорит, обращаясь к Константину, анонимный панегирист, — опрокинув, несмотря на сопротивление, передний край и обратив в бегство весь строй, учинил, продвигаясь вперед, резню тем большую, что строй этот был усилен мощными подкреплениями» (Pan. Lat., IX, 6, 4—5; пер. И. Ю. Шабаги).

Население города или из-за враждебности к Максенцию, или из страха перед ужасами возможной осады, или решив, что победа Константина предопределила исход войны, закрыло перед бегущими в панике солдатами ворота. Прижатые к самым стенам, остатки армии сторонников Максенция были беспощадно истреблены победителями. Сам город сдался, не имея сил, а возможно, и желания сопротивляться Константину.

Константин не стал задерживаться в Августе Тавринов и устремился в сторону Медиолана (совр. Милан). Весть о по-

ражении сторонников Максенция широко распространяется по Северной Италии. По сообщению анонимного панегириста, жители городов, «ликуя от радости», начали переходить на сторону победителя. Отовсюду к Константину направляются посольства и подвозится продовольствие. Медиолан сдался без боя, и толпа на улицах рукоплескала и танцевала, когда армия Константина вступала в город.

В Медиолане Константин задержался всего на несколько дней, после чего повернул на юг, в сторону Вероны. Некоторое время спустя у Бриксии (совр. Брешии) его войска столкнулись с кавалерийским корпусом Максенция. Сторонники Максенция вновь были разбиты и с большими потерями отступили к Вероне, где уже собрались значительные силы под командованием префекта претория Руриция Помпеяна, человека весьма сведущего в военном деле (*experientissimus belli*) (Pan. Lat., X, 25, 4).

Перед Вероной протекала река Атес (совр. Адидже), форсировать которую достаточно трудно из-за стремительности потока, водоворотов и подводных камней. Однако Константин поднялся выше по течению Атеса, переправил часть армии там, где река более спокойна, и осадил город. Руриций попытался отбить осаждавших, но его вылазка оказалась неудачной. Тогда Руриций бежал из Вероны, надеясь привести подкрепления. Уже на исходе того же дня он с новыми силами появился в тылу у осаждающих.

Однако Константин не снял осаду и выстроил войска для правильного сражения. Согласно утверждению анонимного панегириста, он развернул армию в две боевые линии, одна из которых, вероятно, была обращена фронтом к Вероне, а другая — к подошедшему Рурицию. Во избежание окружения превосходящими силами противника Константин растягивает свой боевой порядок (Pan. Lat., IX, 9, 1). Начавшееся вечером столкновение оборачивается упорной и кровопролитной битвой. Константин принял личное участие в бою, что дало пищу для восторгов и славословий его придворных подхалимов. «Ты все предусмотрел, все устроил, исполнил

все обязанности верховного главнокомандующего: но зачем ты сражался сам? — в притворном негодовании восклицает анонимный панегирист — Зачем ты подвергал благополучие государства столь большой опасности? Неужели ты полагаешь, будто мы не знаем, как, охваченный чрезмерным рвением, ты ворвался в самую середину вражеского войска и, если бы не проложил себе дорогу, разя врагов направо и налево, обманул бы надежды и чаяния всего человеческого рода? Ведь ты носился столь стремительно, что был похож на бурную реку, увлекающую с собой вырванные с корнем деревья и целиком вывороченные глыбы. Что общего у тебя, император, с людьми более низкой судьбы? Сражаться следует тем, кому на роду написано или победить, или быть убитым; но зачем же подвергаться какой-либо опасности тебе, от жизни которого зависит судьба всех? Зачем метаться среди стольких копий и мечей?» (Pan. Lat., IX, 9, 3—6; пер. И. Ю. Шабаги). Битва завершилась глубокой ночью. Руриций пал в бою; победа досталась Константину; осада Вероны продолжалась, и через некоторое время город сдался.

Очевидно, не желая оставлять у себя в тылу крупные силы противника, после захвата Вероны Константин двинулся к Аквиле, которая также оказала сопротивление его войскам. Чтобы наказать неприятелей за их упорство, Константин приказал заковать их в кандалы, сделанные из их же собственных мечей. «О прекраснейшей триумф твоей доблести и милосердия, — в тоне восхищенного энтузиазма изливает свои чувства анонимный автор панегирика, — триумф, который должен стоять перед глазами каждого! Ведь человеколюбию того, благодаря чьему мужеству у врагов было отнято оружие, следует приписать и то, что сдавшиеся в плен воины были для их же блага закованы в железо таким образом, чтобы ежедневно раскаиваться в том, что прежде они поднимали его против тебя. Тот меч, который обратил против тебя нечестивый враг, сам удержал руку своего господина и, будучи предназначен для убийств, стал охранять жизнь» (Pan. Lat., IX, 12, 1—2; пер. И. Ю. Шабаги). Аквилея

оказалась последним городом Северной Италии, где Максенций сосредоточил крупный гарнизон. После ее капитуляции дорога на Рим была открыта. Поэтому Константин, не медля, кратчайшим путем двинулся к столице через область венетов.

Если подводить итог действиям обеих сторон в Северной Италии, то становится очевидным, что сторонники Максенция оказались совершенно не готовыми к появлению Константина. В стратегически важных городах они сосредоточили очень значительные силы; некоторые из этих гарнизонов по численности были вполне сопоставимы с армией противника, как, например, войска, собранные в Августе Тавринов. Если бы полководцы Максенция смогли своевременно собрать их в одном месте, то они имели бы все шансы одержать победу. Однако им не удалось привести этот план в исполнение.

Античные авторы объясняют пассивность Максенция его порочностью и неспособностью к решительным действиям. Анонимный автор панегирика называет его «глупым и дрянным животным» (Pan. Lat., IX, 14, 3), Аврелий Виктор пишет, что он был «дик и бесчеловечен», «труслив и невоинственен» (Aug., Caes., 40, 19; 20). Евсевий Памфил обвиняет его во всех преступлениях и гнусностях, которые обычно приписывают поверженным правителям апологеты их победителей (Euseb., VC, I, 33—36). Вместо того чтобы собирать войска, оружие и снаряжение, Максенций будто бы предавался в Риме разврату и пьянству и, не решаясь выйти за стены города, старался различными способами узнать будущее. «Но концом злодеяний тирана, — пишет Евсевий, — стало то, что он вдался в чародейство. Для целей магии то рассекал он беременных женщин, то рассматривал внутренности новорожденных младенцев, то умерщвлял львов и совершал другие невыразимые мерзости, чтобы вызвать демонов и отвратить наступавшую войну. Этими-то способами надеялся он одержать победу» (Euseb., VC, I, 36). Впрочем, вся эта негативная характеристика Максенция не должна восприниматься на веру. После того как в Империи

устанавливается единодержавие Константина, история переписывается таким образом, чтобы представить последнего как единственного достойного правителя, а для этого нужно показать в как можно менее привлекательном виде его противников.

Битва при Мульвиевом мосту — самое известное сражение кампании 312 г. Однако восстановить его ход невозможно, поскольку в источниках не сохранилось никаких конкретных деталей. Авторы панегириков и исторических сочинений обращают все внимание, во-первых, на странную стратегию, к которой прибежал Максенций, и на необычные обстоятельства его гибели, а во-вторых, уделяют большое место рассказу о так называемом «видении Константина», которое случилось накануне сражения и в котором Константин получил предсказание своей грядущей победы. На последний эпизод обращают пристальное внимание исключительно христианские писатели, старающиеся придать событиям религиозную окраску.

Все, что мы знаем о приготовлениях Максенция к предстоящему сражению, сводится к следующему. На некотором расстоянии от каменного Мульвиева моста, выше по течению реки, был построен еще один деревянный мост. По свидетельству других источников, мост был понтонным, на поставленных вплотную друг другу судах ([*Aur.*], *Epit.*, 40, 7; *Euseb.*, *VC*, I, 38). Впрочем, если судить по рельефу на арке Константина, то бой происходил на каменном мосту.

Зачем Максенций сделал это, остается до конца непонятным. Согласно Зосиму, мост соорудили таким образом, что две его половины соединялись скрепами. Строителям Максенций приказал извлечь скрепы, если они увидят, что войска Константина вступили на мост. Это должно было спровоцировать обрушение всей конструкции и гибель неприятелей (*Zos.*, II, 15, 3; ср. *Aur.*, *Caes.*, 40, 23; *Lib.*, *Or.*, LIX, 20). Об этой стратегии Максенция нет упоминаний в самых ранних источниках: ни у Лактанция, ни у панегиристов, ни в «Церковной истории» Евсевия. Однако Евсевий сообщает о ней в «Жизнеописании Константина» (*Euseb.*, *VC*, I, 38, 2—3),

что, возможно, понадобилось ему для того, чтобы сравнить участь Максенция с библейским фараоном, тонущим со своей армией в водах моря.

Можно допустить, что в рассказе о военной хитрости Максенция произошла путаница, в результате которой два различных действия оказались связаны друг с другом: узнав о приближении Константина, Максенций приказал строителям подготовить к обрушению каменный мост, а для себя подготовил временный, то ли деревянный на сваях, то ли понтонный на кораблях. В действительности, такая стратегия имеет мало смысла: если бы сражение сложилось неудачно для Максенция и он попытался бы бежать, то его противники последовали бы за ним по тому же самому мосту.

Возможно, Максенций еще до принятия решения встретить противника в открытом поле приказал частично разрушить каменный мост. Когда же ему показалось, что высшие силы обещают ему победу, то ему потребовалась переправа, которая была возведена на скорую руку накануне генерального сражения.

Где произошло столкновение противоборствующих сторон, точно неизвестно. Авторы панегириков (Pan. Lat., IX, 16, 3; X, 28, 4—6), Лактанций (Lact., 44) и Зосим (Zos., II, 16, 1) утверждают, что оно состоялось на равнине близ Мульвиева моста, которую выбрал сам Константин, потому что она представлялась удобной для действий его многочисленной кавалерии; согласно Аврелию Виктору (Aug., Caes., 40, 23) — у Красных камней (*Saxa Rubra*), в девяти милях от города.

Битва произошла 28 октября 312 г. Согласно сообщениям античных историков, Максенций приносил жертвы богам, общался с предсказателями и читал Сивиллины книги, надеясь заранее узнать, каков будет исход предстоящего сражения. И только получив пророчество, сулящее смерть любому, кто причинит зло римлянам, он, посчитав его благоприятным, отважился выйти за городские стены.

Впрочем, выбор 28 октября в качестве даты генерального сражения может иметь и более простое объяснение. Это был

день 6-й годовщины правления Максенция. Видимо, он предполагал, что любые предприятия, начатые им в столь знаменательный день, будут иметь счастливый исход.

Максенций пересек Тибр по наведенному им мосту и развернул армию в боевой порядок. Назарий утверждает, что «тиран» выстроил войска у самого берега Тибра так, что «ноги стоящих в последней шеренге солдат омывали оказавшиеся роковыми для них волны реки». Не сообщая более ничего конкретного о диспозиции армии Максенция, Назарий отмечает ее поражающую глаз многочисленность: «взглядом невозможно было охватить то пространство, на котором она была развернута» (Pan. Lat., X, 28, 4; ср. IX, 16, 3).

Согласно Зосиму, Константин атаковал первым, бросив в бой свою галло-германскую конницу. Кавалерия Максенция не выдержала этого натиска и отступила, провоцируя тем самым и бегство пехоты. Ни один источник не описывает ход сражения. Назарий говорит о «стремительно проведенной битве» (Pan. Lat., X, 30, 2). При этом он, в соответствии с законами жанра, уделяет очень много внимания личному участию Константина в бою: «Ты первым атакуешь строй врага, один врываешься в него. Ты идешь вперед, и тщетно пущенные в тебя дротики скрывают тебя от взоров; оставаясь невредимым, звенит от ударов твой меч. Людей, упавших от удара твоего громадного копья, топчет копытами твой стремительный конь. Сверкает знаменитый шлем, а голову осеняет трепетное сияние драгоценных камней. Золотом блещут твой щит и оружие. О, каким могуществом обладаешь ты, мужество, производя благодаря этому одеянию впечатление скорее страха, чем красоты!» (Pan. Lat., X, 29, 5—6; пер. И. Ю. Шабаги).

Гибель Максенция по-разному описывается в источниках. Согласно анонимному автору панегирика Константину, солдаты Максенция, запертые на Мульвиевом мосту, сами бросались в реку (Pan. Lat., IX, 17, 1). Максенций пытался спастись, поднявшись на коне по отвесному берегу, но был увлечен водоворотом (Pan. Lat., IX, 17, 2; ср. X, 30, 1). Авре-

лий Виктор пишет, что Максенций, видя поражение своей армии, бросился к Риму, однако попал «в засаду, приготовленную им для врага близ Мульвиева моста у переправы через Тибр» (Aur., Caes., 40, 23).

Вероятно, во время панического бегства Максенция часть его войск оказалась на наполовину разрушенном Мульвиевом мосту, что дало повод римским историкам заявить, что «тиран» сам попал в ловушку, которую готовил Константину, а скульпторам триумфальной арки позволило изобразить тонущих в волнах Тибра солдат. Сам Максенций попытался спастись по построенной по его приказу переправе, однако либо был сброшен в воду бегущей толпой, либо свалился вместе с конем, потому что сделанный им мост не выдержал заполонившего его множества людей и разрушился под их тяжестью. Эта версия подтверждается сообщением анонимного автора «Извлечений о жизни и нравах римских императоров», по которому, поскакав по понтонному мосту, конь Максенция оступился, и последний, свалившись в воду, был увлечен на дно тяжестью своих доспехов ([Aur.], Epit., 40, 7). Зосим также передает, что солдаты разбитой армии бросились к деревянному мосту, однако его бревна надломились, не выдержав веса бегущих, и Максенций со всеми своими людьми упал в Тибр (Zos., II, 16, 4). Тело его нашли солдаты Константина. Голову насадили на копье и пронесли по Риму во время триумфа. «За этой свитой, — восторженно сообщает Назарий, — несли отвратительнейшую голову самого тирана, и тогда (если можно хоть в какой-то степени верить рассказам очевидцев) сохранявшую свирепое выражение: даже смерть не стерла угрожающую гримасу на этой ужасной физиономии» (Pan. Lat., X, 31, 3; пер. И. Ю. Шабали).

Эта молниеносная кампания, в результате которой была завоевана вся Италия, продолжалась менее двух месяцев. Победа над Максенцием превратила Константина в единственного августа, чей статус легитимизировал римский сенат.

Сим победиши!

И какой бог, какая столь благосклонная сила повелела, чтобы ты сам (хотя почти все твои приближенные и военачальники не только молчаливо колебались, но и явно боялись), сам вопреки советам людей и предсказаниям гарусников понял, что именно тогда ты должен был приступить к освобождению Города?

Pan. Lat., IX, 2, 4; пер. И. Ю. Шабаги

Гораздо подробнее самой битвы у моста подается в источниках легенда о видении Константина, которое якобы имело место 27 октября. Есть две различные версии этого события. По одной из них, император увидел пророческий сон. «Во время сна, — пишет Лактанций, — Константин получил повеление изобразить на щитах небесный знак Бога и так вступить в битву. Он сделал, как было приказано, и призвал Христа перекрещенной буквой „X“ с закругленной верхней частью. Вооружившись этим символом, войско берется за мечи» (Lact., 44, 5).

Евсевий Памфил в «Жизнеописании Константина» пересказывает историю Лактанция, однако снабжает ее большим количеством красочных деталей, при этом заменяя перекрещенную букву «X» на крест. При этом Евсевий уверяет, что император лично рассказал ему о виденном чуде. «...Василевс получил удивительнейшее, посланное от Бога знамение, так что и поверить было бы нелегко, если бы говорил кто-то другой. Но нас с клятвой уверял в этом сам победоносный василевс, когда, спустя долго после того, мы писали настоящее сочинение и удостоились его знакомства и беседы; посему, кто станет сомневаться в истине сего сказания, тем более что и последующее время было свидетелем его истины? „Однажды, в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу, — говорил василевс, — я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: «Сим побеждай!»“. Это зрелище объяло ужасом как его самого, так и все войско, которое,

само не зная куда, следовало за ним и продолжало созерцать явившееся чудо» (Euseb., VC, I, 28—29; пер. СПб. Духовной Академии, пересмотрен и исправлен Серповой В. В.).

Что бы ни стояло за легендой о видении Константина, она очень быстро получила официальный статус, поскольку на монетах, выпущенных уже во времена правления его сыновей, изображалась монограмма Христа (хризма), сопровождавшаяся легендой «IN HOC SIGNO VICTOR ERIS» («В этом знаке обретишь победу»).

Литература, посвященная видению Константина и обращению его в христианскую веру, достаточно обширна. Отметим прежде всего, что у нас нет никаких исторических свидетельств того, что в 312 г. Константин был хоть в какой-то степени расположен к христианству. Более того, есть все основания полагать, что будущий победитель у Мильвиева моста испытывал глубокие симпатии к солнечному культу. Константин определенно оставался адептом Солнца-Аполлона вплоть до окончания борьбы с Лицинием (324 г.).

Об отсутствии у императора каких-либо христианских взглядов в период, прошедший с момента битвы у Мильвиева моста, свидетельствует и триумфальная арка Константина. Часть ее рельефов изображает не военные победы, а те идеологические парадигмы, на которые ориентировался Константин, убеждая жителей Вечного города, что с его правлением придет эпоха благоденствия и процветания. Для этого были вторично использованы рельефы с памятников императоров II в. Среди прочих присутствуют и те, на которых изображены жертвоприношения языческим богам. В целом же на арке нет ни малейшего намека на христианскую символику.

О религиозных предпочтениях Константина можно судить также по имеющимся нумизматическим свидетельствам, которые служат наглядным выражением идеологии выпускавшего их императора. На аверсах монет обычно представлен портрет Константина в лавровом венке и присутствует традиционная легенда: «IMP CONSTANTINUS P F AVG» (Imperator Constantinus Pius Felix Augustus) — «Император Константин благочестивый и счастливый август».

Рис. 1. Аверс динария Константина с надписью MARTI PATRI CONSERVATORI (Отцу Марсу хранителю). Прорисовка И. В. Кирсанова.

На реверсах чаще всего изображена фигура (иногда только голова) Гелиоса в лучистом венце и идущая по окружности легенда SOLI INVICTO COMITI («Непобедимому Солнцу-спутнику») или «SOLI INVICTO» («Непобедимому Солнцу»); реже встречаются монеты с легендой «MARTI CONSERVATORI» («Марсу-хранителю») (см. рис. 1). Христианская символика появляется на монетах Константина, выпущенных только в 320—324 гг. и 326—330 гг.

В конце концов, для такого прагматика, как Константин, вопрос о выборе веры был лишь вопросом целесообразности. Вряд ли ему было выгодно сразу же после завоевания Италии открыто поддерживать христианство, религию, агрессивную по своей природе, с появлением которой впервые в истории античного мира возникает духовный террор. Христианство требовало от своих последователей непоколебимой веры, которая рождается только благодаря фанатической нетерпимости. Без нетерпимости нет и веры. Что касается Константина, то как в молодости, так и к концу жизни в отношении различных вероисповеданий он проявлял терпимость. В отличие от своих сыновей.

Некоторые исследователи полагают, что *христограмма* (*хризма*), состоящая из греческих букв Ι и Χ, или Ρ и Χ, появляется на монетах Константина уже в 315 г. Другие считают, что монеты с символикой, которую можно истолковать как христианскую, начинают выпускаться только после 317 г. Однако и эти символы могут иметь «языческо-солярную» трактовку. Но даже если они и представляли собой монограмму Христа, это не может еще неоспоримо свидетельствовать в пользу обращения Константина, поскольку присутствие на монетах императорской чеканки иного имени кроме императорского невозможно и означало бы оскорбление величества. А легенды, подобные «SOLI INVICTO COMITI», означали лишь, что Солнце — спутник императора, а не наоборот.

Согласно Зосиму, Константин придерживался языческих верований вплоть до 326 г. Это было обусловлено главным образом тем, что прорицатели дали ему верные предсказания о его будущих успехах. Однако в 326 г. император убил своего сына Криспа за связь того со своей мачехой Фаустой. Вслед за этим он приказал умертвить и Фаусту. Желая очиститься от совершенных им чудовищных преступлений, Константин обратился к жрецам с вопросом, какие искупительные жертвы ему следует принести. Однако жрецы ответили ему, что не знают такого вида очищения, который мог бы освободить его от столь тяжких злодеяний. В это время при дворе находился некий египтянин, который сказал императору, что христианская религия дарует прощение любых грехов. Константин охотно поверил таким словам и, отказавшись от языческих верований, стал исповедовать христианство (Zos., II, 29).

По мнению некоторых исследователей, изначально символ, принятый Константином, не имел никакого отношения к инициалам имени Христа и был языческого происхождения; возможно, он был связан с культом Аполлона. Недаром же существовало предание, что еще до похода в Италию этот бог явился Константину и обещал ему свое покровительство. Античные христианские авторы увидели в этом знамении две перекрещенные греческие буквы Χ и Ρ, образовывавшие

монограмму Христа, а божество, которое якобы явилось императору во сне, посчитали самым Христом. Есть также мнение, что Константин умышленно избрал себе знак, который мог быть воспринят одними как христианский символ, другими — как языческий. Поэтому все солдаты Константина, и язычники, и христиане, в день битвы изобразили знак, увиденный их полководцем на своих щитах, а он сам — на своем шлеме.

Появление у Лактанция рассказа о видении может быть следствием вторичной редакции трактата. Известно, что первоначально свое произведение Лактанций посвятил Лицинию, а целью его создания была пропаганда в западной половине Империи политики этого императора, прекратившего гонения христиан на Востоке. В тексте присутствуют очевидные указания на то, что Лициний испытывал симпатии к христианам. В описании событий, предшествующих сражению Лициния с Максимином Дайей, Лактанций рассказывает, что во сне Лицинию явился ангел и продиктовал ему следующую молитву: «Боже всевышний, тебя мы молим, святой боже, тебя мы молим, всю справедливость тебе вверяем, все благо тебе вверяем, всю империю тебе вверяем. Благодаря тебе мы живем, благодаря тебе существуем в довольстве и счастье. Всевышний, святой боже, услышь наши молитвы. К тебе руки простираем, услышь, святой всевышний боже» (Lact., 46, 6; пер. В. М. Тюленева). Проснувшись, Лициний передал слова молитвы писцу и приказал разослать ее всем *препозитам* и *трибунам*, чтобы они отдали ее учить солдатам. В день битвы, прежде чем броситься на врага, солдаты Лициния трижды произнесли молитву. После этого их противника охватил страх, и он был полностью разбит. Вполне вероятно, что Лициний и в самом деле постарался привлечь на свою сторону христиан, количество которых могло быть в его армии весьма значительным, а Лактанций лишь придал его действиям литературную форму.

Став воспитателем сына Константина Криспа, Лактанций должен был внести в свое сочинение существенные изменения, отредактировав ту его часть, которая посвящалась Кон-

стантину. Поэтому им был введен рассказ о сне Константина, симметричный рассказу о сне Лициния. Позднее мотив небесного благоволения перед битвой заимствовал и развил Евсевий. Таким образом мы имеем в данном случае двойную переработку первоначального текста: сначала Лактанций продублировал в «видении» Константина свой рассказ о чудесном сне Лициния, а потом этот сюжет был переосмыслен и дополнен Евсевием.

Вместе с тем не исключено, что инициатором создания легенды о божественном вмешательстве накануне битвы при Мульвиевом мосту был сам Константин, который рассказал однажды Евсевию придуманную им историю. Однако рассказ о том, что на щитах солдат Константина были изображены особые символы, в которых легко можно было увидеть христограмму, имеет под собой реальную основу.

Версия, которую приводит Лактанций, — самое раннее сообщение о видении Константина. Лактанций при этом нигде не упоминает об огненном кресте на небе и даже не сообщает, кто повелел Константину изобразить на щитах христограмму, которая, по свидетельству Лактанция, представляла собой греческую букву Х «с закругленной верхней частью». Аргументом в поддержку рассказа Лактанция может служить символ, изображенный в *Нотиции Дигнитатум*¹ на щите подразделения *Виндики* (*Vindices*) (ND, Or., VI, 16) (рис. 2).

Предполагается, что этот знак — руна «отала» (*odal*, *othila*, *othala*), посвященная богу Одину. Это не единственная эмблема в *Нотиции*, содержащая руны. В той же главе этого документа (ND, Or., VI, 9) присутствует эмблема отряда *Корнуты*, на которой видят изображение руны «инг» (*ing*, *inguz*, *ingwaz*), символизирующей плодородие (рис. 3).

Характерно, что на обеих щитовых эмблемах представлено аналогичное изображение двух обращенных друг к другу змеиных голов. Таких же змей можно увидеть на щите одного из воинов на арке Константина, а также на щите бронзовой статуэтки из Принстона, представляющей самого Константина. Подобные символы в III столетии часто использовались военными вождями племен, живших на территории

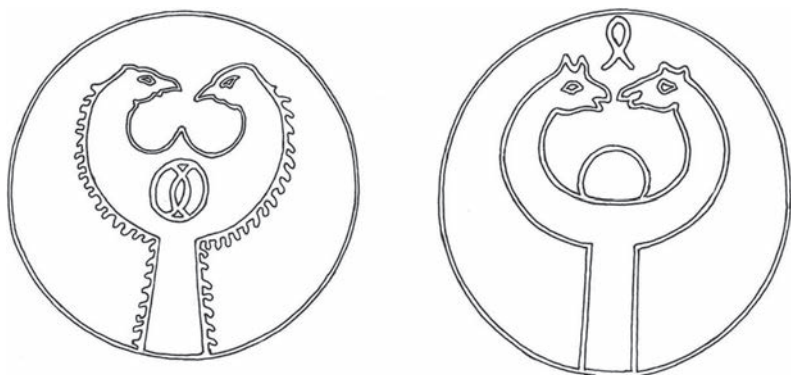

Рис. 2. Руны на щитах, изображенных на миниатюрах в *Нотиции Диг-нитатум*. Рисунок И. В. Кирсанова.

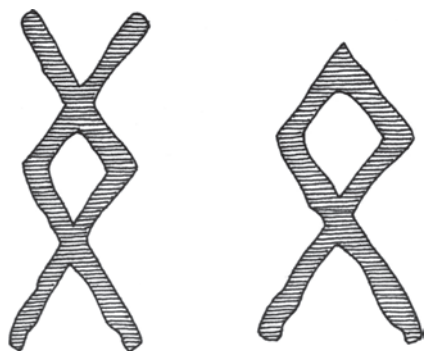

Рис. 3. Руны инг и отала. Рисунок И. В. Кирсанова.

Дании и Швеции. Часто предметы с такими изображениями были посвящены богу войны Отану. Поэтому допустимо предположить, что римские воинские подразделения, имеющие подобную символику, еще до эпохи Константина были сформированы из представителей племен, проживавших на побережье Северного моря, на территории современных Дании и Шлезвиг-Гольштейна. Таким образом, у нас есть основания полагать, что позднейшая традиция приняла за христианские символы руны на щитах воинов германских ауксий императора.

Легенда о видении Константина связана также с появлением нового главного штандарта армии, называемого обычно *лабарум* (*labarum*), принять который Константину будто бы повелел Иисус Христос. Согласно версии Евсевия, наутро перед битвой у Мульвиева моста Константин собрал мастеров и, описав им явленный ему чудесным образом штандарт, приказал сделать такой же из золота и драгоценных камней (Euseb., VC, I, 30). Евсевий дает подробное описание этого знамени, которое он будто бы видел собственными глазами. «Оно имело следующий вид: на длинном, покрытом золотом копье была поперечная рея, образовавшая с копьем знак креста. Сверху на конце копья неподвижно лежал венок из драгоценных камней и золота, а на нем символ спасительного наименования: две буквы показывали имя Христа, обозначавшееся первыми чертами (X), из середины которых выходило „P“. Эти буквы василевс впоследствии имел обычаем носить и на шлеме. Потом на поперечной рее, прибитой к копью, висел тонкий белый плат — царская ткань, покрытая различными драгоценными камнями и искрившаяся лучами света. Часто вышитый золотом, этот плат казался зрителям невыразимо красивым, вися на рее, он имел одинаковую ширину и длину. На прямом копье, которого нижний конец был весьма длинен, под знаком креста, при самой верхней части описанной ткани, висело сделанное из золота грудное изображение боголюбивого василевса и его детей. Этим-то спасительным знаменем, как оборонительным оружием, всегда пользовался василевс для преодоления противной и враждеб-

ной силы и приказал во всех войсках носить подобные ему» (Euseb., VC, I, 31, 87—89 пер. СПб. Духовной Академии, пересмотрен и исправлен Серповой В. В.).²

Характерно, что Евсевий нигде не называет новую эмблему императорской власти лабарумом (*labarum*). На сегодняшний день нет однозначного объяснения происхождения этого слова. Некоторые исследователи связывают его с *labris* — обоюдоострой секирой; другие полагают, что название нового штандарта имеет кельтское происхождение.

Вместе с тем представляется симптоматичным, что на протяжении всего IV в. этот термин не встречается, и только начиная со следующего столетия он начинает часто использоваться, правда, написание его имеет различные формы: *лаброн*, *лабарон*, *лаурата*, *лабрата*.³ Эти лексемы представляли собой искаженные варианты латинских терминов, которыми обозначали знамена и боевые значки, украшенные портретами императоров в лавровых венках: *λάβρον* (*лаброн*) происходит от формы единственного числа *laureum* (*signum* — значок, или *vexillum* — знамя), а *λάβράτα* (*лаурата*) от формы множественного числа *laureata* (*signa*). Само императорское изображение в лавровом венке называлось *laureata imago*. Такие портреты торжественно вносились в города, когда новый император вступал во власть. Лабарум, таким образом — это не официальное, а просторечное обозначение императорских ликов в лавровых венках, что собственно и объясняет наличие в греческом языке нескольких форм, служивших для их обозначения. Следовательно, знамя Константина могло получить такое название не ранее V в.

Поскольку в IV столетии императоры принимали личное участие в военных кампаниях, то лабарум сделался и главной эмблемой армии. Юлиан отказался почитать его и приказал убрать с него христианскую символику. После гибели Юлиана лабарум должен был снова появиться на полях сражений. Однако Вегетий не называет его в числе штандартов, использовавшихся в его время. Возможно, это было вызвано тем, что лабарум не обозначал какое-либо конкретное подразделение и был не столько армейским знаменем, сколько

личным знаменем императора, указывающим на его присутствие во главе армии. Поскольку начиная с сыновей Феодосия императоры отказываются от непосредственного военного командования, то и лабарум более не появляется на полях сражений. Местом его постоянного нахождения стал императорский дворец. Что касается штандарта Константина, то он хранился в императорском дворце в Константинополе еще в первой половине V в.

Накануне решающей схватки

Ни мира он не пожелал, когда можно было воевать, ни перед войной не остановился, когда это было надобно, но так заботливо и к первому относился, и храбро вел себя во второй, что договор нарушила другая сторона, а на войне он одержал верх.

Lib., Or., LIX, 21; пер. С. П. Шестакова

В январе 313 г. Константин покинул Рим и прибыл в Медиолан, где встретился с Лицинием. Союз двух августов был скреплен браком Лициния и Констанции, сестры Константина.

Однако эта встреча оказалась недолгой: третий август — Максимин Дайя — решил воспользоваться отсутствием Лициния и захватить его владения. Была зима, когда он выступил из Сирии и, невзирая на дождь, снег, грязь и холод, ускоренными переходами добрался до Вифинии.⁴ После чего, не задерживаясь в своих пределах, он переправился в Европу и подошел к Византию. Тревожные известия доходили и из Галлии: там вспыхнуло восстание, а германцы возобновили свои нападения. Поэтому каждый из августов поспешил на свой театр военных действий.

Военные операции на рейнской границе с самого начала приняли ожесточенный и затяжной характер. В течение целого года Константин должен был подавлять полыхавший против него мятеж. Едва закончив эту кампанию, Константин

узнал, что германцы во главе с «изменчивым и ненадежным варварским племенем» (Pan. Lat., IX, 22, 3), вероятно, франками, заключили союз и, забыв об установленном перемирии, готовятся вторгнуться на римскую территорию.

Константин тут же прибыл со всеми своими силами к Рейну и этим устрасил неприятеля, не решившегося переправиться через реку. Полагая, что лучше будет уничтожить объединенные силы врага, чем вести войну с каждым участником коалиции по отдельности, Константин решил вынудить варваров пересечь Рейн. Для этого он распустил слух о том, что уходит со своей армией из-за волнений, начавшихся на «верхнем лимесе», как сообщает анонимный панегирист (Pan. Lat., IX, 22, 5). Назарий утверждает, что Константин лично прибыл к варварам, чтобы известить их о своем уходе. «Однако ты, император, хотя и видел столь огромные силы противника, больше всего боялся сам внушить им страх. Ты направляешься к варварам и, скрыв императорскую одежду, с двумя сопровождающими подходишь к ним как можно ближе... Ты обращаешься к ним с речью и, пользуясь их легковерием, вселяешь в них надежду: ты уверяешь их, будто тебя здесь нет» (Pan. Lat., X, 18, 2—3; пер. И. Ю. Шабаги).

В действительности Константин разместил свои войска в засаде и, когда варвары переправились на левый берег, то были перебиты либо захвачены в плен. Назарий передает, что варварские племена были разбиты первым же натиском (*uno impetu*), однако, несмотря на это, вновь начали подготавливать новый антиримский союз (Pan. Lat., X, 18, 6).

Чтобы не дать противнику времени собраться с силами, Константин приказал флоту спуститься по Рейну, высадился на землях франков и нанес им такое сокрушительное поражение, что, как утверждает панегирист, «едва ли после этого от них останется хотя бы имя» (Pan. Lat., IX, 22, 6). Пленных варваров бросили зверям на цирковой арене.

В числе противников римлян, с которыми пришлось воевать Константину, Назарий называет бруктеров, хамавов, херусков, лангионов (то есть, вероятно, аламанный племя лентиензов) и тубантов (Pan. Lat., X, 18, 1). Таким обра-

зом можно утверждать, что в 313 г. сложилась очень мощная антиримская коалиция, в которую вошли не только племена франкского союза, но также и некоторые из аламаннских племен. Существует предположение, что восстание в Германии Первой не было придумано Константином для обоснования своего отступления от берега Рейна, а действительно произошло. Этот «варварский заговор» (*coniuratio barbarorum*) частично затронул и Германию Вторую, где франки, живущие в низовье Рейна, неполностью подчиненные Константином Хлором, снова вернулись к разбойным нападениям, которые они совершали начиная с 308—309 гг.

После 312 г. войны римлян с германцами стали носить более ожесточенный и затяжной характер. Только в конце апреля 315 г. в Треверах Константин смог провести празднества по случаю своих военных успехов. В ознаменование побед над лентийцами и франками были устроены Ланционские (*Ludi Lancionici*) и Франкские игры (*Ludi Francici*). Дополнительным напоминанием об одержанных победах стала эмиссия золотых солидов, на реверсах которых возле трофея была изображена фигура, представляющая плененную Франкию, либо две фигуры, сидящие спина к спине у трофея, одна из которых символизировала поверженную Франкию, а вторая — Аламанию.

Однако, несмотря на столь очевидные свидетельства триумфа Константина над «бесчисленными племенами» (*innumerae gentes*) (Pan. Lat., X, 18, 6), весной 315 г., когда он покидал Треверы, мир на рейнской границе был еще весьма условным. И действительно, война возобновилась недолгое время спустя после отъезда императора. Назарий с легкостью находит нужное объяснение тому факту, что, несмотря на полный разгром, неприятель очень быстро взялся за оружие: «...Эти самые франки так рухнули под натиском твоих армий, что могли быть полностью уничтожены, если бы ты не оставил, следуя божественному побуждению, которым ты руководишься во всем, окончательный разгром ослабленных тобою врагов для своего сына» (Pan. Lat., X, 17, 1; пер. И. Ю. Шабаги).

Отражать наступление германцев должен был старший сын Константина Крисп, возведенный в ранг цезаря. В марте 317 г. он прибыл на Рейн, где с 318 г. или немного позднее должен был отражать атаки варваров. Назарий утверждает, что и на этот раз войну пришлось вести против франков: «...Этот народ... так быстро окреп и восстановил свои силы, что послужил храбрейшему цезарю началом великой победы: ведь он сражался не отчаиваясь, а ожесточаясь при воспоминании о понесенном поражении» (Pan. Lat., X, 17, 2; пер. И. Ю. Шабаги). Назарий в данном случае допускает явную неточность. Франки еще не оправились после потерь, понесенных ими в войнах 313 и 314 гг., поэтому основную силу варваров образовывали на этот раз не они, а аламанны.

Крисп оставался в Галлии вплоть до 324 г. Очевидно, что все это время на рейнской границе ему приходилось отражать набеги германцев, по большей части аламаннов: на его золотых монетах, выпущенных в Треверах между 320 и 324 гг., чаще встречается изображение Аламаннии, чем Франкии, а на монетах, выпущенных позднее (возможно, в Сирмии), присутствует только фигура побежденной Аламаннии с легендой «Побежденная Аламанния» (*Alamannia devicta*).

В 324 г. Крисп оставил Треверы, чтобы присоединиться к своему отцу, который готовился к последнему раунду борьбы с Лицинием. На место Криспа Константин назначил своего второго сына Константина (будущего императора Константина II). С этого момента на монетах последнего снова появляются фигуры Аламаннии и Франкии.

Война, в которую вынужден был вступить Лициний, была намного более скоротечной, чем войны Константина с германцами, а конец ее был более определенным. Максимиин Дайя переправил свои войска в Европу и подошел к Византию. Он попытался склонить гарнизон подкупом на свою сторону. Получив отказ, Максимин начал осаду, и спустя 11 дней солдаты Лициния сложили оружие. Максимин двинулся к Геракле, под которой также потерял несколько дней, прежде чем смог взять город. После этого Максимин продвиг-

нул только на 18 миль и остановился в окрестностях Адрианополя, где его уже ждал Лициний. Последнему хотя и удалось пополнить свои войска, призывая под знамена всех, кого можно было найти по окрестностям, однако из-за отсутствия времени у него оказалось всего 30 000 солдат, тогда как у его противника их было 70 000 (Lact., 45, 7—8).

Сражение между враждующими сторонами произошло 30 апреля 313 г. Максимин выстроил свои войска еще до рассвета. Перед началом сражения соперники вступили в переговоры, однако Максимин, уверенный в своей победе, не желал идти ни на какие уступки. Произошла ожесточенная битва. Согласно Зосиму, армия Лициния сначала потерпела поражение, но затем Лициний вернулся в бой и одержал в итоге победу (Zos., II, 17, 3). Половина армии Максимиана оказалась уничтоженной, многие сдались в плен. Сам он вынужден был бежать, как утверждает Лициний, переодевшись в одежду раба (Lact., 47, 4). За одни сутки Максимин добрался до Геллеспонта, а на следующую ночь прибыл в Никомерию, которая находилась на расстоянии 160 миль от места сражения. Взяв с собой жену и детей, он бросился далее в Египет, надеясь собрать войска для продолжения борьбы. Только в Каппадокии, собрав вокруг себя уцелевших после поражения солдат, Максимин вновь облачился в императорский пурпур.

Преследуя разбитого врага, Лициний переправился в Азию. Максимин попытался остановить его, укрепившись в горах Тавра, где были поспешно сооружены различные фортификационные сооружения. Однако эта попытка не имела успеха, и Максимин отступил к Тарсу. Туда же двинулась армия Лициния и подошел его флот. Все источники утверждают, что Максимин умер от болезни (Eutrop., X, 4, 4; [Aug.], Epit., 40, 8). И только Лактанций мрачными красками описывает трагический конец тирана, который за свои преступления понес божью кару: «Прежде всего, он наелся до отвала и напился допьяна, как обыкновенно делают те, кто полагает, что они делают это в последний раз, а затем принял яд. Его действие было отторгнуто вследствие перепол-

ненности желудка, и он не мог иметь силу сразу, но вверг его в длительный недуг, сходный с чумой, так что прежде, чем испустить дух, он испытал страдания. И вот яд начал в нем бушевать. Поскольку внутренности его стали неистово метаться от его действия, он впал от нестерпимой боли в умопомешательство. Дошло до того, что на протяжении четырех дней болезни он возбужденно хватал руками землю и, словно терзаемый голодом, пожирал ее. Наконец, после мучений столь тяжких, что он бился головой о стены, глаза его вылезли из орбит. Только тогда, утратив зрение, он начал видеть Бога, осуждающего его, в сопровождении свиты, одетой в белое. Тогда он закричал, как это обычно бывает у тех, кого истязают, восклицая, чтобы взяли не его, а других. После этого, словно под воздействием пыток, он признал Христа и принялся непрестанно умолять и просить его со слезами, чтобы он помиловал его. Затем, вопя так, как будто его жгли, он испустил свой нечестивый дух, приняв ужасную смерть» (Lact., 49; пер В. М. Тюленева).

После смерти Максимиана Империя стала принадлежать двум августам — Константину и Лицинию.

Один народ, одна империя, один август

Константин, муж выдающийся и стремящийся воплощать все задуманное, кроме того, желая быть первым во всем свете, начал войну против Лициния, несмотря на то что находился с ним в близкой родственной связи, ибо сестра его, Констанция, была женой Лициния.

Eutrop., X, 5; пер. А. И. Донченко

Весной 315 г. Константин оставил Галлию, чтобы отправиться в Иллирик, куда вторглись вестготы. В том же году совместными усилиями Константин и Лициний отбросили варваров обратно за Дунай.⁵ Однако в 316 г. между союзниками происходит разрыв, положивший начало кровопролитной гражданской войне.

Моральные принципы никогда не останавливали крупных политических деятелей на пути к достижению своих целей. Останавливает только страх перед возмездием... Возможно, в какой-то момент Лициний почувствовал в растущей мощи своего шурина и коллеги по власти угрозу своему собственному положению и решил нанести удар первым. Лициний подговорил Бассиана — еще одного шурина Константина, которого тот в 314 г. возвел в ранг цезаря, составить заговор с целью убийства императора. Однако этот преступный замысел был раскрыт. Часть заговорщиков вместе с Бассианом была предана смерти, но некоторым удалось спастись, бежав к Лицинию. Константин потребовал выдачи беглецов, но получил отказ.

Война между Константином и Лицинием началась в конце лета 316 г.⁶ Константин двинулся из Италии в Паннонию Вторую. Навстречу ему выступил Лициний. В начале октября он прибыл в Цибал (совр. Винковичи, Хорватия). К городу, располагавшемуся на холме, вела узкая дорога, большую часть которой окружало обширное болото под названием Гиулька, ширина которого была 5 стадий; остальное пространство было окружено горами. Далее за городом простиралась большая равнина, уходящая до самого горизонта. Именно на этой равнине Лициний принял решение разбить свой лагерь с таким расчетом, чтобы его армия развернулась у подножья холма, предотвращая таким образом возможность окружения с флангов. Через некоторое время к Цибалу подошел Константин. Он расположил свою армию у подножья гор. Зосим утверждает, что в первой линии боевого порядка Константин разместил кавалерию, а позади нее поставил пехоту (Zos., II, 18, 2—3). В распоряжении у Константина было 20 000 солдат, а у его противника — 35 000.

Сражение произошло 8 октября. Оно началось на рассвете и продолжалось до вечера. Стремительной атакой конница Константина сразу же обратила в бегство всадников Лициния. После этого был дан сигнал — и в бой двинулась пехота. Прежде чем вступить в рукопашную схватку противники забрасывали друг друга метательными снаряда-

ми. И только после того, как они иссякли, солдаты взялись за копья и мечи. Долгое время было не ясно, на чью сторону склонится победа, пока наконец на правом фланге, которым командовал сам Константин, лицинианцы не были разбиты. После этого вся армия Лициния вместе со своим предводителем обратилась в бегство. Этот день дорого обошелся августу Востока: на месте битвы осталось лежать 20 000 его солдат (Anon., Val., I, 27—28). Вместе с тем, хотя поле боя осталось за Константином, его успех был неполным. Армия Лициния не была полностью разбита. Она смогла занять свой лагерь, и Константин не решился взять его с бою.⁷ Однако сил для того, чтобы попытать счастья еще раз, у Лициния уже не оставалось. Оставив снаряжение, скот и выючных животных, взяв с собой лишь необходимое количество хлеба, лицинианцы ночью покинули лагерь и со всей поспешностью бросились к Сирмию, находившемуся в 60 километрах к юго-востоку от места сражения. Лициний не стал задерживаться в Сирмии: забрав из города жену, сына и казну, он двинулся в Дакию, приказав разрушить мост через Саву, чтобы задержать преследовавшего его Константина. В этих трудных обстоятельствах для Лициния было важно обеспечить себе безусловную лояльность местных военных властей. Поэтому он сделал цезарем⁸ Валента, дукса лимитанов в Дакии.

Константин занял Цибал, Сирмий и другие города и области, оставленные Лицинием, а в погоню за ним отправил отряд в 5000 пехотинцев. Вероятно, Константин полагал, что его соперник двинется на восток, к Дунаю, чтобы пополнить свою армию за счет дислоцированных на дунайской границе войск. И именно это направление избрали посланные за ним в погоню солдаты. Но Лициний отступил к югу, и поэтому его преследователи не смогли его обнаружить. Сам Константин с остальной частью армии, починив разрушенный мост, вступил во Фракию, избрав дорогу Сирмий-Сардика-Адрианополь (Zos., II, 18, 1).

Валент соединился с Лицинием у Адрианополя. Константин в это время находился уже в Филиппополе. Согласно

Валезианскому анониму, Лициний отправил к Константину послов, предлагая заключить мир. Но Константин ответил на это предложение отказом. После этого военные действия возобновились, и в ноябре в месте, называвшемся Мардийское поле (*campus Mardiensis*),⁹ между враждующими сторонами произошло второе сражение. Лициний вновь был побежден, и только ночь спасла его армию от полного разгрома. По Зосиму, Константин прибыл во Фракию и обнаружил лагерь Лициния. Ночью Константин построил свои войска и приказал им быть готовым начать сражение на рассвете. Когда взошло солнце, Лициний увидел неприятеля, приготовившегося к бою, и вывел свою армию из лагеря. Завязался бой. Противники храбро сражались, когда к месту сражения подошел пятитысячный отряд, отправленный Константином вслед за отступавшим после сражения у Цибала неприятелем. Он занял холм, находившийся в тылу лицинианцев, а затем ударил им в тыл. Однако солдаты Лициния не дрогнули и, развернув задние ряды, стали сражаться на два фронта. Битва приняла еще более ожесточенный и кровопролитный характер. С обеих сторон было много погибших, но исход столкновения так и не был определен. Поэтому командующие той и другой армии отдали приказ прекратить бой. На следующий день Константин и Лициний заключили перемирие и вступили в переговоры, закончившиеся союзом и подписанием договора (Zos., II, 19, 2—3; 20, 1).

Валезианский Аноним иначе излагает события, последовавшие после битвы на Мардийском поле. Полагая, что Константин двинется к Византию, Лициний отступил к Берое. В результате он оказался со своей армией в тылу у наступающих, отрезая их от связи с тылом (Anon. Val., I, 18). Поэтому противники решили не испытывать более судьбу и сели за стол переговоров.

В соответствии с достигнутыми договоренностями, Лициний уступал своему сопернику два диоцеза Паннонии и Мёзии, сохраняя за собой в Иллирике только 6 провинций, в числе которых были Мёзия Вторая и Малая Скифия, входившие в диоцез Фракия.

Для творящих историю жизнь отдельного человека слишком ничтожна, чтобы о ней задумываться. В категорию творцов истории Валенту попасть не удалось, а потому, по требованию Константина, он был смещен и вскоре казнен.

После этого 1 марта в 317 г. в Сердики Константин без участия Лициния возвел в ранг цезарей своих сыновей Криспа и недавно родившегося в Арелате Константина, а также сына Лициния Лициниана, которому было всего 20 месяцев от роду. Консулами на новый год стали Константин и Лициний.

Хрупкий мир между августами, достигнутый ценой столь значительных жертв, сохранялся до 324 г. Совместными усилиями им удалось одержать победу над карпами, когда те в 318 или 319 г. вторглись в принадлежавшую Лицинию Мёзию Вторую.¹⁰ Однако в 321 г. Константин назначил консулами двух своих сыновей, что вызвало неудовольствие Лициния, который тогда назначил консулами себя самого и своего сына Лициния.

Это послужило поводом для нового противостояния. Оба августа стали готовиться к войне и начали отводить войска от границ, пополняя свои армии. Но очередная гражданская война вспыхнула только в 324 г. Причиной такой задержки было ухудшение ситуации на дунайской границе, оборона которой в значительной степени ослабла.

В 322 г. сарматы, двигавшиеся от берегов Азовского моря, совместно с тайфалами, карпами и готами, пришедшими с берегов Понта, объединились и атаковали паннонский берег, находившийся под властью Константина. Во главе этого военного объединения находился сарматский царь Равсимод.¹¹ Варвары осадили сильно укрепленный город Кампону. Город был окружен каменными стенами, но их верхняя часть была деревянной. Сарматы подожгли деревянную надстройку и стали обстреливать защитников. В это время неожиданно подошел со своей армией Константин и ударил варварам в тыл. В результате Равсимод потерял большую часть своих людей, а оставшихся погрузил на лодки и переправил на другой берег Дуная, рассчитывая позднее повторить свое нападение. Константин последовал за варварами, переправился

на вражескую территорию и атаковал сарматов, пытавшихся укрыться в лесах. Многие были убиты вместе с самим Равсимодом. Огромное количество варваров было захвачено в плен и размещено, как пишет Зосим, по римским городам (Zos., II, 21, 1—3; 22, 1).

Вслед за вторжением Равсимода последовало новое нападение готов, действовавших совместно с сарматами, разбитыми Константином. Вестготы Валахии опустошили римский берег Мёзии Второй. Константин, пребывавший тогда в Фессалонике, поспешил навстречу варварам, разбил их, заставил их вернуть пленников и просить мира (Anon. Val., I, 19).¹² В 323 г. в ознаменование одержанных побед над Равсимодом в 322 г. и над вестготами 323 г. Константин принял титул *Дважды Готский Величайший* (*Gothicus Maximus II*).

Поскольку район, где проходили военные действия, формально находился под юрисдикцией Лициния, последний полагал, что были нарушены его права, и это окончательно испортило отношения между союзниками.

Готовясь к решительному столкновению со своим соправителем, Константин отправился в Фессалонику, чтобы построить там новую гавань, способную принять большое количество военных кораблей. По его приказу было заложено не менее 200 тридцативесельных кораблей (*триаконтер*) и собрано более 2000 транспортных судов, 120 000 пехотинцев и по 10 000 моряков и всадников.¹³ Приготовления Лициния носили столь же масштабный характер. Египтяне и финикийцы послали ему по 80 трирем, жители ионических островов и азиатские дорийцы — 60 кораблей, киприоты — 30, карийцы — 20, вифинцы — 30, африканцы — 50;¹⁴ Лицинию удалось собрать 150 000 пехоты и 15 000 кавалерии; основная часть конницы состояла из фригийцев и каппадокийцев.¹⁵ Флот Константина встал на якорь в Пирее. Командовал им старший сын Константина Крисп. Флот Лициния под началом адмирала Абанта занял Геллеспонт.

После того как все приготовления были завершены, Лициний встал лагерем в Адрианополе. Константин двинулся из Фессалоники и разбил лагерь на берегу Гебра.¹⁶ В течение

ние нескольких дней армии выстраивались друг перед другом на разных берегах Гебра. Так продолжалось до тех пор, пока 3 июля 324 г. Константин не решился хитростью переправиться через реку.¹⁷ Для этого он взял с собой небольшое количество всадников,¹⁸ незаметно пересек с ними Гебр в самом узком месте и неожиданно напал на врага. Убив нескольких солдат Лициния и еще большее количество обратив в бегство, Константин тем самым отвлек внимание неприятеля, что дало возможность сначала его кавалерии, а затем и всей армии без проблем форсировать реку. Произошло сражение, в котором Константин одержал решительную победу. На поле боя остались лежать 34 000 солдат Лициния (Zos., II, 22, 3—7). Как сообщает Валезианский Аноним, во время сражения Константин был легко ранен в бедро (Anon. Val., I, 24). Лициний с остатками своей армии бросился к Византию, в порту которого находился его флот. Те его солдаты, которым удалось скрыться в горах, утром следующего дня сдались на милость победителя. Несмотря на понесенные потери, у Лициния еще было достаточно войск. Поэтому Константин решил блокировать Византий не только с суши, но и с моря. Он последовал за разбитым врагом, осадил город и возвел земляную насыпь той же высоты, что и городская стена. На насыпи Константин распорядился поставить подвижные башни, с которых нападавшие без помех расстреливали защитников. Своему флоту, стоявшему на якоре у побережья Македонии, он отдал приказ войти в Геллеспонт.

Войдя в Геллеспонт и обнаружив там противника, Крисп решил атаковать его. Ширина пролива у юго-западного входа составляет около 6 км, однако немного к северу он сужается до 1.6 км. Вероятно, именно в этом узком месте Крисп со своими адмиралами и решил вступить в сражение с лицинианцами, отобрав только 80 триаконтер с наилучшими сухоходными качествами. Абант имел в своем распоряжении 200 кораблей и полагал, что ему без труда удастся окружить и уничтожить малочисленные силы врага. Когда начался бой, корабли Лициния не могли свободно маневрировать и мешали друг другу, в то время как навархи Константина действо-

вали, соблюдая порядок, и наносили неприятелю ощутимый урон. Зосим сообщает о большом количестве погибших моряков и солдат. Однако, несмотря на упорство, ни одной из сторон не удалось одержать решительной победы. Конец столкновению положила ночь. Флот Константина отошел в Элеонт, находившийся во Фракии, флот Лициния — в Аякс, на азиатском берегу (Zos., II, 23, 2—3). Каковы были потери сторон, Зосим не сообщает. Однако ниже он передает, что после бури, уничтожившей 130 кораблей, у Абанта осталось всего 4 судна. Таким образом допустимо предположить, что в первом бою адмирал Лициния потерял 66 кораблей.

На следующий день Абант вывел свои корабли из Аякса, проплыл вдоль берега, развернулся и появился перед Элеонтом с северо-восточной стороны. Этот маневр он совершил, намереваясь использовать к своей выгоде стоявший с утра северный ветер, а также течение в направлении Эгеиды, сила которого достигает в этом месте от 1.5 до 4 узлов. Зосим утверждает, что Абант не решился напасть на противника, потому что его поразило большое количество вражеских триаконтер. Однако, возможно, что маневр, задуманный адмиралом Лициния, занял больше времени, чем предполагалось. К полудню погода резко изменилась. Северный ветер спал, и неожиданно поднялся южный ветер, настолько сильный, что смог нейтрализовать течение и отбросить корабли к азиатскому берегу, вероятно, севернее Аякса, в порту которого они провели предыдущую ночь, к Абидосу. В результате разыгравшейся бури многие корабли погибли от столкновения друг с другом, другие были разбиты о скалы. В общей сложности погибло 5000 солдат и 130 судов, которые Лициний намеревался использовать для перевозки части войск из осажденного Византия. У Абанта, как уже сообщалось, осталось всего 4 корабля; он ушел с ними в Азию, вероятно, в Хрисополь или Халкедон.¹⁹ После этого Константин получил возможность блокировать Византий с суши и моря (Zos., II, 24). Спустя некоторое время его войска вошли в город.

Узнав о гибели своего флота, Лициний утратил надежду отстоять Византий и решил отступить с наиболее боеспособ-

ными войсками. Он успел оставить город еще до того, как к нему подошли корабли Криспа, и благополучно добрался со своими людьми и сокровищницей до Халкедона в Вифинии. Лициний надеялся, что сможет собрать в Азии новую армию и продолжить борьбу за власть. В Халкедоне Лициний возвел в ранг цезаря²⁰ Мартиниана, своего *магистра оффиций*,²¹ и послал его в Лампсак, чтобы воспрепятствовать неприятелю из Фракии переправиться через Геллеспонт.

Между тем Константин, готовясь к высадке на азиатский берег, собрал большое количество военных и грузовых кораблей. Поскольку Лициний блокировал Босфор на широте Византия, а Мартиниан наблюдал за Пропонтидой и Геллеспонтом, то Константин мог попробовать переправиться только в северной части Босфора. Однако если бы он двинул свой флот в этом направлении, то привлек бы этим внимание Лициния и последний сумел бы вовремя принять соответствующие меры, чтобы воспрепятствовать осуществлению планов неприятеля. Поэтому Константин решил построить легкие и быстроходные суда, которые Зосим называет *келетами* и *акатиями*,²² и на них перевезти своих солдат в Азию.²³

После того как все было готово, флот взял курс на Священный мыс — так называлось место, расположенное в устье Понта на расстоянии около 35 км от Халкедона и около 5 км от входа в Понт Эвксинский. Благополучно высадив свою армию, Константин развернул ее на близлежащих холмах. Когда Лициний узнал, что противник уже в Вифинии, то он немедленно вызвал Мартиниана из Лампсака. Собрав все силы, Лициний выступил навстречу врагу. Значительную часть его армии составляли готы под предводительством своего царя Алики. Генеральное сражение между противниками произошло 18 сентября 324 г. Согласно Зосиму, оно состоялось между Священным мысом и Халкедоном (Zos., II, 26, 3); согласно Валезианскому Анониму — у Хрисополя, то есть приблизительно в шести километрах к северу от Халкедона (Anon. Val., I, 27).

Столкновение закончилось убедительной победой Константина. Как передает Зосим, у Лициния из 130 000 солдат в живых осталось едва ли 30 000 (Zos., II, 26, 3). Впрочем, эти

цифры особого доверия не внушают. Более вероятной представляется информация Валезианского Анонима, согласно которому на поле боя осталось лежать 25 000 сторонников Лициния (Anon. Val., I, 27—28). С остатками своей армии Лициний бежал в Никомедию, находившуюся приблизительно в 80 км на юго-востоке от Халкедона. Известие о его поражении заставило жителей Халкедона открыть ворота перед войсками Константина.

После битвы при Хрисополе Константин двинулся вслед за своим противником и осадил его в Никомедии. Понимая, что сопротивление безнадежно, Лициний решил сдаться. Выйдя из города, он передал Константину свое императорское облачение²⁴ и на коленях умолял его о пощаде, прося прощения за обиды, нанесенные в прошлом. Лициний мог полагаться на милосердие Константина, поскольку знал, что тот дал слово его жене Констанции сохранить шурину жизнь.²⁵

Поверженный август Востока был отправлен в Фессалонику и должен был там жить как частное лицо. Однако вскоре Константин нарушил данное обещание («Это для него было привычным делом», — ехидно замечает Зосим) и приказал умертвить побежденного врага (Zos., II, 28).²⁶ Иордан утверждает, что Лициний был убит готами по приказу «Константина-победителя» (Iord., 111).

Сады Адониса

Он был так жаден до славы, что этому трудно поверить. Он обычно называл Траяна, по причине многочисленных надписей с его именем на зданиях, стенным лишаем, он же построил мост через Дунай.

[Aur.], Epit., 41, 13

Едва была закончена кровопролитнейшая гражданская война, как Константину пришлось со всей энергией заняться исправлением того тяжелого положения, которое сложилось на основных рубежах Империи.

Увод Лицинием с восточной границы значительных воинских сил дал возможность персам, забыв о Нисибисском мирном договоре, вторгнуться в римскую Месопотамию. Во главе персидской армии стоял Нарсес, которого Феофан называет сыном персидского царя. Однако вряд ли у Шапура II в это время был взрослый сын. В лучшем случае речь может идти об одном из царских родственников. Персам удалось захватить и разрушить Антониополь, находившийся между Эдессой и Дарой. Константин послал против них армию, которой командовал его сын — цезарь Константин. Война началась неудачно для римлян, но в конечном итоге персы были разбиты, а их предводитель погиб (Theoph., a. 315).

Восстановление пришедшей в упадок оборонительной системы дунайских провинций потребовало личного участия императора. С 326 г. Константин неоднократно посещал Сирмий и руководил восстановлением фортов и крепостей Валерии.

Прирейнские провинции снова страдали от набегов германцев. Поэтому в том же 326 г. Константин отправился в Треверы, чтобы вместе со своим сыном Константином провести победоносную кампанию против аламаннов. После этого император возвратился на Балканы,²⁷ поручив продолжение борьбы с аламаннами цезарю Константину. Война продолжалась несколько лет, и только в 331 (или 332) г. цезарь смог принять титул «Аламаннского».

Вернувшись на Балканы, император начал подготовку к походу в Южную Дакию. Предполагал ли он полностью отвоевать у варваров Траянову Дакию? Думается, что нет. Те же причины, которые заставили римлян в 271 г. отойти за Дунай, не позволяли им всерьез думать о возврате утраченной провинции. Вместе с тем, после победы над Лицинием Константин решил перенести столицу Империи на Восток и развернул масштабное строительство в Византии. Близость последнего к Дунаю требовала, чтобы граница была надежно укреплена, и лучшим способом сделать это было укрепиться на противоположном берегу реки. Вероятно, именно эти соображения подтолкнули Константина начиная с 328 г. пере-

нести военные действия на варварскую территорию и подчинить себе прибрежную полосу, идущую от Баната до нижнего течения Арджеша.

О походах, которые совершила армия Константина, нам практически ничего не известно. Из всех античных авторов лишь Зосим донес до нас неясное свидетельство об одном из произошедших событий. Если следовать его рассказу, то после победы над Лицинием удача отвернулась от Константина и все войны, которые он вел, заканчивались поражениями. В качестве доказательства своей правоты Зосим сообщает о столкновении Константина с отрядом тайфалов в 500 всадников, в результате которого император был разбит, потерял большую часть своей армии и вынужден был спасаться бегством (Zos., II, 31, 3). Этот эпизод, возможно, произошел во время строительства Константином каменного моста у Эска, который возводился для того, чтобы перебросить войска на левый берег Дуная. Датировать произошедшее столкновение можно 329 или 330 гг. В любом случае оно имело место до начала войны Константина с готами (332 г.), в которой тайфалы участия не приняли. Константин предпочел не воевать с тайфалами, а вступить с ними в переговоры. Вполне вероятно, что он сам или кто-то из его сыновей признал, а возможно даже инициировал поселение тайфалов на территории Баната. Аммиан показывает, что в 358 г. они оказывали военную помощь римлянам (Amm., XVII, 13, 20). Это могло делаться в соответствии с условиями федеративного договора, который был заключен тайфалами с Константином.

Существует также мнение, что против тайфалов была проведена масштабная кампания, которая, несмотря на утверждение Зосима, в целом оказалась для Константина успешной и завершилась захватом большого количества пленных, расселенных затем на западе Галлии и во Фригии.

Хотя Евсевий утверждает, что Константин покорил «всю Скифию... разделенную на множество разных варварских народов» (Euseb., VC, I, 8), не исключено, что как такового отоевания Траяновой Дакии не проводилось. А объявить о нем императору позволило строительство моста и возведе-

ние крепостей на противоположном берегу Дуная, что дало римлянам возможность осуществлять контроль над племенами, занимавшими северные территории.

Завоевание северного берега Дуная оказало сильное влияние на всю структуру оборонительной системы придунайских провинций, что нашло отражение в *Нотиици Дигнитатум*. Гарнизоны дуксов Малой Скифии и Мёзии Второй были усилены или же заменены новыми подразделениями — *cunei equitum* и пограничными *auxilia*, которые появились, как считается, при Константине. Напротив крупных фортов на северном берегу были возведены предмостные укрепления.

Существование «Константиновой Дакии» оказалось недолгим. После 332 г. сам Константин или его ближайшие преемники отказались от этого приобретения. В своем сатирическом произведении «Пир, или Цезари»²⁸ император Юлиан намекает на эти события, высмеивая Константина, сравнивающего себя с Траяном. Когда Константин заявляет, что больше славы приобретает тот, кто отвоевал утраченную территорию, а не завоевал ее, Силен сравнивает эти его деяния с садами Адониса, которые цветут некоторое время, а затем стремительно увядают (Iul., Conv., 24).

Вестготы, для которых возникший к северу от Дуная римский анклав стал препятствием, мешавшим им кочевать в привычном направлении, вынуждены были направиться сначала на север Олтении и Трансильвании, а уже оттуда в Банат. Здесь, либо объединившись с тайфалами, либо, что более вероятно, оттеснив их, они напали на сарматов. Последние, как сообщает Валезианский Аноним, обратились за помощью к Константину (Anon. Val., I, 31), который решил выступить не только ради защиты союзников, но и для того, чтобы ослабить и подчинить своему влиянию опасного для вновь приобретенных территорий соседа. Император вызвал из Тревер цезаря Константина, а сам прибыл в Мёзию Вторую²⁹ и начал подготовку к предстоящей кампании.

Война с готами началась в конце 332 г. Константин переправился со своей армией через Дунай и двинулся к Банату,

где вскоре одержал победу над готами. Вalezianсий Аноним сообщает, что в результате наступления цезаря Константина разбитые готы сильно страдали от голода и суровых зимних морозов. От этих бедствий у них погибло около 100 000 человек. Будучи не в силах продолжать борьбу, готы попросили мира и выдали Константину заложников, среди которых был сын их царя Ариарих (Anon. Val., I, 31). В том же году Константин принял титул *Трижды Готский Величайший* (*Gothicus Maximus III*).

Иордан ничего не говорит о поражении готов в войне с Константином. Зато ему известен факт заключения сторонами мирного договора (*foedus*), в соответствии с условиями которого готы привели императору 40 000 своих воинов (Iord., 112). Константин брал на себя обязательство оплачивать и кормить этот контингент, из чего готы извлекали немалую пользу. Иордан посчитал даже, что достигнутое соглашение было выгодно для побежденных.

Что заставило императора пойти на заключение мира? Возможно, он стремился избежать проведения затяжных военных операций вблизи вновь образованной провинции, границы которой были еще недостаточно определены. Поэтому он предпочел сдерживать готов, нанимая их на римскую службу, чтобы они не пытались завоевать Дакию.

После 335 г. Константин более не покидал Константинополь, доверив военное командование в Иллирике и Галлии своим сыновьям и племянникам. Он возвел в ранг цезаря Далмация, сына своего брата Далмация, и поручил ему Фракию, Македонию и Ахайю, а Ганнибалиана, второго сына Далмация, провозгласил *царем царей*, сделав его правителем понтийских областей;³⁰ Константин Младший получил галльские провинции; цезарь Констанций — Восток; Константин³¹ — Италию и Иллирик.

Античные авторы по-разному оценивают полководческие таланты Константина и результаты его военных предприятий, давая им порой диаметрально противоположные оценки. Анонимный автор панегирика (Pan. Lat., IX, 5, 1—3) и Евсевий Памфил (Eus., VC, I, 7—8) сравнивают Константина

Таблица 1
Официальные победы Константина
над варварами

Год	Противник, над которым была одержана победа
307	Германцы
308	Германцы
ок. 314	Германцы
323	Сарматы
328/329	Германцы
328 или 329	Готы
332	Готы
334	Сарматы
336	Даки

с Александром Великим, отдавая, естественно, предпочтение первому. Юлиан, напротив, высмеивает победы Константина, заявляя, что его деяния ничего не стоят: «Из двух тиранов, которых он убил, если сказать откровенно, один был труслив и изнежен, другой отягощен годами и немощью, оба были предметом ненависти богов и людей. Его победы над варварами могут вызвать лишь насмешки. Он заплатил им, так сказать, дань, чтобы спокойно предаваться своим удовольствиям» (Iul., Conv., 24).

Однако если объективно взглянуть на Константина как на военачальника, тактика и стратега, то окажется, что его имя может занять достойное место в ряду наиболее прославленных полководцев древности. На протяжении 30 лет он вел войны с различными противниками и всегда добивался победы, хотя ресурсы, которыми он обладал, были порой весьма незначительными по сравнению с возможностями его неприятелей (см. табл. 1).

ГЛАВА 2

ДРУГАЯ АРМИЯ

При Константине меняется сама идеологическая модальность античного общества, а все основные государственные институты подвергаются серьезной реструктуризации. Впрочем, как политический деятель Константин видел свою миссию не в том, чтобы возрождать имперские институты в их прежнем виде, а в том, чтобы создать свое собственное государство, которое будет существовать по законам и на основании принципов, сформулированных и обозначенных только им.

Понимая, что в политике все решает сила и правила нового мира предстоит писать победителю, а не побежденному, Константин уделяет самое пристальное внимание армии, с тем чтобы не только повысить ее боеспособность, но — и это главное — превратить ее в надежный, эффективный и покорный инструмент реализации своих политических амбиций.

Одним из наиболее важных военных преобразований, проведенных Константином, считается создание особой, *мобильной*, или *полевой*, *армии*, находившейся под непосредственным командованием самого императора. Мобильная армия получила название *комитата* (*comitatus*),¹ а образовавшие ее подразделения — *комитатенсов* (*comitatenses*).

Комитат представлял собой большой центральный резерв. Его задачей было как уничтожение неприятеля, про-

равшегося в глубь римских владений, так и совершение походов непосредственно на территорию противника. Кроме того, комитат был той силой, опираясь на которую император мог бороться с узурпаторами любого толка. Щедрые денежные раздачи, осуществлявшиеся за счет находившейся при императорской ставке государственной казны, превращали «свитские» войска в надежных исполнителей воли главнокомандующего.

Подразделения, не вошедшие в состав комитата, были дислоцированы вдоль границ, и на них возлагалась задача первыми отражать нападения неприятеля на провинции. Войска, защищавшие сухопутные рубежи, получили название *пограничных* (*лимитаны*), а те, которым надлежало защищать берега Рейна и Дуная, — *береговых* (*рипенсы*).

Другой заслугой Константина традиционно считается создание новой гвардии — *дворцовых схол*, на которые была возложена функция охраны особы императора. После битвы у Мульвиева моста Константин распустил те подразделения римского гарнизона, которые оказали поддержку его противнику. Речь шла прежде всего о преторианских когортах. Предполагается, что именно этот факт заставил императора сформировать взамен распущенных подразделений несколько новых гвардейских отрядов — схол.

Вероятно, уже при Константине из схол выбирали по 40 кандидатов в личную охрану императора. Название *кандидаты* (*candidati*) происходит от белого цвета одежды,² которую носили новые телохранители.

Еще одной значительной военной реформой, осуществленной в правление Константина, стало введение наследственной военной службы. Начиная с 319 г. все сыновья ветеранов считались военнообязанными и по исполнении им 16 лет должны были явиться к чиновникам, отвечавшим за поставку рекрутов. Такой порядок вел к возникновению наследственного военного сословия.

Командиры

...В то время, как солдатами повсюду командовали не только центурионы и трибуны, но еще и те, кого называли «дуксами», кто в каждом гарнизоне выполнял обязанности начальников, Константин учредил должности двух командующих одного — пехотой, другого — конницей, наделив их властью предводительствовать армией на поле боя и налагать наказания на виновных, лишив этой прерогативы префектов.

Zos., II, 33, 3

В правление Константина были сделаны существенные изменения в структуре высшего военного командования. Первое из них касается полномочий префекта претория.

Учредив преторианскую гвардию, Август доверил (во 2 г. до н. э.) общее командование над ней двум префектам претория, имевшим всаднический ранг и непосредственно подчинявшимся императору.³ Хотя префект претория должен был командовать преторианской гвардией, однако его близость к имперскому двору превращала его де-факто в военного министра и начальника штаба армии.⁴ Еще во времена Диоклетиана префект претория был наделен военной властью и служил непосредственным помощником императора.

Константин лишил префектов военных полномочий, однако не упразднил саму эту должность. Он назначил трех префектов претория, каждый из которых должен был встать во главе одного из трех обширных регионов, на которые при нем была разделена Империя. Таким образом, была создана префектура претория Галлии, куда вошли Галлия, обе Германии, Британия, Испания и Тингитана, префектура претория Италии, включавшая Африку, Италию и Иллирик, и префектура претория Востока, объединявшая восточные провинции и Египет. В соответствии со сложившимся в научной традиции мнением, преторианские префекты отвечали теперь лишь за организацию поставок в армию продовольствия и фуража, а также выступали в роли высшей юридической власти.

Впрочем, превращение преторианских префектов в гражданских чиновников произошло, очевидно, не сразу, а в течение длительного периода (с 318 г. по 335 г.). По крайней мере еще в 328 г. закон, имеющий военный характер (CTh, VII, 20, 5), был адресован префекту претория, что позволяет предположить, что последний, как и ранее, продолжал выполнять некоторые военные функции. Даже намного позже префекты претория могли вмешиваться в военные дела.

Звание префекта претория было высшим в табели о рангах поздней Империи. По словам Аммиана, все военные и гражданские чины видели в нем вершину своей карьеры (Amm., XXI, 16, 2).

Лишение префектов претория функций командующих гвардией привело к тому, что во главе новой гвардии, созданной Константином, оказался офицер в ранге *первого трибуна претория*, ранее находившийся в подчинении у префекта. С 320 г. он стал называться *трибун и магистр оффиций* (*magister officiorum*) и заведовал всеми дворцовыми службами, которые находились вне юрисдикции *коми́та финансов* (иными словами, всей императорской канцелярией). Кроме того, магистр оффиций отвечал за императорскую почту и государственные оружейные мастерские.

Согласно утвердившемуся в научной традиции мнению, для командования комитатом Константин учредил два высших воинских звания: *магистр пехоты* (*magister peditum*) и *магистр конницы* (*magister equitum*). Магистры подчинялись непосредственно императору. Вмешиваться в гражданские дела они не имели права. Хотя теоретически один из магистров должен был командовать конницей, а другой — пехотой, на практике они совмещали свои функции и часто выступали в качестве самостоятельных командующих армиями.

Вполне возможно, что Константин планировал назначать лишь двух таких офицеров, однако обстоятельства потребовали внесения в структуру высшего военного командования существенных изменений. При его преемниках командова-

ние региональными мобильными армиями, размещенными в наиболее беспокойных диоцезах, было поручено офицерам в звании *магистр конницы и пехоты* (*magister equitum et peditum*), а позднее даже *магистр армии* (*magister militum*), которые возглавляли оба рода войск, дислоцированных в диоцезе. Магистры, стоявшие по своему положению выше региональных, получили к своему званию добавление *in praesenti* или *praesentales* (*магистры в присутствии*, или *магистры при особе императора*). Они продолжали руководить подразделениями *comitatenses* и *palatini*, образовавшими армию императора.

Во второй половине IV в. институт военных магистров получает дальнейшее развитие. Количество региональных магистров увеличивается, что приводит в конечном итоге к исчезновению должности цезарей.

При Диоклетиане пограничные районы Империи были разделены на несколько военных округов — *дукатов*, во главе которых стояли командиры, имевшие ранг *дуксов* (*duces*) и находившиеся непосредственно в подчинении у императора. *Дуксы* осуществляли командование войсками своей провинции (*limitanei* и *ripenses*), следили за их комплектованием и снабжением всем необходимым. В гражданское управление они, так же как и магистры, не вмешивались.

Дукаты конца III и начала IV в. охватывали более обширные территории, чем это было позднее. По мере стабилизации положения в регионах размеры дукатов сократились.

При Диоклетиане еще не во всех провинциях военные полномочия перешли к дуксам. Во многих районах провинциальный наместник продолжал возглавлять местные силы, а префекты претория осуществляли командование через *викариев*. При Константине происходит окончательное оформление заложенной Диоклетианом системы разделения военной и гражданской властей. Только в одной или двух провинциях наместники сохранили военные и гражданские полномочия, однако такое положение было временным. Теперь в подавляющем большинстве провинций в руках дуксов была сосредоточена вся полнота военной власти.

Еще одним заметным нововведением в системе военного командования стало появление в период правления Константина звания *комита* (*comes*). Всего существовало три ранга комитов. Они сохранялись на протяжении всего IV в. К первому рангу принадлежали те, кто входил в императорский совет (*комиты консистория*), высшие дворцовые чиновники, которым давали это звание начиная с 320 г., и *comites stabuli*, ответственные за поставки лошадей. Второй ранг образовывали *comites rei militaris* (*комиты военного дела*), которые стояли во главе региональных воинских сил и были выше дуксов, подчиняясь лишь магистрам. *Комиты* третьего ранга были обычно командирами двух подразделений. Так, в 350 г. Магненций был комитом *Иовианов* и *Геркулианов* (Zos., II, 42, 2); комит Элиан в 359 г. стоял во главе *Превенторов* и *Супервенторов* (Amm., XVIII, 9, 3); в 360 г. комит Либинон командовал *Кельтами* и *Петулантами* (Amm., XXI, 3, 2); комит Севериан, принявший в 367 г. участие в неудачном походе против аламаннов, был командиром *Дивитенсов* и *Тунгриканов*. Вегетий также подтверждает тот факт, что комит обычно командовал двумя легионами (Veg., III, 1).

Закон Кодекса Феодосия 386 г., адресованный магистру оффиций, определяет, что трибуны имели право получить для передвижения трех почтовых лошадей, а комиты — четырех (CTh., VIII, 5, 49). Получается, что последние могли требовать всего на одну лошадь больше по сравнению с трибунами. Таким образом, звание комита в табели о рангах было только на одну ступень выше звания трибуна, и, когда офицеры в этих званиях осуществляли совместное командование, трибун находился в подчинении у комита.

Во главе позднеримских подразделений обычно стоял офицер в звании *трибуна*. В некоторых источниках кроме трибунов упоминаются также препозиты. Препозиты командовали подразделениями того же типа, что и трибуны. На этом основании некоторые исследователи делают вывод, что препозиты, в сущности, ничем не отличались от трибунов, и если они все-таки уступали последним в ранге, то чисто формально. Возможно, препозит — это, строго говоря, обозначение

ние поста, а не ранга: офицер мог быть трибуном и называться препозитом отряда.

Какова была иерархия воинских званий в подразделениях старого типа, ведущих свое происхождение со времен принципата (легионах, алах, когортах), в точности неизвестно. Есть основания полагать, что в них сохранялись все прежние звания (такие как *центурион* или *декурион*).

Гораздо больше сведений мы имеем о званиях, существовавших в подразделениях, которые появились в III—IV вв. (*ауксилии*, *схолы*, *вексилляции*). Перечень этих званий можно восстановить, опираясь на свидетельство Иеронима, называющего их в следующем порядке: *примицерий* (*primicerius*), *сенатор* (*senator*), *дуценарий* (*ducenarius*), *центенарий* (*centenarius*), *биарх* (*biarchus*), *цирцитор* (*circitor*), *всадник* (*eques*), *рекрут* (*tiro*) (Hieron., Iohan., 2, 424). Примицерий был офицером, на котором лежала обязанность проверять списки подразделений. Это звание имелось в ауксилиях, схолах и корпусе протекторов. Сенатор — звание, существовавшее в ауксилиях, вексилляциях и схолах. Дуценарий (двусотник) — звание, типичное для корпуса протекторов,⁵ ауксилией и вексилляций. Звание центенарий отмечено в ауксилиях, отрядах *equites* (*всадников*), *палатинских вексилляциях* (*vexillationes palatinae*) и *вексилляциях катафрактариев*. Согласно Вегецию, это звание соответствовало прежнему центурион (Veg., II, 7; 13). Здесь, впрочем, Вегеций допускает очевидную ошибку, используя метод этимологического сопоставления. Имеющиеся в нашем распоряжении эпиграфические источники свидетельствуют о том, что звание *centenarius* было отличным от *centurio ordinarius*. Наиболее раннее упоминание звания биарх относится к 324 или 327 г. Биарх, возможно, отвечал за обеспечение подразделения продовольствием. Это звание было типично для ауксилией, вексилляций и схол. Цирциторы, как об этом сообщает Вегеций, прежде назывались *циркумиторами* (*circumitores*) и были обходчиками сторожевых постов (Veg., III, 8). Однако закон Константина от 326 г. предусматривает ситуацию, когда это звание получал даже новобранец (CTh, VII, 22, 2, 2). Поэтому

мы едва ли должны согласиться с Вегецием относительно обязанностей цирцитора: такая ответственная миссия, как обход караулов, не могла быть доверена человеку, не имевшему достаточного опыта. В данном случае более вероятным представляется утверждение Иоанна Лидийца, согласно которому цирциторами назывались те, кто, не умея еще сражаться, должен был, объезжая бойцов, обеспечивать их оружием (Iohan. Lyd., De mag., I, 46). Звание *circitor* в основном встречается в новых кавалерийских подразделениях, таких как схолы и вексилляции.

Существует мнение, что перечень воинских званий, приведенный Иеронимом, неполон. Опираясь на эпиграфические данные, исследователи вносят в него звания *викария* (*vicarius*), *драконария* (*draconarius*), *семиссала* (*semissalis*), *кампидоктора* (*campidoctor*), *трубача* (*tubator*).

Викарий — офицер, выполнявший обязанности заместителя трибуна, был по значимости вторым лицом в подразделении. Драконарий — это, возможно, не звание, а должность. В качестве доказательства этого предположения можно вспомнить о драконарии Корнутов Мавре, который, по утверждению Аммиана, имел звание *гастата* (Amm., XX, 4, 18). Семиссал — унтер-офицер, получавший полуторное содержание. Кампидоктор — унтер-офицер, отвечавший за обучение солдат. На *кампидокторов* была также возложена задача, состоявшая в поддержании порядка в боевых линиях строя, кроме того, они должны были вести маршевую колонну, инспектировать предполагаемое поле битвы и даже командовать отдельными отрядами. Кампидоктор, сверх того, контролировал всех остальных инструкторов в подразделении. Сколько было кампидокторов в одном подразделении, точно не известно. Одно из указаний Вегеция позволяет сделать вывод, что кампидокторов было не менее одного в каждой центурии (Veg., III, 8). В качестве примера отметим, что Маврикий допускает, чтобы по одному кампидоктору было в одном пехотном подразделении (*аримме*) численностью не более 256 человек (Maug., XII, 8). Трубач — это также, возможно, должность, а не звание.

Таким образом расширенный перечень воинских званий в подразделениях, появившихся в III—IV вв., может быть представлен следующим образом: *tribunus*, *vicarius*, *primicerius*, *senator*, *ducenarius*, *centenarius*, *biarchus*, *circitor*, *draconarius*, *semissalis*, *campidoctor*, *tubator*, *eques* (*pedes*), *tiro*.

В едином строю

Войском называется объединение как легионов, так и вспомогательных отрядов, а также и конницы на предмет ведения войны.

Veg., III, 1; Praef., пер. С. П. Кондратьева

Основную силу армии в период принципата, как и ранее, составляли легионы. По своей структуре легион I—II вв. практически ничем не отличался от легиона Поздней Республики. Он состоял из 10 когорт, каждая из которых насчитывала по 480 человек; когорта делилась на три манипула; манипул — на две центурии по 80 человек с центурионом во главе. Однако в конце I в. н. э. численность первой когорты была увеличена до 800 человек. Центурии первой когорты теперь насчитывали по 160 солдат, но вместо 6 в первой когорте их было 5. Таким образом, численность легиона возросла с 4800 человек пехоты до 5500.

Радикальные изменения структуры римских воинских частей, в том числе и легионов, произошли, очевидно, только при Константине I. Аврелий Виктор недвусмысленно приписывает этому императору проведение некой военной реформы (Aug., 41, 11). Мы можем только догадываться, в чем была ее суть. Вероятно, процесс дробления старых воинских частей на более мелкие отряды, который шел начиная с III в., принял при Константине целенаправленный и повсеместный характер. Следствием значительного уменьшения численности легиона было стирание границ между различными звеньями его структуры: когорты уменьшались до размеров прежних центурий. Это неизбежно вело к терминологическим

изменениям, наиболее заметным из которых стало исчезновение самого понятия *cohors* в смысле структурного звена легиона. В последний раз термин «когорта» в этом смысле упоминается в 312 г., что стало результатом реорганизации армии.

Процесс создания новых отрядов шел также другим путем, наглядным отражением которого стало появление в названии воинских подразделений эпитетов *seniores* и *iuniores*.

По мнению одних исследователей, создание на базе одного двух подразделений было следствием тяжелых потерь, понесенных армией в битве при Мурсе (351 г.). Другие полагают, что разделение воинских формирований было произведено еще в процессе военных реформ Константина. В настоящее время наиболее обоснованной стала точка зрения, в соответствии с которой подразделения, получившие эпитеты *seniores*, существовали до того, как были сформированы подразделения с теми же названиями, но обозначенные как *iuniores*. Разделение, очевидно, произошло не в результате целенаправленной реформы, а было следствием длительного поэтапного процесса. Требование, чтобы дети солдат поступали на службу в те же подразделения, в которых служили их отцы, могло привести к ситуации, когда рекрутов становилось больше, чем необходимо для пополнения того или иного подразделения. Создание отрядов *iuniores* позволяло сыновьям солдат начать свою службу в тех же привилегированных воинских частях, в которых служили их отцы, и достаточно быстро продвигаться вверх по служебной лестнице. Подобная практика неизбежно вела к уменьшению численного состава подразделений. Этот процесс продолжался на протяжении всего IV в.

К сожалению, относительно того, какова была численность легионов Поздней Римской империи, у нас нет никаких более-менее точных данных. По этому вопросу было высказано большое количество гипотез. Были предложены цифры от 200—400 до 2000—3000 человек.

Те скудные фрагментарные данные, которые донесли до нас позднеантичные источники, действительно не позволяют

поставить точку в вопросе о численности легионов. Как кажется, общепризнанным является факт уменьшения численного состава легионов в последние два века существования Империи. Наиболее ярким для исследователей доказательством этого служит персидская осада Амиды (359 г.), когда в стенах города собралось 20 000 человек, в числе которых были гражданские лица (жители города и беженцы), два кавалерийских отряда и семь пехотных подразделений, пять из которых определено были легионами.

Наиболее приемлемой для численности легионов может считаться цифра 1000 (1200) человек.

В период принципата для ведения боевых действий в помощь легионам обязательно придавалось определенное количество вспомогательных войск, состоявших как из конницы, так и из пехоты. Вспомогательные войска образовывали подразделения различного типа (когорты, алы и др.), вместе с которыми численность легиона практически удваивалась.

Кроме постоянно существовавших вспомогательных подразделений, с конца I в. н. э. римское правительство начинает создавать формирования временного назначения, имевшие весьма неопределенный состав и потому получившие характерное название *нумеры* (*numeri*). Во II—III вв. нумер становится специальным термином, использовавшимся для обозначения образованных из варваров и не соответствовавших римской военной организации отрядов, которые иногда были пешими, иногда — кавалерийскими. Численность таких подразделений трудно определить, и, вероятно, каких-либо строгих правил на этот счет не существовало. Постепенно с утратой легионами своего прежнего значения роль различных вспомогательных подразделений возрастает. Увеличивается их количество.⁶ Существует мнение, что уже во II в. вспомогательные войска намного превосходили по численности пехоту самих легионов.

В течение длительного времени вспомогательные войска сражались оружием, которое использовалось у тех народов и этнических групп, среди которых они были набраны, прежде чем стать частью римской армии. Подобный подход

позволял римлянам в дополнение к своей легионной пехоте формировать боеспособные отряды из всадников и легковооруженных пехотинцев. К началу II в., когда вспомогательные отряды были окончательно встроены в римскую военную организацию, специфические особенности их вооружения исчезли, и оно стало производиться по определенным канонам.

На основе анализа литературных, археологических и иконографических источников было сделано заключение, что в эпоху принципата пехота вспомогательных войск была обеспечена более или менее единообразным оружием и снаряжением, состоящим из длинного меча (*spatha*), копья, плоского овального щита, шлема и короткой кольчуги.⁷

Основная часть римской кавалерии использовала в этот период легкое снаряжение и вооружение, которые были приспособлены для ведения дальнего боя и оставляли всаднику возможность быстрого перемещения по полю боя. В I в. н. э. в кавалерии использовались кольчуга или чешуйчатый панцирь; плечи всадника были дополнительно защищены короткой накидкой, крепившейся на кольцах или с помощью серии металлических лент, видимых на некоторых рельефах (см. рис. 4).

Кавалерийский щит был плоским, овальной или гексагональной формы. Дополнительные средства защиты могли состоять из поножей, полезных для предохранения ног, особенно во время столкновений с пехотой противника, и аналогичной защиты на руках, в то время как бедра и низ живота закрывались специальными ремнями (*pteryges*) из кожи или набитой ткани.

Обычное наступательное вооружение всадника состояло из легкого копья — *ланцей*, трех дротиков и длинного меча — *спаты*. Длина кавалерийской ланцей, судя по изображениям на рельефах, варьировалась от 180 до 200 см. Такое копьё использовали как для метания, так и для ближнего боя, в том числе для того, чтобы поразить противника ударом сверху вниз, как показано на большей части погребальных стел.

Рис. 4. Римский всадник. Фрагмент рельефа колонны Траяна. Прорисовка И. В. Кирсанова.

Дротики имели широкие наконечники и были длиной немногим меньше копья; они находились в особом футляре. Спату носили на портупее на правом боку. Длина кавалерийских спат в I—II вв. составляла 60—70 см (в среднем — 63 см) при ширине клинка 3.5 см.

Тактическое использование вспомогательных отрядов, как кажется, оставалось постоянным и характерным в течение I и II вв. Обычное боевое построение предполагало, что пехотные когорты и кавалерийские алы⁸ занимали места справа и слева от легионной пехоты, с тем чтобы пресечь попытки противника обойти ее с флангов.

Функции вспомогательных подразделений изменились после того, как завершился период экспансии Империи. С середины II в. прекращается их использование в бою. Отказавшись от агрессивной внешней политики, Адриан отвел им важную роль в структуре пограничной обороны. В то время как легионы оставались в своих лагерях, расположенных на определенном расстоянии от границ для отражения серьезных угроз, вспомогательные войска постепенно трансформировались в некий аналог пограничной полиции, прочно привязанной к территории, на защиту которой она направляла все свои усилия.

В период поздней Империи вспомогательные отряды пехоты (*ауксилии*) начинают играть намного более важную роль, чем ранее, превращаясь в самостоятельные подразделения, решавшие на поле боя те же тактические задачи, что и легионы. Предполагается, что позднеримские ауксии были подразделениями нового типа, генетически не связанными со старыми отрядами принципата. Согласно распространенному мнению, начиная с правления Константина I ауксии, вербовавшиеся исключительно из зарейнских германцев, стали составлять основу римских вооруженных сил.

При Константине в армию, несомненно, попадало достаточно много варварских рекрутов. Известно, например, что, готовясь к войне с Максенцием, Константин пополнял свои войска военнопленными варварами, особенно из числа германских и кельтских племен. Отрывочные сведения наших

источников послужили основанием для историков XX в. говорить о массовой варваризации, а точнее, германизации армии, произошедшей при этом императоре. Вместе с тем у нас нет никаких весомых доказательств того, что новые ауксиллии были созданы именно при Константине. Нет также оснований полагать, что правительство придерживалось принципа, согласно которому ауксиллии должны были создаваться из внеимперских элементов. Напротив, в такие подразделения должны были брать либо жителей Империи, либо варваров, проживавших в сильно романизированных областях. Это должно было гарантировать соблюдение дисциплины и чувство общности в отряде. Поэтому римское командование стремилось не допустить, чтобы процент иноземных солдат в ауксиллиях был слишком высок. Таким образом, на практике в IV столетии рядовой состав армии, защищавшей рейнскую границу, рекрутировался почти исключительно из галлов и германцев, проживавших в Империи.

В большинстве случаев командный состав ауксиллий назначался императором, а потому офицеры могли и не быть соплеменниками солдат. Особенно это касалось трибунов.

Сведения, которые мы можем почерпнуть из текста Аммиана Марцеллина, показывают, что в тактическом отношении ауксиллии ничем не отличались от легионов. Роль ауксиллий не ограничивалась теперь мелкими стычками. Как и легионы, во время сражений они шли плотным строем, и так же, как и легионы, принимали активное участие при штурме укрепленных городов. Многие ауксиллии считались элитными подразделениями, лучшими во всей армии.

Некоторые указания Аммиана говорят в пользу того, что ауксиллии или по крайней мере некоторые из них были легковооруженными (Amm., XVI, 11, 9; XX, 1, 3; XXIV, 2, 8). Впрочем, это вовсе не означает, что отсутствие тяжелого защитного вооружения было отличительным признаком ауксиллий. Разница в вооружении и обмундировании между различными типами подразделений обуславливалась скорее национальными особенностями или традициями солдат, составлявших основную массу того или иного отряда.

По какому принципу создавались подразделения нового типа, появившиеся в IV столетии и не связанные со старыми легионами, сказать трудно, но, по всей видимости, была какая-то единая схема, которой стремились придерживаться. Согласно утверждению Вегеция, в современную ему эпоху не существовало разницы между когортами и центуриями. Под последними Вегеций понимает отряды численностью по 111 человек (100 рядовых, 10 деканов и 1 центенарий) (Veg., I, 23). Вместе с тем Вегеций ставит знак равенства между такими понятиями, как «манипул» и «контуберний», то есть отделение из 10 рядовых одного декана (Veg., II, 13). Эти соответствия могут указывать на то, что современное Вегецию подразделение имело десятиричную структуру. Логично будет допустить, что в нем было 10 «центурий», столько же, сколько когорт в прежнем легионе.

Характерно, что такая десятиричная структура воинских подразделений существовала у различных германских племен. Еще Тацит отмечает, что отряд пехоты у германцев составлял 100 человек (Тас., Germ., 6). Таким образом, структура новых подразделений могла быть позаимствована римлянами у германцев. Правда, остается неясным, когда это произошло: до битвы при Адрианополе или после нее, когда в армию попало большое количество готов и других варваров.

Еще меньшей информацией мы располагаем относительно численности ауксилиев. Некоторые свидетельства наших источников позволяют утверждать, что она была равной численности легионов.

Если в период принципата кавалерия выполняла на полях сражений вспомогательную роль, то со второй половины III в. ситуация меняется самым решительным образом. Наиболее заметным явлением, отражающим возросшее значение кавалерии в римской армии, стало создание особого кавалерийского корпуса в период правления императора Галлиена (253—268 гг.).

История создания этого формирования остается до конца невыясненной. Можно предположить, что появление нового

для римской военной организации рода войск — кавалерии, не связанной с размещенными в провинциях легионами и способной самостоятельно действовать на полях сражений, было вызвано созданием постоянно действующей армии. Основными источниками для создания новой кавалерии были старые армейские эскадроны, регулярные и нерегулярные, а также конные гвардейские подразделения. Галлиен лишь свел имевшиеся у него в наличии отряды конницы в более крупные объединения. Приблизительно с 260 г. кавалерийская армия Галлиена находилась в Медиолане. Ее отдельные подразделения могли использоваться в различных целях, однако она имела только одного командующего, и это единство боевого управления, вероятно, означало единство в бою.

Сколь велико было значение командующего кавалерией, мы можем судить по тому факту, что именно он часто становился новым императором. Примерами тому могут служить Клавдий II Готский (268—270 гг.), Аврелиан (270—275 гг.) и Проб (276—282 гг.). Какое звание носил офицер, стоявший во главе мобильной кавалерии, наши источники не сообщают.

Создание центрального кавалерийского резерва способствовало успеху иллирийских императоров в деле реставрации Империи. В войнах, которые вели ближайшие преемники Галлиена, созданная им кавалерия (особенно далматские всадники) играла выдающуюся, если не решающую роль. Однако к концу III в. кавалерия Галлиена прекращает свое существование. Есть мнение, что она была упразднена Диоклетианом из-за слишком большого влияния, которым пользовались ее командующие. Другим поводом для расформирования кавалерийского корпуса могло стать масштабное фортификационное строительство на границах, предпринятое Диоклетианом. Новые крепости лимесов необходимо было обеспечить войсками, поэтому большая часть кавалерии была размещена вдоль границ и уже никогда более не восстановила свой прежний статус. Возможно, что главной причиной расформирования конной армии послужила стабилизация внешнеполитического положения Империи: после побед,

одержанных предшественниками Диоклетиана, в ее существовании не было уже особой надобности.

Вместе с тем расформирование особого кавалерийского корпуса не означало, что роль кавалерийских отрядов снова стала сводиться к вспомогательным функциям, а ее главная задача на поле боя заключалась в поддержке тяжеловооруженной пехоты. Напротив, анализ наших источников показывает, что в IV столетии отряды всадников могли действовать совершенно автономно, а в сражениях участвовали большие массы кавалерии, которые должны были наносить по противнику главный удар. Увеличение значения конницы получило наглядное отражение в списках подразделений в *Нотиици Дигнитатум*, согласно которым количество кавалерийских подразделений на западе составляет почти половину от числа подразделений пехоты, а на востоке они лишь немногим уступают последним (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2
Распределение воинских сил
в Восточной и Западной Империях

Подразделения	Западная империя	Восточная империя	Всего
Кавалерия	142	222	364
Пехота	317	239	556
Флот	16	6	22
Всего	475	467	942

Таблица 3
Соотношение между родами войск

Роды войск	Западная империя	Восточная империя
Кавалерия	29.8 %	47.5 %
Пехота	66.7 %	51.1 %
Флот	3.3 %	1.2 %

После битвы при Адрианополе, когда тяжелая пехота вступает в период упадка и полнейшей деградации, кавалерия, напротив, получает сильный импульс для развития и становится на достаточно продолжительное время главным родом войск позднеримской, а затем и ранневизантийской армий.

Отдельно нужно сказать о римской тяжелой кавалерии, появление и развитие которой было порождено необходимостью противостоять на дунайской границе панцирным всадникам (катафрактариям) сарматов-языгов и роксоланов. Уже в начале II в. римляне создают у себя отряды *контариев*. Их основным наступательным оружием было большое копье (контос) сарматского происхождения, которое всадник держал обеими руками. Первым таким подразделением стала *Первая Ульпия ала контариев*, сформированная при Траяне (98—117 гг.). Этот отряд нес службу в Аррабоне в Паннонии. Контарии носили чешуйчатые, ламеллярные или кольчужные панцири.

Приблизительно в то же самое время появляются отряды римской панцирной кавалерии. Первое регулярное подразделение, состоявшее из панцирных всадников — катафрактариев,⁹ было создано при императоре Адриане. Считается, что римские катафрактарии были вооружены по образцу сарматской конницы, и вполне вероятно, что все они были сарматскими наемниками. Кроме регулярных кавалерийских подразделений в период принципата продолжают использовать и отряды, набранные среди соседних народов и племен, которые были вооружены и экипированы в соответствии со своими традициями и обычаями. Среди них заметная роль принадлежала мавретанским всадникам на низкорослых быстрых конях, лишенных седла и узды; их основным оружием были короткие дротики, которыми они, производя стремительные атаки, забрасывали противника с целью расстроить его боевой порядок. Некоторые подразделения состояли из конных лучников восточного происхождения, однако их количество было еще невелико.

В IV столетии римская панцирная кавалерия получает дополнительный импульс для своего развития. Наряду с от-

рядами катафрактариев в армии появляются подразделения *клибанариев* (*clibanarii*).¹⁰ Клибанарии были включены в состав римской армии, по-видимому, в достаточно поздний период. Их появление обычно связывают с именем Александра Севера, в биографии которого сообщается, что, уничтожив 10 000 персидских клибанариев, он вооружил римлян их оружием (SHA, Alex., 56, 5).

Вопрос о том, была ли какая-то принципиальная разница между катафрактариями, клибанариями и катафрактами, остается до конца не решенным. Основываясь на свидетельствах литературных источников, многие исследователи считают, что различия между катафрактариями и клибанариями не было, а сами эти термины были взаимозаменяемыми. Другие, напротив, пытаются дистанцировать эти понятия. По мнению одних, катафрактарии — это обобщенное наименование, применявшееся для панцирных всадников, в то время как клибанарии — термин более узкий, использовавшийся исключительно в отношении парфян, пальмирцев и персов, которые в действительности были теми же самыми катафрактариями. Другие считают, что термин катафрактарии в III—V вв., как правило, использовался для обозначения вспомогательных отрядов римской армии, вербовавшихся на Востоке, тогда как клибанариями называли подразделения собственно римской и сасанидской конницы.

Те исследователи, которые видят в катафрактариях и клибанариях разные категории войск, считают, что их вооружение имело существенные различия. Некоторые специалисты приходят к выводу, что катафрактарии носили короткий панцирь, доходивший всадникам до уровня бедра, в то время как клибанарии были покрыты латами с ног до головы; кони катафрактариев не имели бронированных попон, клибанарии же сражались верхом на конях, полностью защищенных доспехом. Другие видят различие между катафрактариями и клибанариями в вооружении самих всадников: у катафрактариев был щит и копье, а у клибанариев — лук и копье.

Расцвет римской панцирной кавалерии происходит при Констанции II. Многолетние безуспешные войны с персами,

которые вел этот император, продемонстрировали, что панцирные всадники могли достаточно эффективно действовать на полях сражений. Поэтому вполне естественным было желание Констанция усилить свою армию, включив в ее состав подразделения клибанариев, вооруженных по персидскому образцу. Согласно утверждению Юлиана, он сначала будто бы сам облачился в доспехи клибанария, чтобы лично оценить все его достоинства, и лишь потом принял решение о создании новых подразделений. Либаний сообщает, что Констанций прикрыл «железными доспехами всадников с головы до ног тщательнее персов, и коней предохраняя броней от поранений» (Lib., Or., XVIII, 206; пер. С. П. Шестакова) (см. рис. 5). Создание большого числа отрядов клибанариев позволило Юлиану назвать Констанция основателем панцирной кавалерии, которой якобы не было у его предшественников (Iul., Ad Const., 30, 15).

Несмотря на то что различия в вооружении катафрактариев и клибанариев (катафрактов) в середине IV в. были еще весьма заметными, однако для римских историков все три термина были, как кажется, равнозначными. Необычные доспехи клибанариев могли заставить античного автора указать на их персидское происхождение, однако это не значило, что он видел в них особую категорию войск: клибанарии в его понимании были теми же самыми катафрактариями или катафрактами.

Главная тактическая задача панцирной кавалерии состояла в том, чтобы в едином тесно сомкнутом строю атаковать противника с целью прорыва его боевых порядков. Плотный строй давал возможность наилучшим образом использовать преимущества вооружения панцирных всадников и сводил до минимума его недостатки, главным из которых была их слабая маневренность. Отдельный клибанарий или катафрактарий был весьма уязвим и, сброшенный на землю, становился легкой добычей врага. «Они используют, — передает Назарий, — следующий способ сражения: когда они атакуют вражеский строй, то врезаются в него и, будучи неуязвимыми, опрокидывают без колебания все, что им противостоит»

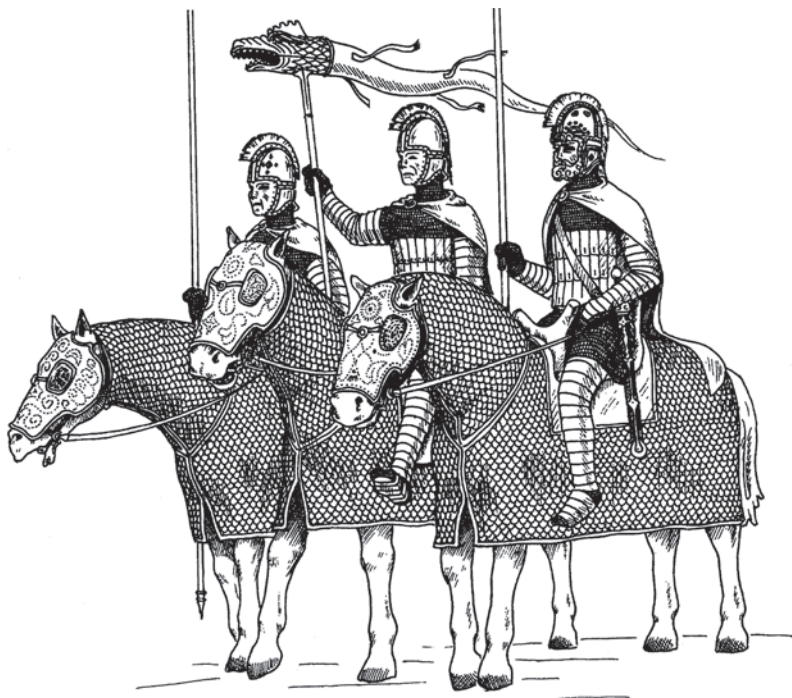

Рис. 5. Позднеримская панцирная кавалерия. Рисунок И. В. Кирсанова.

(Pan. Lat., X (4) 23, 4). Однако катафрактарии могли достигнуть определенного успеха, опрокинув первый ряд легионеров, но затем их кони поневоле должны были остановиться, поскольку у них не было никакой возможности перевести дыхание, и это обрекало их седоков на верную гибель.

Численность позднеримских кавалерийских отрядов сильно варьировалась. Папирусы, датируемые 297—300 гг., упоминают подразделения, состоявшие из 116, 118 или 121 человек; в биографии Аврелиана упоминается отряд из 800 катафрактариев (SHA, Aurel., 11, 3—4); Зосим говорит о подразделении из 600 всадников (Zos., III, 3, 4); Синезий — об отряде из 40 человек (Syn., Ep. 36 (78), 30—35). Кроме того, существовали различные типы кавалерийских подразде-

лений: турмы, алы, когорты, вексилляции, схолы, клинья (cunei) и просто всадники (equites). Какова была численность этих отрядов, установить с точностью не удастся. Некоторые из этих терминов были для позднеримских авторов взаимозаменяемы, что, вероятно, должно свидетельствовать о том, что обозначенные ими отряды численно практически не различались. Суммируя имеющиеся у нас данные, можем утверждать, что обычно численность римского кавалерийского подразделения в IV столетии варьировалась в пределах 300—500 человек.

Армия в лагере и на войне

Знание военного дела питает смелость в бою: ведь никто не боится действовать, если он уверен, что хорошо знает свое дело. В самом деле, во время военных действий малочисленный, но обученный отряд всегда гораздо скорее добьется победы, тогда как сырая и необученная масса всегда обречена на гибель.

Veg., I, 1; пер. С. П. Кондратьева

Нет государства сильнее, счастливее и славнее, чем то, которое богато обученными воинами. Ведь ни блеск наших одежд, ни изобилие золота, серебра или драгоценных камней не могут заставить врагов уважать или любить нас, но только страх перед нашим оружием заставляет их нам повиноваться.

Veg., I, 13; пер. С. П. Кондратьева

Римская стратегия периода Поздней Империи носила, как правило, оборонительный характер. Если же римское командование и предпринимало наступательные действия, то главным образом для того, чтобы покарать германцев за совершенный набег или же упрочить свои позиции в отношении персов.

Теоретически военные действия в IV столетии обычно носили сезонный характер. Обычно они начинались в кон-

це марта (после весеннего равноденствия) и заканчивались в конце сентября (после осеннего равноденствия). Конец сентября считался поздней осенью, временем, когда начинались холода, поэтому все военные действия старались закончить до этого срока. Вместе с тем нередко были случаи, когда римлянам, отражавшим атаки неприятеля, приходилось действовать в самый разгар зимы.

В холодное время солдаты обычно находились на зимних квартирах (*hiberna*, *stationes* или *sedes hibernae*), которые могли быть расположены в городах или фортах либо представлять собой традиционные военные лагеря. Размещение солдат в разных городах имело целью прежде всего облегчить их снабжение продовольствием.

Период, когда войска находились в казармах в ожидании начала новой кампании, проходил в ежедневном обучении личного состава и его подготовке к предстоящей кампании. Тренировки всегда играли огромную роль в поддержании боеспособности личного состава римских вооруженных сил: солдат должен был иметь хорошую физическую форму и уметь действовать совместно со своими товарищами по оружию. Судя по данным источников, практика регулярных военных тренировок была по-настоящему организована только с установлением режима Империи и возникновением регулярной армии. Тренировки становятся кодифицированной практикой, в соответствии с которой молодые солдаты должны были выполнять военные упражнения (*exercitationes*) дважды в день, а ветераны — один раз.

Регулярные тренировки учили солдат совершать совместные маневры, быстро и точно исполнять приказы командиров, а ко всему прочему, если солдаты были постоянно заняты, у них было меньше возможности помышлять о мятежах.

Самым важным элементом начальной подготовки рекрута было обучение их совершению маршей (Veg., I, 9). Кроме того, рекрутов учили плаванию (в летние месяцы) и обустройству военных лагерей (Veg., I, 10; 21). Особое внимание уделялось также умению пользоваться оружием. Обучение рекрутов этому искусству проходило на специально обустро-

енной просторной арене (*campus*), существовавшей в каждом лагере или легионной крепости. Тренировки осуществлялись с круглым щитом (*cratis*) из ивового прута и фехтовальной дубинкой (*clava*), весящими вдвое больше, чем обычные (Veg., I, 11).

Военный кризис III в. оказал сильнейшее влияние на процесс подготовки солдата. Тем не менее традиции обучения новобранцев и тренировок остального личного состава по-прежнему сохранялись в армии. Успешные действия на поле боя римской пехоты в IV столетии характеризовались не индивидуальными схватками или личными инициативами отдельных бойцов, но исключительно скоординированными действиями целых отрядов, внутри которых каждый солдат, используя свой персональный опыт и полученную подготовку, действовал в согласии с остальными. Понятно, что слаженное выполнение маневров могло осуществляться только в результате длительного, регулярного и методичного обучения различным тактическим приемам. Поэтому фундаментальный аспект формирования будущего солдата еще более, чем раньше, состоял в отработке умения сражаться в единой группе. Подобное умение было настоящим фактором стратегического превосходства римлян над противниками.

В источниках IV в. можно найти упоминания о пиррихе (*pyrrhicha*) — сложном комплексе коллективных тренировочных упражнений, совершавшихся солдатами в определенном ритме. Подобные размеренные движения помогали солдатам идти в бою, сохраняя пропедевтический боевой порядок. Осуществлять их могли, конечно же, только хорошо обученные бойцы. Еще в середине VI столетия пирриха по-прежнему оставалась важным элементом военной подготовки войск (Agath., II, 1, 1—2).

Для обозначения комплекса тренировочных упражнений Вегетий (Veg., III, 4) использует название *кампикурсионы* (*campicursiones*). Была ли какая-нибудь разница между *campicursiones* и *pyrrhicha*, или же это были два термина, обозначавших один и тот же комплекс упражнений, с той

разницей, что первое слово имело технический, а второе — литературный оттенок? Вполне возможно, что между двумя видами тренировки существовало конкретное различие: пирриха, для исполнения которой требовалось соблюдение ритма, проводилась под звуки музыкальных инструментов, постоянно указывающих такт, чего не было при проведении «классических» маневров, во время которых трубы лишь возвещали о начале и конце движения, а также о переходах между разными типами упражнений.

Тренировки как новобранцев, так и солдат, унтер-офицеров и офицеров не только усиливали сплоченность воинского подразделения, но и, ввиду того что осуществлялись они в условиях симуляции боевого столкновения, психологически готовили личный состав к реальной битве. До некоторой степени, конечно, но тем не менее. Для того чтобы создать условия, максимально приближенные к боевым, во время учений нужно было противопоставлять одни подразделения другим. Подобные тренировочные симуляции преследовали тройную цель: отработку коллективных действий в широком масштабе, проверку умения отдельных структурных составляющих подразделения соблюдать боевой порядок и следовать приказам, а также возможность внедрения тактических инноваций и применение их вместе с отработанными приемами ведения боя в настоящем сражении.

Ответственность следить за качеством и непрерывностью тренировок войск была возложена на офицеров и унтер-офицеров, которым эти войска были доверены. Однако существовали чины, непосредственно отвечавшие за эти задачи. Наиболее заметным из них был кампидоктор (*campidoctor*), проводивший *campicursiones* и контролировавший обучение солдат (SHA, Alex., 53, 9; Veg., II, 7).

Как уже отмечалось выше, запланированный поход обычно начинался в начале весны, но в некоторых регионах ждали до середины лета. Так, например, в Галлии началом кампании считался июль, поскольку именно к этому времени в Аквитании собирали урожай хлеба и подвозили его военным (Amm., XIV, 10, 2; XVII, 8, 1). Раньше июля сделать это бы-

ло невозможно: в начале весны в этой провинции почти непрерывно шли дожди, из-за чего поднимался уровень воды в реках.

Кроме заготовки провианта, в преддверии кампании делались запасы оружия, готовились транспортные средства, увеличивалось поголовье выючных животных, подразделения пополнялись новыми рекрутами, а иногда создавались новые отряды и проводилась вербовка варваров. В дополнение к этому выступлению армии в поход всегда предшествовал предварительный сбор информации о противнике. Все эти действия могли занимать достаточно продолжительное время. Например, в 375 г. Валентиниан I перед походом на квадов делал запасы оружия и провианта в течение целого лета (Amm., XXX, 5, 11). Армия выступала в поход только после завершения всех приготовлений.

Перед началом военных действий первой обязанностью военачальника было собрать армию. Для этого офицерам, командовавшим отдельными подразделениями, рассылались тессеры (*expeditionales*) с приказом покинуть зимние квартиры и направляться к месту предполагаемого общего сбора.

Отправляясь в поход, каждый солдат брал с собой запас еды на 17 дней. Провиант, тяжелое вооружение, палатки и другую поклажу (*sarcina*) везли на выючных животных — (*sarcinalia iumenta*). Согласно утверждению автора жизнеописания Аврелиана, на одну центурию полагался один мул. Однако здесь, по всей видимости, допущена ошибка. Более вероятным представляется, что одна повозка и одна выючная лошадь (или мул) полагались на каждое отделение (*contubernium*), состоявшее из 8—10 человек. У всадников кроме боевого коня была еще и выючная лошадь (SHA, Aurel., 7, 7). У трибунов и комитов были свои выючные лошади или мулы, на которых везли провизию, предназначенную для этих офицеров.

Когда движение армии проходило по вражеской стране, то обычно кормились за счет запасов, захваченных у неприятеля, при этом могла возникнуть необходимость прибегнуть к сбору урожая (*frumentatio*) на месте. Это была еще

одна причина, по которой начало военной кампании старались приурочить к моменту созревания хлебов на полях (Amm., XVII, 9, 2—3). Поэтому, как и во времена принципата, серп (*falx*) оставался частью личного инвентаря римского солдата.

Походные порядки римской армии во время совершения переходов, в принципе, оставались теми же, что и во времена поздней Республики и принципата. Войска выстраивались в несколько каре (*agminibus quadratis*). При необходимости каре могли раздвигать (Amm., XXV, 3, 2) или стягивать свои ряды (Amm., XXIV, 1, 2; XXV, 3, 2; XXVII, 10, 6). Ряды раздвигали в том случае, если хотели, чтобы армия казалась неприятелю более многочисленной, чем была на самом деле.

Авангард походного порядка армии образовывала кавалерия, затем шла пехота. На некотором расстоянии от передового отряда находились обоз с прислугой и выючные животные. Промежуток между авангардом и обозом был необходим для того, чтобы при внезапном нападении неприятеля обоз не пострадал из-за скученности сражающихся. В арьергарде двигались всадники и пехотинцы, которые должны были защищать обоз. Такие же отряды должны были прикрывать его с флангов (Veg., III, 6).

В случае угрозы неожиданного нападения или когда противник использовал большие силы кавалерии, отдельные, специально предназначенные для этого подразделения выстраивались в боевой порядок (*cuneis confertis*) и находились в готовности быстро отразить внезапную атаку (Amm., XX, 11, 6).

Согласно Вегецию (Veg., I, 9), в летнее время обычный дневной переход составлял 5 часов, за которые полагалось пройти 20 миль (ок. 29.6 км) военным шагом или 24 мили (ок. 35.6 км) ускоренным шагом. Пять часов дневного марша составляли в среднем время, необходимое для совершения перехода обычной протяженности, без нападений врага или особой поспешности. В особых случаях могла возникнуть необходимость ускорить марш, совершив более длинный пе-

реход в течение 9 часов. Так, Цезарю за один день марша удалось пройти 45 км (Caes., BG, II, 12).

С какой быстротой двигалась позднеримская армия и как долго длился обычный дневной переход, в точности неизвестно. Анализ маршей армии Юлиана во время персидской кампании, в тот период, когда она шла по римской территории или наступала на Ктесифон, показывает, что обычно они составляли около 30 км и даже более. Однако расстояние, пройденное за день, в сильной степени зависело от многих факторов. Большую роль играли моральное состояние войск, метеорологические условия, природа местности, а также действия противника. Поэтому в некоторые дни Юлиану со своей армией удавалось пройти не более нескольких километров. Так, согласно Аммиану, в один из дневных переходов римлянам удалось преодолеть только 70 стадий (12.5 км) (Amm., XXV, 1, 10).

Армия на поле боя

...В боевом результате сражения заключается вся полнота победы.

Veg., III, 11; пер. С. П. Кондратьева

Эффективность действий любого воинского подразделения всегда в значительной степени зависит от качества вооружения и его приспособленности и востребованности для использования в конкретных ситуациях. Римское вооружение позднего периода заметно отличается от того, которое использовалось в период принципата. Произошедшие в нем изменения были вызваны целым комплексом причин. Одной из главных была трансформация легионной тактики ведения боя, ставшая следствием тех новых условий, в которых пришлось действовать римской армии, в том числе и эволюцией военного дела у противников Империи.

Обычным пехотным построением в IV столетии стала фаланга, фронт, фланги и последнюю линию которой обра-

зовывали офицеры и унтер-офицеры (*primi ordines*), и только они имели полный комплект тяжелого защитного вооружения. В центре такого построения располагались менее опытные, хуже обученные и имевшие легкое вооружение солдаты. Во время сражения тяжеловооруженные пехотинцы образовывали заслон из щитов, поражая противника копьями. Стоявшие за ними легковооруженные забрасывали врагов стрелами и разнообразными дротиками.

В отношении позднеримского вооружения можно отметить ряд специфических особенностей. Наиболее распространенным видом позднеримского шлема был *композитный*. Композитные шлемы можно разделить на два основных типа. Шлемы первого типа состояли из двух полусфер, крепившихся к узкой полоске гребня, которая тянулась от лцевой к затылочной части купола. Шлемы второго типа изготавливались из нескольких пластин, соединявшихся между собой. Как правило, такая конструкция характерна для куполов конической формы. К шлему могли добавляться на затыльник и нащечники, которые изготавливались отдельно и обычно крепились кожаными или льняными ремнями либо с помощью шарниров (см. рис. 6).

Основным видом доспеха была кольчуга. Кольчуги времен поздней Империи отличались большим разнообразием. Среди них были короткие, длинные, без рукавов, с рукавами до локтя или с рукавами до запястья. Распространенными оставались также и известные еще с республиканских времен чешуйчатые панцири (*lorica squamata*), представлявшие собой доспех, сделанный из железных или бронзовых чешуек, пришитых на кожаную основу. В панцирях такого типа, например, изображены воины на арке Галерия в Салониках, а также преторианцы на арке Константина.

Так как меч перестал быть главным оружием легионера и из мечников, сражавшихся в свободном порядке, римские пехотинцы превратились в копейщиков, эффективность действия которых была основана на слаженных коллективных маневрах в сплоченном строю, то отдельный солдат не мог более вести бой в одиночку, но должен был действовать со-

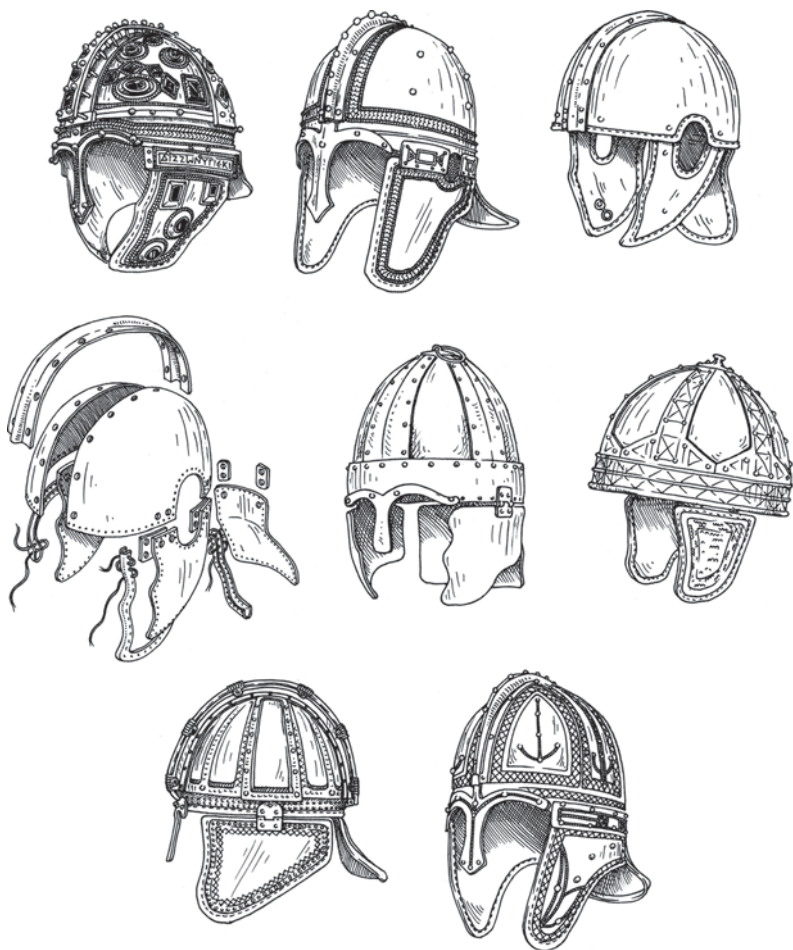

Рис. 6. Позднеримские шлемы. Рисунок И. В. Кирсанова.

вместно со стоявшим справа товарищем, который закрывал его частью своего щита. Поэтому еще одним изменением в римском вооружении вследствие перемены тактики стала окончательная замена четырехугольного полуцилиндрического щита меньшими по размеру круглыми и овальными щитами, более пригодными для сражения в сомкнутом строю.

В IV столетии общепринятым становится ношение поножей, которые в I—II вв. носили только центурионы как отличительный знак своего звания. Поножи обеспечивали дополнительную защиту римским тяжеловооруженным пехотинцам, главная задача которых теперь состояла в том, чтобы, подобно «несокрушимой стене», выдерживать атаку противника (Amm. XVI, 12, 20; ср. Veg., II, 7).

Главным наступательным оружием римского пехотинца становится копье. В позднеантичную эпоху в рукопашном бою сражались прежде всего копьями и только после того, как они ломались, обнажали мечи (Amm., XXXI, 13, 5). Поскольку копья использовали, как правило, для ближнего боя, то их наконечники имели широкую форму. Предполагается, что длина позднеримского копья была 2—2.5 м; причиной увеличения его длины считают переход к построению фалангой.

Начиная с III в. основным типом меча римского легионера становится длинная и узкая спата. Длина клинков спат IV в. составляла 70—90 см, ширина — 5—6 см; Кроме мечей в III—IV вв. в ближнем бою использовали также топоры (*secures*) и двуострые секиры (*bipennes*).

Господствовавшая в позднеантичном военном деле тенденция — нанести как можно больший урон противнику еще до прямого столкновения с ним, способствовала тому, что римляне значительно расширили арсенал использовавшихся ими метательных снарядов и различных видов оружия дальнего боя.

Новым видом метательного оружия, не известным во времена ранней Империи, стали *плюмбаты* (*plumbatae*), или *маттиобарбулы* (*mattio-barbulae*) — дротики, имевшие по-

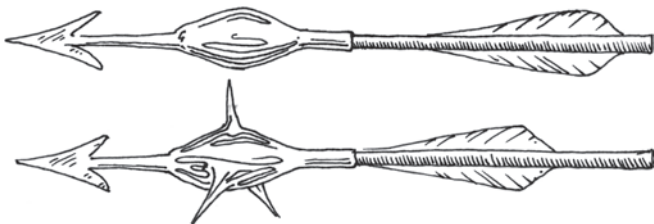

Рис. 7. Плюмбаты. Рисунок И. В. Кирсанова.

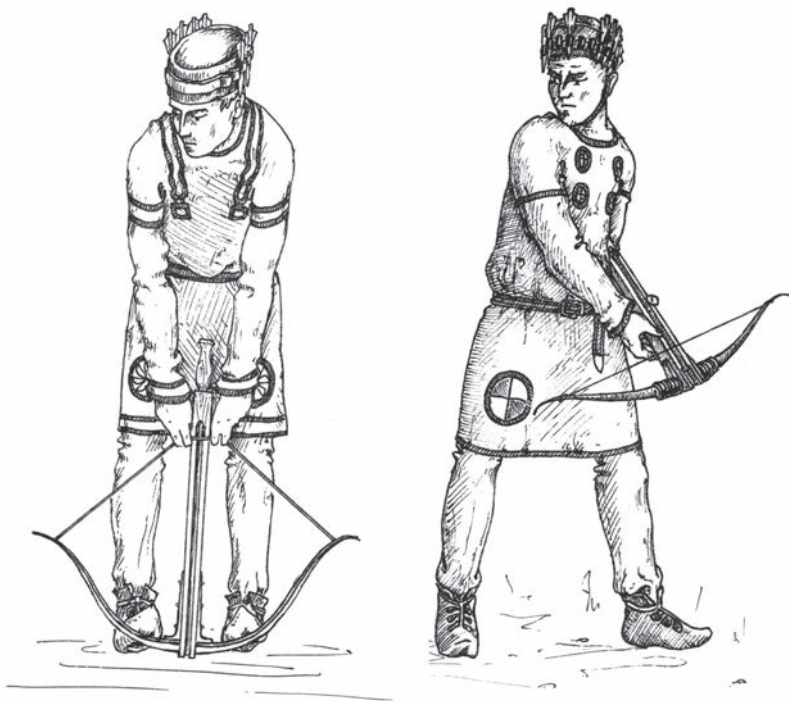

Рис. 8. Солдаты, вооруженные аркубаллистами. Рисунок И. В. Кирсанова.

середине свинцовый груз (см. рис. 7). Незначительный вес и размеры плюмбат позволяли солдатам носить их внутри щитов по пять штук (Veg., I, 17). Дальность полета плюмбаты была больше, чем у любого обычного дротика (Veg., I, 17). В соответствии с расчетами современных исследователей, плюмбата металась на расстояние от 30 до 60 м, а при использовании специального ремня — от 70 до 80 м. Применение подобного оружия не требовало большой физической силы или умения, как это было в случае с традиционными пилумами, однако благодаря меньшему весу плюмбаты увеличивалась дальность броска, а за счет свинцового груза возрастала ее убойная сила.

Луки в позднеримское время получили еще большее распространение, чем прежде. Вегеций уделяет большое внимание лучникам и считает, что искусству владеть этим видом оружия должна быть обучена четвертая или даже третья часть новобранцев, попадавших в армию. При этом уметь пользоваться луком должны как всадники, так и пехотинцы (Veg., I, 15).

Существенным отличием в вооружении позднеримской пехоты от пехоты ранней Империи стали небольшие метательные машины, которые мог обслуживать всего один человек (см. рис. 8). В IV столетии широкое распространение получают *аркубаллисты* (арбалеты) и *манубаллисты* (ручные баллисты).

Позднеримская фаланга могла перестраиваться и совершать на поле боя различные эволюции. Одним из наиболее распространенных типов боевых порядков, использовавшихся в IV столетии, был *фульк* (*fulcum*), который образовывали как в случае наступления, так и в случае отражения вражеской атаки. Сам термин и подробное описание построения приводится в «Стратегиконе» Маврикия. Он детально описывает этапы построения *фульком*, который необходимо было образовать при сближении с противником, если существовала вероятность того, что будет вестись обстрел из луков, особенно когда солдаты, занимавшие фронт боевого порядка, не имели полного комплекта тяжелого защитного вооружения (панцирей и наколенников). Когда до неприятельского боевого порядка оставалось расстояние в 2—3 по-

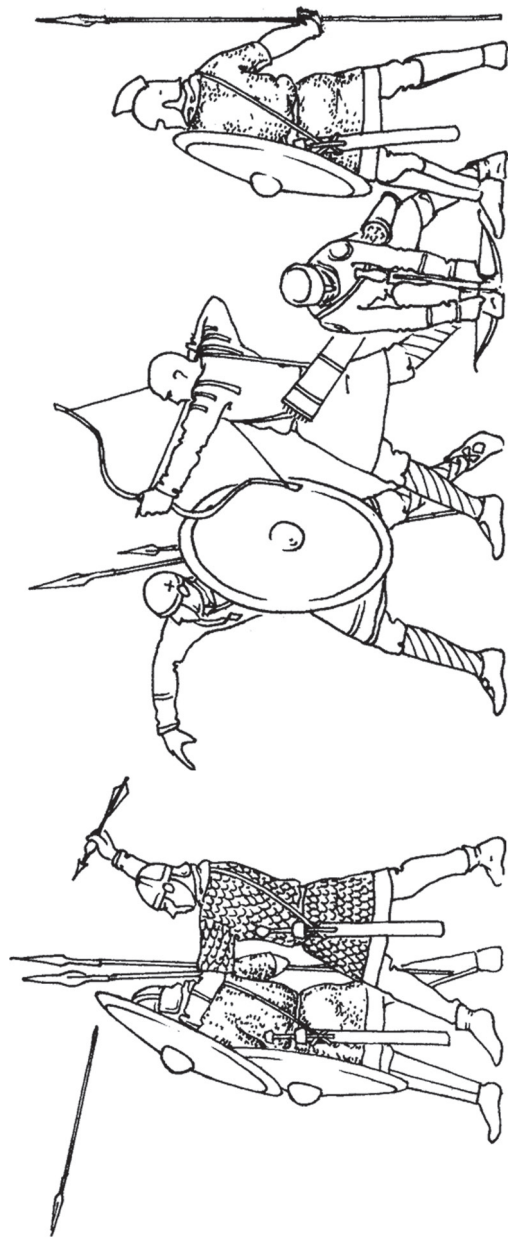

Рис. 9. Построение фульком. Рисунок И. В. Кирсанова.

лета стрелы, подавалась команда: «Сомкнись!» («*Lunge!*»). «И солдаты, — пишет Маврикий, — уплотняясь, смыкаются по глубине и протяженности к середине данного места, чтобы стоящие впереди, подавшись в одну сторону, сблизили края щитов один с другим, а задние подошли в затылок друг к другу. Такое построение может быть осуществлено и во время движения, и на месте. Урагам¹¹ следует приказать подталкивать сзади и выравнивать тех, кто стоит впереди, чтобы некоторые из них не отставали вследствие возможного страха» (Маур., XII В, 16, 20—29; пер. В. В. Кучмы). После этого подавалась команда: «К фульку!» («*Ad fulcum!*»). «Тогда те солдаты, которые расположены по фронту, смыкают вплотную щиты, совершенно закрывая свои тела¹² почти до колен. Те же, кто находится за ними, поднимая щиты и опираясь на умбоны щитов впереди стоящих, защищают их груди и лица, и, таким образом построенные, они вступают в бой» (Маур., XII В, 16, 30—38) (см. рис. 9).

Перед непосредственным контактом с неприятелем, на расстоянии примерно одного полета стрелы до его боевой линии, подавалась команда «Готовься!» («*Parate!*»). Затем следовала команда герольда: «Помоги!» («*Adiuva!*»), и все разом отвечали ему: «Боже!» («*Deus!*»), что служило сигналом вступления в бой. Лучники (*исилы*) обстреливали вражеское построение, пуская стрелы поверх голов стоящих впереди щитоносцев-скутатов, которые поражали врага имеющимся у них метательным оружием — марсобарбулами и дротиками. Солдаты, стоявшие во второй и третьей шеренге, должны были, держа над собой щиты, помогать сражающимся копьями, которые они, возможно, бросали во врага поверх голов своих товарищей (Маур., XII В, 16, 39—50).

Фульк предназначался не только для того, чтобы с минимальным уроном приблизиться к вражескому пехотному порядку, но и для отражения кавалерийской атаки. Когда конница противника подходила на расстояние, равное одному полету стрелы, Маврикий считает необходимым образовать следующее построение: «первый, второй и третий солдат в каждой колонне должны построиться фульком, а именно

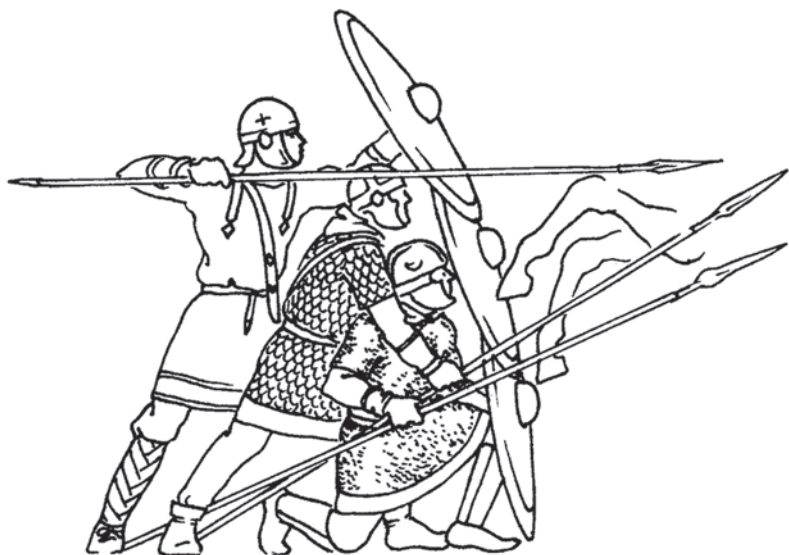

Рис. 10. Построение фульком при отражении кавалерийской атаки. Рисунок И. В. Кирсанова.

соединить щиты, наложив их друг на друга и выставив впереди щитов копья, крепко воткнуть их в землю тупым концом так, чтобы те из врагов, кто осмелится приблизиться к ним, неизбежно напоролись бы на острия. При этом солдаты должны переносить свой вес на щиты, чтобы без усилий сдерживать внешний натиск. Третий и четвертый пехотинцы в строю стоят прямо и используют свои копья, чтобы колоть подошедших близко врагов, или же как метательное оружие, бросив которое, они обнажают мечи» (Мауг., XII A, 7; пер. В. В. Кучмы) (см. рис. 10). Псилы, находясь в этот момент за skutатами, пускали во вражеских всадников стрелы.

Формы боевого порядка, которые могла образовывать пехота, достаточно традиционны для римской армии. Все они описаны Вегецием в третьей книге его труда (Veg., III, 20). Основными Вегеций считает построение в виде четырехугольника (каре), треугольника и круга (Veg., I, 26; ср. Gell., Noct. Att., X, 9).

Четырехугольник (*quadratum agmen*) был обычным стандартным построением пехотного подразделения, при котором солдаты становились в несколько рядов в затылок друг другу. Построение в виде треугольника или, скорее, трапеции было довольно распространенным в IV—V вв. Вегеций (Veg., I, 26) называет его клином (*cuneus*). «Клином, — пишет Вегеций, — называются отряды пехоты, соединенной с боевым строем, в котором первые ряды короткие, а дальнейшие становятся все шире; он прорывает строй врагов, потому что копья многих направлены в одно место. Этот строй воины называют „свиное рыло“» (Veg., III, 19; пер. С. П. Кондратьева).

Круг (*orbis, acies in rotundo*) представлял собой тактическое построение, использовавшееся в ситуации крайней опасности, как правило, во время окружения превосходящими силами противника. О способе образования круга у классических авторов сохранилось мало свидетельств. По мнению некоторых исследователей, круг образовывался простым разворотом на 180° фронтом задних рядов строя, что давало подразделению возможность выдержать атаку с двух противоположных сторон.

Построение кругом позволяло сражаться с численно превосходящим противником, ведя круговую оборону. Согласно Цезарю (Caes., BG, IV, 37), группа из 300 легионеров, построившись кругом, выдержала атаку 6000 галлов, сражаясь с большим напряжением более 4 часов, прежде чем пришла помощь. При этом легионеры понесли малые потери и значительно ослабили врага.

В дополнение к этим основным видам боевых порядков Вегеций называет также ножницы, пилу и клубок. Ножницы (*forfex*) — построение в форме буквы V, состоящее из двух отрядов отборных воинов (см. рис. 11). Подобное построение использовалось для борьбы с наступавшим неприятельским клином: ножницы охватывали клин с обеих сторон, после чего противник уже не мог прорвать боевую линию (Veg., III, 17).

Пилой (*serra*) Вегеций называет построение, образованное из одной шеренги отборных солдат, которые выстраиваются перед фронтом армии и совершают повторяющиеся ата-

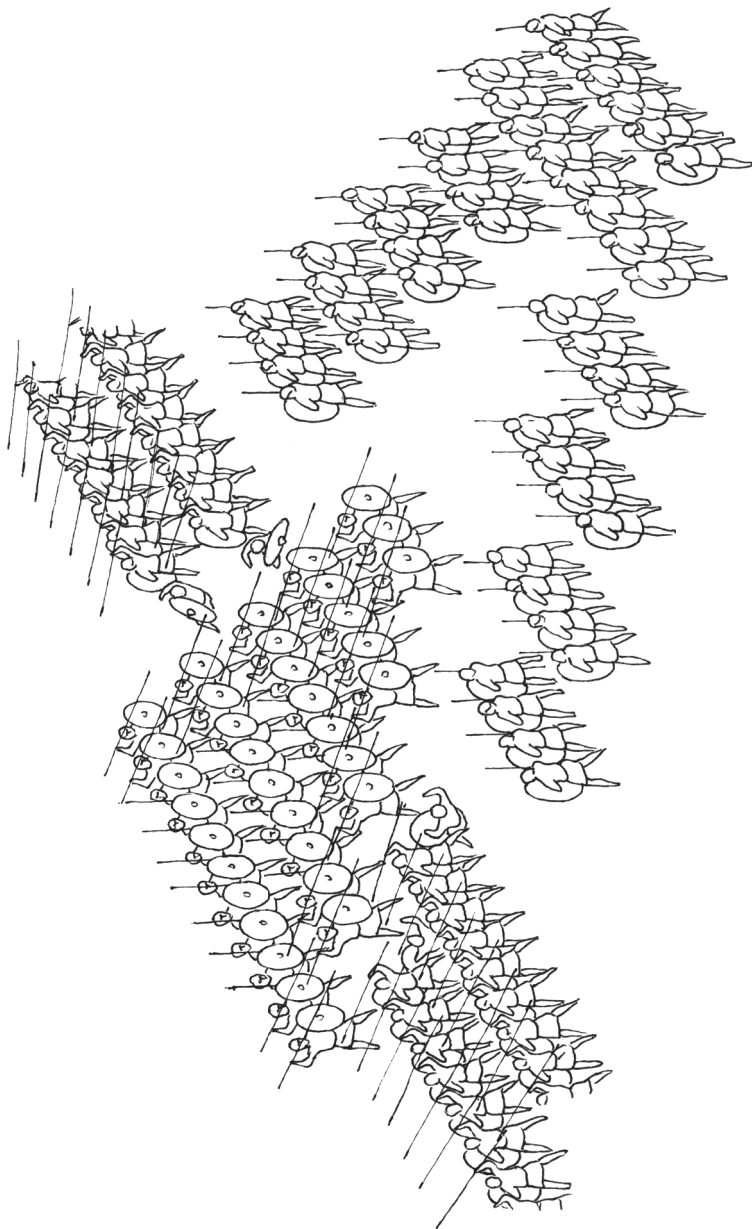

Рис. 11. Построение ножницами. Рисунок И. В. Кирсанова.

ки на противника, задерживая, таким образом, его движение и давая возможность своим восстановить порядок в рядах (Veg., III, 17; ср. Gell., Noct. Att., X, 9).

Для того чтобы образовать клин, ножницы или пилу, Вегеций советует позади основного строя оставлять резервные отряды из отборных пехотинцев и всадников, чтобы не задействовать солдат, уже стоящих на своих местах в строю (Veg., III, 17).

Наконец, клубок (*globus*), согласно Вегецию, был отборным отрядом, выделявшимся из главных сил, для того чтобы совершать неожиданные и повторяющиеся нападения на неприятеля (Veg., III, 19).

О стратегемах, к которым прибегали римские полководцы в период поздней Империи, мы можем сказать не очень много. Использовать на войне различного рода хитрости долго считалось занятием, недостойным римлянина. Однако начиная со Второй Пунической войны это сделалось неизбежным. Наконец стратегемы стали восприниматься как вполне нормальное явление, причем до такой степени, что Фронтин собрал все известные к тому времени случаи их использования в отдельную книгу. Римские сенаторы, служившие в армии, заучивали их наизусть, чтобы применять на практике, когда требуют обстоятельства. Исчезновение представителей этого сословия из рядов армии во второй половине III в. привело к тому, что многие подобные приемы достижения победы над противником оказались практически забыты. Впрочем, если мы и можем говорить об определенном разрыве с предшествующей военной традицией, то это не значит, что военное искусство в эпоху поздней Империи переживало упадок. Во главе армий, отдельных корпусов и подразделений стояли теперь люди с большим военным опытом. Многие из них были сыновьями солдат и офицеров и, следовательно, с детства получали военное образование. Особенно это касается офицеров высшего ранга, которые, собственно, и командовали армиями. Сами императоры поздней Империи были прежде всего военными вождями, и от их успешных действий на полях сражений зависел не только политический престиж государ-

ства, но и прочность их власти, а иногда даже и собственная жизнь. Многочисленные победы, одержанные римскими войсками во второй половине III—IV вв., наглядно свидетельствуют о том, что римское военное искусство не угасло, а, скорее, получило новый импульс для своего развития. Примеров неоспоримого преимущества римских армий над войсками их противников можно найти множество как в III, так в IV и даже в V столетиях. Вот лишь те из них, о которых сообщает Аммиан. В 357 г. в битве при Аргенторате 13-тысячная римская армия разбила 35 000 аламаннов. Потери римлян составили 243 солдата и три трибуна против 6000 у неприятеля (Amm., XVI, 12, 63). Либаний доводит потери аламаннов до 8000 убитыми (Lib., Or., XVI, 60). В 363 г. в битве у Наармальхи римляне потеряли 70 человек убитыми против 2500 у персов (Amm., XXIV, 6, 15). В 367 г. близ Каталаунов (Шалон-на-Марне) римляне столкнулись с превосходящим числом аламаннов. В результате произошедшей битвы римская армия потеряла 1200 человек убитыми и 200 ранеными. Потери аламаннов составили 6000 и 4000 соответственно (Amm., XXVII, 2, 7). В 378 г. в битве при Аргентарии римляне уничтожили сорокатысячную армию лентиензов, при этом последних осталось в живых не более 5000 (Amm., XXXI, 10, 10).

Вегетий выделяет всего 7 основных диспозиций, согласно которым полководец мог в зависимости от обстоятельств расположить свою армию. Примеры использования некоторых из них можно найти в трудах позднеантичных историков. Наиболее простое и наиболее распространенное построение, как раньше, так и в современную Вегетию эпоху имел боевой порядок, при котором армия выстраивалась в виде каре с вытянутым фронтом (Veg., III, 20). О нем неоднократно упоминает Аммиан Марцеллин. Так, в 367 г. магистр конницы Иовин вступил в сражение с аламаннами. Полностью разгромить противника не удалось, поскольку ночь положила конец битве. На следующий день Иовин вывел свою армию, построив ее в каре. Это был именно боевой, а не походный порядок, поскольку магистр намеревался снова вступить в сражение с противником (Amm., XXVII, 2, 8). Феодосий

Старший также выстроил свою армию в каре, когда предстояло столкновение с войсками Фирма (Amm., XXIX, 5, 39).

Достаточно распространенным в позднеримской военной практике было построение в виде полумесяца, при котором, не доходя 400—500 шагов до неприятеля, производилось неожиданное нападение на его строй двумя флангами одновременно (Veg., III, 20). Аммиан называет его *двурогая фигура* (*bicornis figura*). Таким образом построил свою армию Юлиан в битве при Бротомаге (356 г.). В результате атаки римлян германцы были разбиты на обоих флангах, и те, кто не был убит или взят в плен, вынуждены были спастись бегством (Amm., XVI, 2, 13). В Маранге, намереваясь дать бой персам, Юлиан расположил армию «полукругом с заходящими флангами» (Amm., XXV, 1, 16).

Не только *quadratum agmen*, но и некоторые другие формы боевого порядка, типичные для отдельного подразделения, могла использовать целая армия. Это касается построения кругом, к которому римляне прибегали еще в республиканскую эпоху (Caes., BG., V, 33; [Caes.], Bell. Alex., 40). В IV столетии подобное построение было хорошо известно и продолжало использоваться, примером чему может служить генеральное сражение римской армии под командованием Феодосия Старшего против повстанцев Фирма (373 г.), когда, чтобы противостоять численно превосходящим его силам противника, римский командующий выстроил свою армию «в виде круга» (Amm., XXIX, 5, 41).

Армия могла выстроиться в форме клина. Так, например, построились римляне в столкновении с сарматами-лимигантами (358 г.): «...Этой безумной дерзости войско стерпеть на могло, — пишет Аммиан, — и в гневе, образовав построение с сужающимся фронтом, которое в просторечии у солдат называется „свиная голова“, оно разнесло мощным натиском тех, кто угрожал императору» (Amm., XVII, 13, 9).

В позднеримскую эпоху по-прежнему широко распространенными оставались традиционные для римской тактики построения в виде двух или трех боевых линий (*acies duplex*, *acies triplex*).

ГЛАВА 3

ВРАГИ ВНЕШНИЕ И ВРАГИ ВНУТРЕННИЕ

Противники, с которыми приходилось сражаться римской армии в IV столетии, очень сильно отличались от тех, которые атаковали границы Империи в период принципата. На востоке шли тяжелые затяжные войны с персами. Дунайскую границу непрерывно атаковали квады и сарматы, а со второй половины IV в. — готы. На Рейне главными врагами были аламанны, франки, отчасти саксы, к которым только позднее (в конце IV в.) добавились вандалы, аланы и гунны. В Британии долгое время римлянам приходилось отражать набеги только северных варваров пиктов, скоттов и атакоттов. Однако в IV в. серьезную угрозу для юго-восточного побережья стали представлять саксонские пираты.

Персы

Военная организация персов, их дисциплина, постоянные упражнения в военном строю и способ вооружения, нередко устрашавшие нас, делают их грозными даже для очень больших армий.

Амм., XXIII, 6, 83; пер. С. П. Кулаковского, А. И. Сонни

Кто в самом деле отважился бы приблизиться к ним, зная, что может быть легко пронзен дротиком, брошенными сверху, и смят натиском слонов?

Ambr., Hexamer., VI, 5, 33

Вплоть до конца 70-х гг. IV в. персы оставались наиболее опасным врагом Империи. Сами римляне отмечали, насколько сильно отличался их новый противник от парфян, прежде властвовавших на Востоке. Геродиан объясняет эту перемену тем, что после окончания гражданской войны между Септием Севером и Песцением Нигером к персидскому царю перебежало множество воинов проигравшей партии: «Это и послужило главной причиной того, что варвары этой области впоследствии стали более упорными в рукопашных сражениях с римлянами. Ведь раньше они только стреляли из лука, сидя на конях, но не защищали себя тяжелым вооружением и не осмеливались в битве использовать мечи и копья; имея на себе легкие развевающиеся одежды, они обычно сражались, отступая и пуская назад стрелы. Когда же у варваров появились беглецы-воины, среди которых было много ремесленников, принявших варварский образ жизни, то они научились не только пользоваться оружием, но и изготавливать его» (Hrdn., III, 4, 8—9; пер. Н. М. Ботвинник).

Считается, что по крайней мере при первых Сасанидах у персов не было постоянной армии, но все способные носить оружие были военнообязанными. «Ведь варвары, — пишет Геродиан, — не дают жалования воинам, как римляне, и не имеют постоянных военных лагерей, где упражняются в воинских искусствах; у них собираются поголовно все мужчины, а иногда и женщины, когда прикажет царь. По окончании же войны каждый возвращается к себе домой, обогатившись тем, что досталось ему от награбленного» (Hrdn., VI, 5, 3; пер. Ю. К. Поплинского). Поэтому Геродиан говорит, что войско персов «представляет собой скорее неорганизованную толпу народа, чем армию» (Hrdn., VI, 7, 1).

Вместе с тем уже в раннесасанидский период у персов были отдельные регулярные подразделения, образовывавшие постоянный корпус — *спах*. Ранее *спах* существовал у парфян; он насчитывал, очевидно, 10 000 человек. Сасаниды сохранили у себя *спах*, доведя его численность до 12 000 человек. Основу этого регулярного формирования составляли панцирные всадники (клибанарии, или катафракты).

В сасанидской, так же как и в ахеменидской, армии существовал десятичный принцип формирования воинских подразделений. Поэтому их войско делилось на *вашит* — сотни, *драфш* — тысячи и *гунд* — тьмы, или отряды в 10 000 всадников. Во главе гунда стоял офицер в звании гунд-салар.

Перед началом военной кампании знатные воины (*вастухры* и *вазурги*) приводили под знамена царя собранные ими отряды. Кроме этого, *шархрдары* (правители *шахров* — царств, автономных территорий, входивших в состав государства Сасанидов) также были обязаны прибыть с подчиненными им войсками к назначенному времени в указанное место.

Несмотря на то что сасанидская армия формировалась на национальной основе, при необходимости персы прибегали к услугам наемников, которых рекрутировали индивидуально или по племенам. Из наемников формировали также некоторые гвардейские отряды. Однако количество наемных подразделений никогда не было особенно велико.

Кроме наемников Сасаниды постоянно подкрепляли свои армии контингентами племен и государств, находившихся от них в вассальной зависимости (хионитами, албанами, армянами, арабами, сегестанцами).

При первом царе из династии Сасанидов, Арташире I (226—241 гг.), персидская военная организация еще не сильно отличалась (если отличалась вообще) от парфянской. Однако при его ближайших преемниках, благодаря большому количеству сделанных технических и тактических инноваций, она приобретает новые черты, не свойственные парфянской модели.

Одним из тактических новшеств сасанидской эпохи стало изменение соотношения между конными стрелками и панцирными всадниками. Роль конных лучников заметно сокращается уже при втором персидском царе Шапуре I (241—272 гг.), а соотношение между лучниками и тяжеловооруженными всадниками изменяется в сторону значительного увеличения количества последних. Такая перемена превращала катафрактов в главенствующую силу на поле боя.

В отличие от парфян, Сасаниды стали активно использовать на полях сражений боевых слонов. Согласно свидетель-

ству автора жизнеописания Александра Севера, Арташир собрал армию, в составе которой было 700 огромных четвероногих (SHA, Alex., 56, 3—5). Впрочем, принимая во внимание фантастический характер жизнеописания, данную информацию многие исследователи считают недостоверной. Вместе с тем, несомненно, что слоны появились в сасанидской армии уже в III столетии. Наглядным подтверждением этого факта стал триумф Диоклетиана, когда по Риму были проведены захваченные персидские слоны, а сам император восседал на колеснице, запряженной этими животными.

Наконец, важным отличием персидской армии от парфянской было развитие пехоты. Масштабное фортификационное строительство на римском пограничье в период тетрархии предполагало, что отвоевание наследия предков потребует от Сасанидов проведения многочисленных осад, сопряженных с большими потерями и предполагавших участие множества рабочих рук для возведения насыпей, рытья подкопов, обслуживания метательных машин и т. д. Тяжеловооруженные всадники не могли подниматься на стены и сражаться на узких городских улицах. К тому же компенсировать потери среди них было значительно сложнее, чем среди пехотинцев-простолюдинов.

Главной силой сасанидской армии был *саваран*,¹ который комплектовался из представителей знати² и был по сути иррегулярным ополчением, подобным феодальному. Саваран образовывали тяжеловооруженные всадники, объединенные в отряды по 1000 человек.

Наиболее известным подразделением саварана были *Бес-смертные* — десяти тысячный корпус, во главе которого стоял офицер, имевший звание *вархтраг-нигхан хвадхай*. Бес-смертные появились уже при первых Сасанидах, став напоминанием об аналогичном корпусе, существовавшем при Ахеменидах, и одновременно символизируя неразрывную идеологическую связь между двумя династиями.³

Еще одним элитным подразделением саварана был отряд царской гвардии *Пуштигбан*, находившийся под командованием *пуштигбан-салара*. Численность этого отряда состав-

ляла 1000 человек. В мирное время он осуществлял охрану царского дворца в Ктесифоне. Наконец, те из воинов, которые особенно отличились в боях, зачислялись в подразделение *Гьян-авспар* (пожертвовавших жизнью), которое иначе называлось *Пешмерга*.

Представление о том, как были вооружены персидские всадники в раннесасанидский период, можно получить благодаря наскальным рельефам в Фирузабаде. Изображенные на них воины показаны сражающимися большими двуручными копьями; колчаны со стрелами на их правых боках указывают на наличие луков. Защитное снаряжение бойцов состоит из цельнокованых шлемов без масок и коротких, доходящих только до пояса панцирей, надетых поверх кольчуг. Кони покрыты доспехами (*бардами*), очевидно, кожаными, армированными накладными металлическими эмблемами (см. рис. 12).

При Шапуре II (309—379 гг.) в организации тяжелой персидской конницы происходят важные изменения. Готовясь к войне с римлянами, этот царь усовершенствовал вооружение персидских всадников. «Расследуя все и не оставив ничего не изученным, — пишет Либаний о Шапуре, — он придумал сделать конницу, можно сказать, неуязвимою. Именно он не ограничил доспехи, по старому обычаю, только шлемом, панцирем, поножами и теми медными бляхами, что прикрывали лоб и грудь коней, но устроил так, чтобы всадник был защищен прикрытием с головы до пят, а конь с головы до самых копыт, и чтобы открыто было место для одних глаз, дабы видеть происходящее, и ноздрей, дабы не задыхаться» (Lib., Or., LIX, 69; пер С. П. Шестакова).

Основным наступательным оружием такого полностью закованного в броню всадника по-прежнему было большое двуручное копье (*контос*).⁴ «Им надлежало ехать на коне, вместо узды подчиняя его голосу, — продолжает Либаний, — и, держа копье, которое требовало работы той и другой руки, нападать на неприятеля без оглядки, занятым одной мыслью о подвиге, а в личной безопасности доверяя охране своих доспехов» (Lib., Or., LIX, 70; пер С. П. Шестакова). Насколько мы можем судить на основании иконографических свиде-

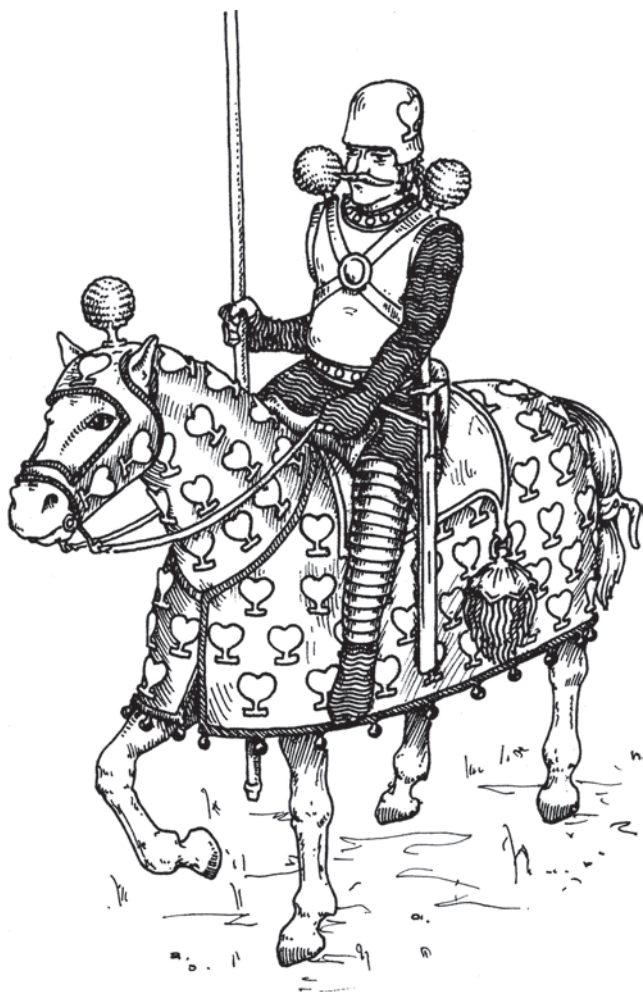

Рис. 12. Персидский тяжеловооруженный всадник. Реконструкция, выполненная на основе рельефов из Фирузабада. Рисунок И. В. Кирсанова.

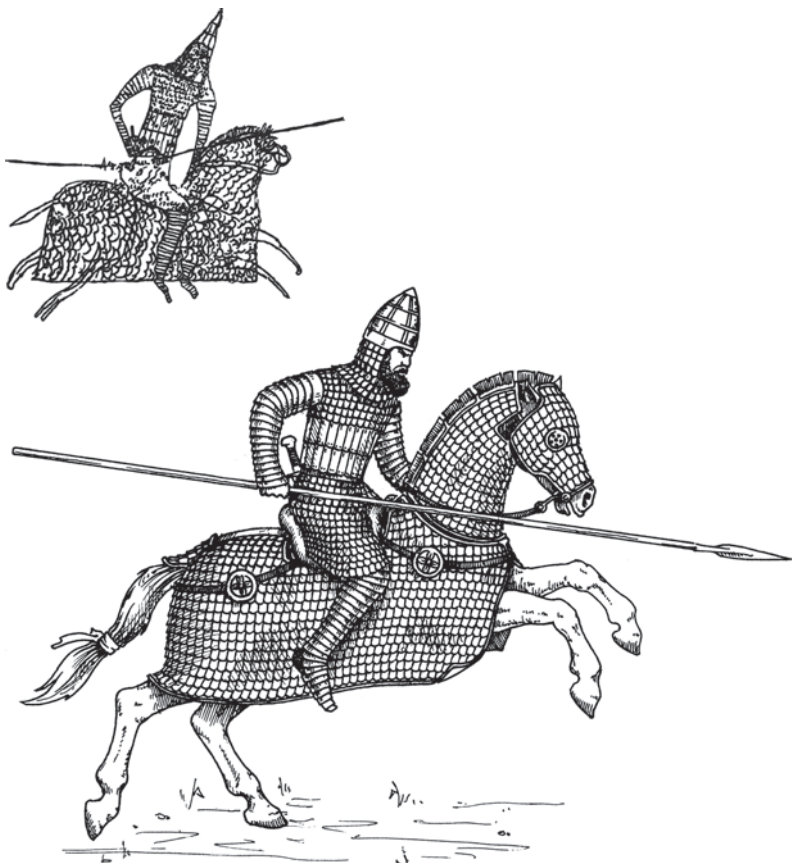

Рис. 13. Персидский (или парфянский) тяжеловооруженный всадник III в. Граффито из Дура-Европос и реконструкция, сделанная на его основе. Рисунок И. В. Кирсанова.

тельств, длина персидского контоса составляла 3—4 м. Седло с высокими луками и жестким каркасом позволяло воину даже при отсутствии стремян прочно держаться на лошади во время нанесения удара. Секира, палица и меч⁵ служили ему дополнительными средствами ведения ближнего боя.

Щитов у персидских копейщиков-клибанариев не было. Их отсутствие объясняется двумя причинами: во-первых, поскольку воинам приходилось держать копье обеими руками, то они не имели возможности эффективно пользоваться щитами, а во-вторых, их доспехи были настолько прочными, что делали практически бесполезным этот элемент защитного вооружения.

Невыясненным остается вопрос, были ли у таких всадников луки. Римские клибанарии, созданные по персидскому образцу, луков, как кажется, не имели. Название подразделения *клибанарии-лучники* (*sagittarii clibanarii*), фигурирующего в *Нотиии Дигнитарум* (ND, Ос., VI, 67), свидетельствует о нестандартном для этого рода войск вооружении.

Допустимо предположить, что при Шапуре II произошла специализация вооружения всадников саварана, следствием которой стало появление копейщиков, использовавших исключительно тактику ближнего боя, и стрелков, вооруженных только луками. Этот вывод согласуется с тем, как Аммиан Марцеллин описывает персидскую армию, построившуюся в боевой порядок: одни всадники приготовились сражаться копьями (контосами) (Amm., XXV, 1, 13), в то время как другие, вооруженные луками, находились рядом с ними (см. рис. 13).⁶

У каждого саварана был свой драфш — боевой штандарт, или эмблема, которую воины носили на своей одежде или умбонах щитов. Главный персидский штандарт назывался «Драфш-э-Кавиани», или «Кавиево знамя»,⁷ и представлял собой четырехугольный кусок кожи (подобный фартуку кузнеца), украшенный золотой четырёхлучевой звездой, драгоценными камнями и желтыми, красными и фиолетовыми лентами. Согласно преданию, его изготовил мифический герой-кузнец Кава, который прикрепил свой кожаный фартук к древку копья и под таким стягом поднял восстание иранцев

против чужеземного правителя. Украшения на знамени были сделаны по приказанию законного наследника трона — Фаридуна, он же дал новому символу название «Драфш-э-Кавиани», а благодаря звезде знамя стали также называть «Ахтари Кавиан», или «Кавиева звезда». Драфш-э-Кавиани несли перед армией пять великих зороастрийских жрецов. Размеры такого штандарта достигали 16×23 фута (4.8×6.9 м).

Драфши могли представлять собой изображения различных животных, реальных или мифологических (тигров, волков, газелей, вепрей). Некоторые штандарты имели форму буквы «Т», с горизонтальной перекладины которой свешивались ленты или помпоны.

Саваран образовывал не более 10 % от общей массы конницы. Основную ее часть составляли отряды легковооруженных лучников. Лук всегда был одним из важнейших видов оружия персидского всадника. Своей искусной стрельбой из лука персы славились не меньше парфян. Они использовали композитные луки, которые по своим характеристикам были близки к лукам гуннского и парфянского типов. Отличительной чертой сасанидских луков были их удлинненные рога, продолжавшие плечи. Эта специфическая деталь конструкции позволила объединить персидские, а также аналогичные им кушанские луки в кушано-сасанидский тип.⁸

Как и в парфянскую эпоху, легкая кавалерия комплектовалась из числа воинов незнатного происхождения (*азатов*),⁹ а также среди подчиненных персам народов: албанских аланов (на территории современного Азербайджана), геланов (на севере Персии), кушанов (в Средней Азии), саков (на территории Афганистана и восточного Ирана). Некоторые подразделения легковооруженных всадников комплектовались из представителей неиранских народностей (хионитов, эфталитов и других).

Выше уже было отмечено, что персы стали использовать на полях сражений слонов. Впрочем, в III столетии они едва ли делали это регулярно: ранняя персидская военная организация, повторявшая в основных чертах парфянскую модель, препятствовала тому, чтобы подобный род войск был

инкорпорирован в структуру сасанидских вооруженных сил на постоянной основе.

Первые надежные свидетельства о масштабном использовании персидскими царями гигантских зверей относятся к периоду правления Шапура II. Последний, вероятно, готовясь к решающей схватке с Римом, создал у себя постоянный корпус боевых слонов. Можно предположить, что, раздвинув восточные границы царства до пределов Индии, Сасаниды, как ранее Селевкиды, смогли получать оттуда большое количество уже обученных животных вместе с их корнаками.

В распоряжении Шапура II было 300 громадных четвероногих, при помощи которых его армия подавила мятеж в Сузах. В дальнейшем слоны стали постоянными участниками всех крупных войн, которые на протяжении своего долгого правления персидский царь вел против римлян.

На спинах слонов персы устанавливали обитые железными листами башни, в которых находились лучники и дроти-кометатели. Кроме того, животных могли облачать в специальные доспехи. В качестве обязательного элемента снаряжения персидских корнаков Аммиан Марцеллин называет ножи с длинной ручкой, привязанные к правой руке, которые они сильным ударом вонзали в шею животного, если оно приходило в ярость и начинало кидаться на своих (Амм., XXV, 1, 15). К подобному приему персы стали прибегать, памятуя о страшной катастрофе, постигшей их во время осады Нисибиса.¹⁰

Масштабные осады и штурмы римских фортификационных сооружений, которые проводила армия Шапура II, стоили ей тысяч и даже десятков тысяч жертв. Тот факт, что подобные операции были возможны, наглядно свидетельствует, что парфянская модель военной организации, существовавшая еще при первых Сасанидах, осталась в прошлом. Наиболее многочисленную часть сасанидских армий образовывали теперь *пайганы* — насильственно призванные под знамена крестьяне.

Конечно же, боевые качества и вооружение таких солдат оставляли желать лучшего. «Пехотинцы, — пишет Аммиан, — вооруженные наподобие мирмиллонов, несут службу обозных. Вся их масса следует за конницей, как бы обречен-

ная на вечное рабство, не будучи никогда вознаграждаема ни жалованьем, ни какими-либо подачками» (Атт., XXIII, 6, 83; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Однако большое количество пехотинцев в значительной степени компенсировало эти недостатки.

В IV столетии персидская пехота могла образовывать правильный боевой порядок, возможно, в виде фаланги.¹¹ Часть пехоты состояла из лучников, которые, располагаясь перед фронтом фаланги, первыми вступали в бой с противником. Их тактика ведения боя оставалась практически той же, что и во времена Ахеменидов: обстреливая вражеский строй, они использовали в качестве прикрытия большие плетеные щиты и действовали до тех пор, пока у них не заканчивались стрелы, после чего отходили за строй копейщиков, принимавших на себя удар неприятеля.

Высшее военное командование¹² персидской армии образовывали *эран-спахбад* — министр обороны, имевший право начинать и вести мирные переговоры, и *вузург-фрамандар* — главнокомандующий¹³ и одновременно премьер-министр, который управлял государством, оставаясь в Ктесифоне, когда царь отправлялся в поход. Савараном командовал *аспбад*, или *саваран сардар*. Высоким статусом обладал также *арзбад-э-аспварган* — главный экзерцирмейстер саварана.

Из других известных сасанидских званий можно отметить следующие: *спахбад* — полководец; *падгоспан* — помощник спахбада; *паданы* — командиры, находившиеся в подчинении у спахбада; *марзбан* — военачальник, осуществлявший военное командование в пограничных провинциях; в некоторых провинциях военачальники, имевшие функции, аналогичные функциям марзбана, носили другие звания; например, *канаранг* был марзбаном в провинции Абаршар (Средняя Азия); *фрамандар* — титул, который носили старшие офицеры. Отряды в 1000 человек находились под командованием офицера, имевшего звание *хазарапата*; хайварapat командовал объединением в 10 000 человек. Во главе отдельных отрядов *пайганов* стояли командиры в звании *пайган-салар*.

Появление у Сасанидов боевых слонов, усовершенствования, сделанные в области вооружения, и превращение пехоты в самостоятельный вид войск позволили персам не избегать прямого столкновения с противником, но вступать в правильное сражение с ним.

В IV столетии тактика Сасанидов стала гораздо сложнее тактики их предшественников парфян и требовала высокой дисциплины и слаженных действий войск. Обычный боевой порядок сасанидской армии состоял из 5 отдельных частей. Ее главной силой считались 2 корпуса, занимавшие центр построения. «Аин-Намэ»¹⁴ называет их «сердцем», или «двумя главными частями». Первый из этих корпусов образовывал саваран, второй — располагавшаяся за ним пехота. Еще два корпуса образовывали левый и правый крылья (фланги). Их чаще всего занимала кавалерия. Наконец, последняя пятая часть армии представляла собой резерв из нескольких отборных подразделений саварана (например, Гьян-авспар, Пешмерга). Такой боевой порядок представлял собой прямоугольник с сильно вытянутым сплошным фронтом.

«Сердце» предписывалось размещать на возвышенности, поскольку считалось, что фланги не могут быть разбиты до тех пор, пока не побежден центр; в случае же, если опрокинуты «две главные части», стойкость флангов окажется бесполезной.

Главный удар предпочитали наносить правым флангом или центром, которые должны были нападать на неприятеля, отступать к своим и вновь повторять атаку. Левый фланг считался оборонительным. Стоявшие здесь войска должны были отразить натиск главных сил противника.

Оборонительная тактика левого фланга объяснялась тем, что воины держали свои щиты в левой руке и при атаке им приходилось подставлять противнику незащищенный правый бок. Поэтому на левый фланг старались ставить левшей. Впрочем, подобная практика имела скорее теоретическое, нежели реальное значение, и в случае тактической необходимости проведение атаки могло быть осуществлено левым флангом.

«Аин-Намэ» предписывает не атаковать противника, если нет полной уверенности в превосходстве своих сил. Нападение могло производиться только в том случае, если армия имела над врагом не менее чем четырехкратный перевес. Если же неприятель сам шел в атаку, то сражаться с ним имело смысл только при полуторном превосходстве численности собственных сил. При меньшей численности допускалось вступать в бой лишь тогда, когда неприятель вторгнулся в пределы страны.

В зависимости от обстоятельств персы могли разнообразить свои тактические приемы, но, как свидетельствуют литературные источники, в большинстве случаев они предпочитали первый удар наносить панцирной кавалерией.

Задача тяжеловооруженных всадников состояла в том, чтобы прорвать первую линию боевого порядка противника. Однако если они встречали на своем пути упорное сопротивление, то останавливались и им было трудно развернуть своих коней, чтобы отступить и повторить натиск. Это давало возможность второй линии вражеской пехоты перейти в наступление. В таком случае катафракты становились совершенно беспомощными: их легко сбрасывали с коней и добивали лежащими на земле. Поэтому катафракты шли в атаку, сохраняя тесный строй, подобно фалангитам, посаженным на коней. После нанесения по противнику удара копьями панцирные всадники пускали в ход мечи и палицы. На этом этапе битвы их могла поддержать пехота или резервные отряды саварана.

Сарматы, аланы и квады

У этих племен больше сноровки для разбоя,
чем для открытой войны.

Amm., XVII, 12, 2; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни

Сарматы начинают совершать грабительские набеги на римские территории, лежавшие к югу от Дуная, уже в I в. до н. э. С тех пор и почти до конца V в. войны между сарматами (аланами) и римлянами прекращаются лишь на очень непро-

должительные периоды. В IV столетии сарматы часто нападали на римлян совместно с квадами, использовавшими вооружение и тактику ведения боя, аналогичные сарматским.

Под названиями «сарматы», а затем и «аланы» обычно понимают большую группу кочевых ираноязычных племен, занимавших в последние века до нашей и первые века нашей эры обширные части европейских степей. В I—II вв. их территория простиралась от Венгрии до запада Казахстана и включала юг Румынии, Украины и России с Северным Кавказом.

Страбон называет основные сарматские племенные союзы, существовавшие в I в. н. э.: языги, урги и царские сарматы занимали территории между Днестром и Днепром (Strab., VII, 3, 17); роксоланы кочевали между Днепром и Доном (Strab., II, 5, 7); аорсы — между Доном и Каспием (Strab., XI, 5, 8); сираки жили на северо-западе Кавказа (Strab., XI, 1, 6). Эти союзы могли делиться на отдельные племена, как, например, это было в случае с аорсами, в состав которых входила группа, называвшаяся верхними аорсами. Перечень, сделанный Страбоном, далеко не полон. Другие античные источники называют еще несколько малоизвестных сарматских племен.

Аланы впервые упоминаются античными авторами в середине I в. Со II в. они становятся доминирующим элементом в сарматском мире. Относительно происхождения аланов существуют различные гипотезы. Одни исследователи рассматривают их как одно из сарматских племенных объединений (в состав которого, возможно, вошли аорсы), вобравших в себя также центральноазиатские элементы, этнически отличные от сарматов, но очень близкие к ним. В действительности практически невозможно говорить об аланах отдельно от сарматов. Археологически в начальный период своей истории обе племенные группы представлены культурой, называемой «среднесарматской», появляющейся в I столетии до н. э. и распространяющейся вплоть до II в. н. э. Поэтому обычно принято говорить о «сармато-аланах». Некоторые исследователи рассматривают роксоланов, название которых переводится как «лучезарные аланы», в качестве авангарда аланов в собственном смысле слова.

Основные принципы военного дела у сарматов и аланов можно считать общекочевыми. Однако в их вооружении и тактике были определенные особенности, не встречавшиеся у других кочевников. Специалисты выделяют три этапа существования военной организации сарматов:

1) первый, или «скифский», период (VI—II вв.), который характеризуется поголовным участием в войне всего взрослого населения без различия пола; основным родом войска была легкая конница, состоявшая из стрелков;

2) второй период (I в. до н. э. — I в. н. э.), отмеченный появлением у сарматов панцирной кавалерии;

3) третий период (I—IV вв.), который характеризуется отсутствием в сарматском войске женщин и сокращением участия в военных действиях беднейших слоев населения; основной ударной силой на этом этапе становятся дружины вождей, состоящие из панцирных всадников, а рукопашный бой превращается в доминирующий вид тактики.

Так же как и у других степных народов, основным видом войска у сарматов была кавалерия, которая состояла из лучников и копейщиков. Первые образовывали легкую кавалерию, которая вела бой на расстоянии, стараясь избегать близкого контакта с противником, и предпринимала, когда это было возможно, неожиданные атаки.

Тяжеловооруженные копейщики в Европе были сармато-аланской инновацией. Хотя уже скифская знать носила тяжелые доспехи, однако только сарматы систематизировали эту практику и в качестве основного наступательного оружия стали использовать двуручное копьё — *контос*. Подобный тип всадников появился в IV—III вв. до н. э. в азиатских степях, возможно, у саков и массагетов. В Европе он получает распространение в I в. н. э. Уже в 35 г. н. э., во время сражения между парфянами и сарматами, последние не использовали луков, которыми, как замечает Тацит, они владели хуже своих противников, а устремились в атаку с длинными копьями и мечами (Тас., *Ann.*, VI, 35).

Немного позднее, по крайней мере у роксоланов, этот род войска был уже вполне обычным. Вероятно, именно благода-

ря роксоланам панцирная кавалерия появилась затем у других народов венгерской равнины. Неизвестно точно, когда это произошло, однако при описании событий Сарматской войны (174—175 гг.) Дион Кассий не упоминает о панцирных всадниках. Нет их изображений и на колонне Марка Аврелия. О них сообщает только Аммиан (Amm., XVII, 12, 2), а потому время их распространения в регионе не может быть установлено со всей определенностью.

В IV в. н. э. панцирная конница у степных сарматов и аланов если не полностью исчезает, то ее роль резко уменьшается. Вероятно, это было связано с появлением гуннов, использовавших более мощные луки, способные пробивать самые прочные доспехи.

Вопрос о значении и даже о существовании пехоты у сарматов остается до конца не решенным. Понятно, что если таковая и была, то она выполняла на поле боя второстепенные функции. К тому же она не могла принимать участие в большей части военных операций, которые предполагали стремительные рейды на вражескую территорию и столь же быстрые отступления.

О наличии пехоты в IV столетии у сарматов-лимигантов однозначно свидетельствует Аммиан Марцеллин (Amm., XVII, 13, 9). Возможно, в данном случае речь идет исключительно о той части сарматов, которая населяла венгерскую равнину и, испытав влияние соседних германцев, перешла к оседлому образу жизни. Тацит весьма пренебрежительно отзываясь о пехоте сарматов, утверждая, что «нет никого хуже и слабее их в пешем бою» (Tac., Hist., I, 79). Однако непонятно, имеет ли историк в виду пехоту в подлинном смысле слова, или говорит о спешившихся всадниках, поскольку всадники сарматов и аланов в случае необходимости могли сражаться и как пехотинцы, но это не дает возможности говорить о наличии у них настоящей пехоты.

Наиболее характерным элементом сармато-аланского защитного вооружения был панцирь. Данные археологии, литературные и иконографические источники дают возможность реконструировать доспехи, использовавшиеся сарма-

тами и аланами в различные исторические периоды. Тацит следующим образом описывает панцири роксоланских всадников, которые в 69 г. н. э. вторглись в римскую Мёзию: «Эти панцири, которые у них носят все вожди и знать, делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или из самой твердой кожи; они действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удастся повалить человека в таком панцире на землю, то подняться он сам уже не может» (Тас., Hist., I, 79; пер. Г. С. Кнабе, под ред. М. Е. Грабарь-Пасек). Вооруженных описанным образом всадников, представляющих, несомненно, роксоланов, римские скульпторы изобразили на колонне Траяна.

Другое подробное описание сарматского панциря делает Павсаний: «А панцири они готовят следующим образом. У каждого из них много лошадей, и так как они кочевники, то их земля не поделена на отдельные участки и ничего не родит, кроме дикорастущих деревьев. Этими лошадьми они пользуются не только для войны, но также приносят их в жертву местным богам и вообще питаются их мясом. Собрать их копыта, они их очищают и, разрезав на части, делают из них пластинки, похожие на чешую драконов. Если кто никогда не видел дракона, то, конечно, видел зеленую шишку сосны. Пробуравив их и связав жилами лошадей и быков, они пользуются этими панцирями, ничуть не менее красивыми, чем эллинские, и ничуть не менее прочными; они хорошо выдерживают удары мечами и копьями в рукопашном бою» (Paus., Att., XXI, 6; пер. С. П. Кондратьева).

Согласно Аммиану, в IV столетии сарматы использовали панцири «из нарезанных и выглаженных кусочков рога, нашитых наподобие перьев на льняные рубашки» (Amm., XVII, 12, 2). Чешуйчатые панцири, независимо от материала, из которого они изготавливались, очень хорошо известны благодаря сармато-аланским, боспорским и римским иконографическим свидетельствам. На наиболее достоверных изображениях такой доспех в длину достигает до половины бедра.

Роксоланские всадники на колонне Траяна (см. рис. 14) показаны облаченными в подобие чешуйчатого комбинезона,

Рис. 14. Роксоланские катафрактарии. Фрагмент рельефа колонны Траяна. Прорисовка И. В. Кирсанова.

Рис. 15. Сарматский *катафрактарий*. Рисунок И. В. Кирсанова.

полностью покрывающего их тела до самых щиколоток, что было до крайности невероятно. По всей видимости, римские скульпторы работали, имея под рукой лишь достаточно приблизительные описания. На трофее, расположенном на основании колонны, представлены более реалистичные панцири длиной только до уровня бедра, имеющие короткие рукава (см. рис. 15).

Античная иконография сохранила изображения сарматских панцирей другого типа. На фреске из склепа, обнаруженного А. Б. Ашиком в 1841 г. (Россия, Крым; I—II вв.), показан всадник в панцире из горизонтальных кожаных лент, напоминающем длиннополый кафтан (см. рис. 16). Панцирь подобного типа с отчетливо различной системой металли-

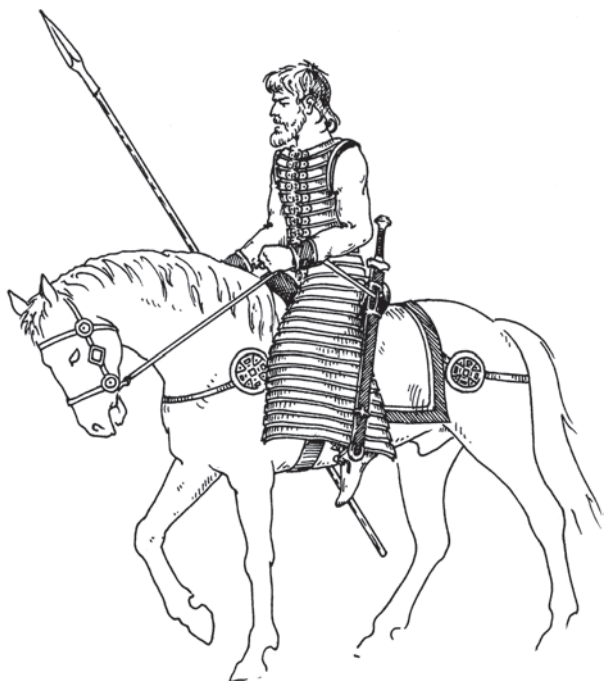

Рис. 16. Сарматский *катафрактарий* в кожаном ламинарном панцире. По реконструкции А. К. Нефёдкина (*Нефёдкин А. К. Военное дело сарматов и аланов* (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета; Нестор-История, 2011. С. 143). Рисунок И. В. Кирсанова.

ческих застёжек можно видеть также на основании колонны Траяна.

Под влиянием контактов с Западом в первые века нашей эры у сарматов появляются также кольчуги, которые очень быстро получают у них широкое распространение.

Аланы имели вооружение, аналогичное сарматскому. Агриппин в своей «Диспозиции» утверждает, что аланские всадники использовали панцири двух видов: катафракту и торакс (Agr., De asiē, 17). Первый, вероятно, представлял собой чешуйчатый доспех, подобный тому, который был описан Та-

цитом или изображен на роксоланах на рельефе колонны Траяна; второй термин мог обозначать кольчугу.¹⁵

Сарматские шлемы обычно имеют форму конуса или усеченного конуса и относятся к композитному типу. На боспорских фресках и рельефах основания колонны Траяна изображены композитные шлемы, состоящие из вертикальных сегментов. Эти шлемы снабжены нащечниками и назатыльниками.

Согласно Тациту, у сарматов не было принято пользоваться щитами (Tac., Hist., I, 79; ср. Germ., 46). Вместе с тем имеются археологические и литературные данные, опровергающие это утверждение. Для IV в. у нас есть свидетельство Аммиана Марцеллина (Amm., XVII, 12, 10), а в V столетии Сидоний Аполлинарий в своем панегирике императору Авиту пишет, что тот превосходит «савромата» в искусстве владения щитом (Sidon. Ap., Carmen., VII, 230—240). Сидоний, конечно же, использует одно из военно-этнических клише, но сам факт, что в качестве отличительного признака сарматского вооружения упоминается именно щит, должен иметь под собой историческую основу.

Фрагменты сарматских щитов были обнаружены только на территории Венгрии. Они принадлежат к двум историческим периодам: находки, относящиеся к 160—180 гг., происходят с северо-востока Венгрии и указывают на германское влияние; отличительным признаком щитов этого типа служат железные умбоны; вторая группа находок датируется второй половиной IV в.; к ней принадлежат обычные для данного периода щиты конической формы.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать заключение, что ни в первые века нашей эры, ни в IV столетии у сарматских тяжеловооруженных всадников не было щитов по причине ненадобности; пехотинцы, а также и легковооруженные всадники (по крайней мере, в позднюю эпоху) пользовались щитами, что было, по-видимому, следствием контактов с германцами, у которых щит всегда был главным средством защиты воина.

Что касается аланов, то в трактате «Диспозиция против аланов» Арриан сначала утверждает, что у них были щиты. Предполагается, что речь могла идти о небольшом щите, который крепился на левом предплечье всадника. Однако далее Арриан пишет, что «скифы» были лишены каких-либо средств защиты (Arr., *De asie*, 31). Поэтому логично будет допустить, что он имеет в виду два различных типа всадников.

Наиболее типичным наступательным оружием сарматов, их «визитной карточкой» в глазах римлян было двуручное копье. Хотя оно и служило главным оружием катафрактария, свидетельства источников показывают, что его могли использовать не только панцирные всадники. Так Дион Кассий, описывая столкновение римлян с язигами, утверждает, что последние были вооружены контосами, однако при этом он отмечает, что вооружение варваров было легче вооружения римских пехотинцев (Dio, LXXI, 7).

Относительно того, какова была реальная длина такого копья, существует несколько точек зрения. Исследователи, опирающиеся на античные иконографические источники, полагают, что оно могло достигать 4 или даже 4.5 м. По мнению некоторых современных авторов, управлять копьем подобной длины было невозможно. Они полагают, что реальная длина копья варьировалась в пределах от 2.5 м до 3.4 или 3.5 м. Однако подобные расчеты основаны на предполагаемом соотношении размеров наконечников, обнаруженных в захоронениях, к размеру древка оружия. Наконец, третья группа исследователей полагает, что длина сарматского копья не превышала 2.3—2.4 м при длине наконечника 27 см.

Вместе с тем даже самые значительные размеры копья могут представляться вполне допустимыми, если мы вспомним, например, что длина казачьего копья в русской армии (1838 г.) составляла 3.4 м, притом что всадник держал его одной рукой.

В момент атаки катафрактарий должен был, опустив поводья, держать копье обеими руками. Возникает вопрос, где

находилось копье, когда всадник использовал другие виды оружия, например меч или лук. Ввиду отсутствия документированных свидетельств о существовании особого футляра, закрепленного на седле, можно предположить, что копье носили за спиной на особом ремне или просто передавали оруженосцу.

Археологические данные показывают, что у сарматов были и более короткие копья. Их длина составляла от 1.8 до 2 м. Такие же копья использовали, очевидно, пехотинцы придунайских сарматов или легковооруженные всадники. У легковооруженных всадников могли быть и дротики.

Лук был очень важным оружием сарматского воина, однако не столь значимым, как для других кочевников. В сарматских могилах II—IV вв. наконечники стрел встречаются достаточно редко. Вместе с тем несомненно, что лук был основным оружием легковооруженных сарматских всадников. Его использовали также и катафрактии.¹⁶

Сармато-аланские луки были обычными для кочевников того времени — композитными, которые с натянутой тетивой имели изгиб, обратный тому, который был у лука без тетивы.¹⁷ Если судить по дошедшим изображениям, то ранние сарматские луки были небольших размеров и очень походили на скифские луки предшествующего периода. Начиная с I в. н. э. у сарматов появляется более крупный и мощный лук, плечи и рукоять которого были снабжены костяными креплениями. Его длина составляла 1.6 м, а дальность доходила до 260 м. Эта последняя модель быстро вытесняет предыдущую.

Сарматы использовали длинный и короткий типы мечей. Почти все сарматские мечи интересующего нас периода имеют обоюдоострые клинки. Мечи с однолезвийными клинками встречаются очень редко. Длинные мечи чаще всего имеют узкий заостренный клинок. Их длина могла доходить до 1.1—1.15 м. Самый длинный сарматский меч, относящийся к эпохе Великого переселения народов, имеет в длину 1.65 м.

Мечи носили на ремне, на левом боку. Короткие мечи, или кинжалы, наследники скифских акинаков, носили на

правом боку; мечи крепились к поясу и бедру с помощью ремней, пропущенных через четыре кольца на ножнах.

Часто считают, что длинный сарматский меч держали обеими руками. Эта гипотеза восходит к утверждению Тацита, описавшего вооружение роксоланских катафрактари-ев. Однако не все так очевидно. Во-первых, по мнению некоторых исследователей, Тацит имеет в виду копья, а не мечи, а во-вторых, двуручным мечом было бы очень неудобно действовать, находясь в седле, к тому же при отсутствии стремян.

Существует достаточно много литературных свидетельств, согласно которым сарматы и аланы использовали в военных целях арканы. В 72 г. н. э. армянский царь Тиридат отражал нападение аланов и едва не попал к ним в плен, когда один из аланов поймал его за шею арканом; однако царю удалось разорвать веревку мечом (Flav., *BI*, VII, 7, 4). Согласно Павсанию, сарматы ловят своих противников арканами, затем разворачивают коней и опрокидывают на землю любого, кого им удалось пленить (Paus., *Att.*, XXI, 5). Использование арканов в качестве оружия, несомненно, связано с ежедневной практикой отлова животных, стада которых сарматы и аланы отпускали пастись на воле.

У сарматских всадников не было шпор; заменой им служила небольшая плетка, возможно, аналог современной нагайки. Иногда высказывается предположение, что ее также могли использовать в качестве оружия, однако это представляется маловероятным.

Хотя сарматы не знали стремян (металлическое стремя распространяется в европейских степях только в VI в., благодаря аварам), есть предположение, что у них могло быть «протостремя», в виде кожаной петли, используя которую, всадник садился в седло. Впрочем, существование такого элемента конской упряжи не подтверждено ни археологическими, ни иконографическими свидетельствами.

Хорошо известно, что кони парфянских и персидских тяжеловооруженных всадников, а также всадников Центральной Азии и Северной Индии были защищены броней.

Однако, по мнению ряда современных исследователей, основывающихся на иконографических и археологических свидетельствах, конский доспех у сарматов не был широко распространен.

Следов конских доспехов не обнаружено в могильниках Крыма или Кубани. Тацит ничего не пишет о бардах на конях роксоланов. Аммиан Марцеллин дает понять, что сарматская кавалерия была достаточно подвижной и могла преодолевать значительные расстояния, что опять же не предполагало использование тяжелой конской брони. «Они проезжают огромные пространства, — передает Аммиан, — когда преследуют неприятеля или когда бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранять силы коней и, давая отдых, восстановить их силы» (Амм., XVII, 12, 2—3; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Что касается аланов, то Арриан определенно пишет, что их кони были «незащищенными» (Arr., *De asië*, 31).

Вместе с тем, в некоторых литературных источниках сохранились упоминания о конском защитном вооружении у сарматов. Так, Валерий Флакк (I в. н. э.) утверждает, что сарматские кони были покрыты такой же броней, как и сами всадники (Flacc, *Argon.*, VI, 231—234).

Хотя большинство иконографических источников показывают сарматов на незащищенных броней конях, однако на боспорской стеле Афения (первая половина I в.) вертикальная штриховка, нанесенная на груди коня, как кажется, указывает на наличие доспеха. Поскольку общепризнанным считается сильное влияние сарматов на военное дело Боспора на рубеже эр, то вполне естественным будет предположить наличие подобной брони также и у сарматов.

Наиболее известным изображением брони на сарматских конях служит рельеф колонны Траяна, изображающий столкновение с роксоланскими катафрактариями. Кони роксоланов показаны защищенными чешуйчатым панцирем, покры-

вающим их с головы до самых копыт. Несмотря на то что существование подобного барда кажется маловероятным, есть основания полагать, что кони сарматских катафрактариев были защищены чешуйчатым доспехом, подобным тому, который изображен на граффито из Дура-Европос.

Таким образом представляется вполне очевидным, что конские доспехи сарматам были известны. Их можно разделить на 2 типа: пластинчатый нагрудник (*нейтрал*) и чешуйчатая попона, полностью закрывающая тело коня. Вместе с тем широкого распространения конские доспехи у сарматов и аланов не находили. Возможно, это объясняется тем, что количество панцирных всадников, кони которых были защищены броней, у них было не так велико по сравнению с легковооруженными конными лучниками.

У сарматов были разнообразные боевые значки, наиболее известный из которых — штандарт в виде головы дракона (или волка); есть упоминания о значках в виде других животных, например в виде фигуры лани с золотыми рогами, закрепленной на длинном древке.

Совместные действия конных лучников, копейщиков (контариев) и панцирных всадников значительно расширяли тактические возможности сарматов, приемы которых варьировались в зависимости от вооружения и тактики противника, с которым им приходилось сталкиваться.

Обычно сарматы старались избегать непосредственного столкновения с неприятелем. Когда же сражение оказывалось неминуемым, сарматы использовали тактику, распространенную среди кочевых народов, и обстреливали врага из луков. При этом они не образовывали единого боевого порядка, а собирались по племенным отрядам.

Атака с копьями наперевес осуществлялась для нанесения удара по какому-либо отдельно стоящему вражескому отряду или в том случае, когда сарматские лучники проигрывали противнику, как это было, например, в уже упоминавшемся сражении с парфянами.

Иногда считается, что при атаке сарматские тяжеловооруженные всадники строились клиньями. Впрочем, если мы

учтем, что катафрактариями были лишь знатные воины, а основная масса сарматской кавалерии состояла из легковооруженных лучников и/или контариев, то логично будет предположить, что в каждой племенной группе катафрактарии не образовывали самостоятельные формирования, а действовали совместно со своими сородичами. Поэтому если в племенном отряде было немного всадников, вооруженных копьями, то они образовывали шеренгу и таким образом наступали на неприятеля. Это стремление перейти в рукопашную было особенностью сармато-аланской тактики, отличавшей ее от тактики других кочевых народов, предпочитавших находиться от врага на расстоянии полета стрелы.

Нападение на врага производилась не единым строем, а опять же самостоятельно действовавшими племенными отрядами. Во время боя сарматские всадники стремились обойти врагов с флангов, атакуя одновременно по фронту. Если противник поддавался и нарушал свои боевые порядки, то сарматы старались вклиниться в образовавшиеся разрывы и уничтожать неприятельскую армию по частям.

Для сарматов, как для аланов и других кочевых народов, не было ничего постыдного в том, чтобы отступить, если неприятель оказывал упорное сопротивление. При этом бегство могло иметь притворный характер. Традиционный прием, использовавшийся на протяжении столетий кочевниками, предполагал неожиданный разворот и стремительную атаку на расстроившего свой боевой порядок неприятеля, который, будучи уверен в окончательной победе, слишком увлекся преследованием. Сарматы могли производить неоднократные атаки и отступления и продолжать такой бой достаточно длительное время.

При отступлении сарматские и аланские всадники образовывали небольшие группы или спасались в одиночку. Это делалось для того, чтобы сократить возможные потери. Даже тогда, когда бегство было непритворным, кочевники оставались опасными: они могли стрелять из луков, обернувшись назад, или использовать арканы.

Аламанны, франки, саксы и готы

Кто может сомневаться, что военное искусство является выше всего...? Одно только это искусство и ныне считают нужным беречь варвары; они уверены, что в нем заключается и все остальное и что через него они могут достигнуть всего.

Veg., III, 10; пер. С. П. Кондратьева.

Существенные сдвиги, произошедшие в германском мире в III столетии, привели к тому, что на границах Империи появились новые племенные группы, приход которых вызывал значительные изменения в области военного дела германцев. Начиная с этого периода некоторые из германских племен уже заметно отличаются друг от друга вооружением и тактическими приемами.

Первые сведения об аламанных относятся к 213 г. Этим эпонимом была названа группа племен, обитавшая в верховьях Эльбы и Саалы. Этимологически термин «аламанн» (*alamannus*) образован от двух слов: прилагательного «все» и существительного «люди». Современные исследователи не пришли к окончательному мнению, какие группы племен вошли в новую конфедерацию. Некоторые полагают, что она была образована семнонами. В любом случае речь идет о тех германцах, проживавших на Верхнем Дунае, которые были вынуждены занимать новые территории, отступая под давлением других племен. В 213 г. аламанны впервые атаковали рейнскую границу. Каракалла (211—217 гг.) нанес им ряд поражений, за что получил прозвище «Аламаннского» (*Alamannicus*).

Что касается франкского союза, то он образовался под влиянием аналогичных условий на нижнем и среднем течении Рейна несколько десятилетий спустя. Первое упоминание о франках относится к 257 г. Согласно утверждению автора жизнеописания Аврелиана, последний, будучи трибуном *Шестого Галльского* легиона, нанес им под Могонциаком сильное поражение (SHA, Aurel., 7, 1—2). В новую

племенную конфедерацию сначала вошли хамавы, хатты, сикамбры и бруктеры. Позднее к ним присоединились узипеты и тенктеры. Наименование «франк» (*francus*), очевидно, обозначало первоначально «свободный человек».

Осев на правом берегу Рейна, франки стали делать набеги на Галлию, а при необходимости могли превращаться в пиратов и совершать разбойничьи рейды на побережье современной Бретани.

В отличие от франков и аламаннов, готы были пришельцами, ранее совершенно неизвестными римлянам. Вероятно, они пришли с юга Прибалтики, где занимали область между Одером и Вислой. Когда готы появились на римских границах, их посчитали сначала за скифов или гетов. Однако уже в это время было известно, что они делятся на несколько племен (тервингов, гревтунгов и др.). В конце II—начале III в. готы занимали территории на востоке Румынии и западе Украины. Возможно, готы, атаковавшие придунайские провинции в 214/215 г., были первыми готами, появившимися на римских рубежах.

Новые германские союзы создали новые формы политической и военной организации, превращавшие их в гораздо более серьезных соперников Империи, чем те племена, которые попадали под их власть и с которыми ранее имели дело римляне. Последние, как кажется, не придали особого значения изменению ситуации вблизи их границ и весьма поздно поняли масштабы опасности, угрожавшей им.

Воинами у германцев считались все свободные члены племени начиная с 15-летнего возраста и вплоть до того момента, когда по причине старческой немощи они уже не могли держать оружие. К участию в военных действиях не допускались лишь рабы и, возможно, вольноотпущенники. Постоянных армий у германских племен не было, и король с согласия всех свободных общинников собирал войско только в случае непосредственной военной угрозы или предстоящего военного похода. Каждый германский воин должен был

вооружаться своими собственными силами и сам изготавливал свое оружие.

О вооружении германцев во второй половине III—начале V в. мы можем судить благодаря многочисленным археологическим находкам, а также свидетельствам наших литературных источников. В III столетии у германцев получили широкое распространение различные виды оружия дальнего боя, в частности лук. Германцы использовали большой лук высотой от 1.70 м до 2 м, дальноточность которого доходила до 150 м. Длина стрел составляла 70—80 см; тип наконечников был различным. Были наконечники, имевшие в сечении овальную, ромбообразную или четырехугольную форму. В качестве метательного оружия германцы применяли разнообразные дротики, а также метательные топоры.

Из оружия ближнего боя они использовали секиру, булаву, рогатину. Однако главными видами были копье и меч. Различают три вида германских копий: короткое — длиной 1.8—2 м, среднее — длиной 2.5—3 м, и длинное, или контос, — длиной 4—4.5 м. Германские мечи также имели различную форму. Наиболее распространенным типом была спата — длинный обоюдоострый меч. В течение II в. германцы использовали заимствованный у римлян гладиус, однако затем отказались от него. Начиная с III в., у германцев появляется скрамасакс. Григорий Турский называет скрамасаксы массивными ножами (Greg., IV, 51). Скрамасакс мог достигать 85 см в длину, от 4 до 6.5 см в ширину, и в толщину возле рукояти от 1 до 1.2 см. У скрамасаксов только одна сторона клинка была режущей, однако конец меча был обоюдоострым. Саксы представляли собой аналогичное оружие, но меньшего размера; длина сакса была около 20 см; саксы использовались как на войне, так и в повседневной жизни.

Вооружение аламаннов было достаточно традиционным для германцев этого времени. Из наступательного вооружения они использовали топор, копья, различные виды дротиков, луки и скрамасаксы. Главным их оружием был длинный меч — спата. Как и у других германцев, у аламаннов ощу-

щался недостаток в защитном вооружении. Шлемы и панцири были, по-видимому, только у представителей аламанный знати.

Основную силу аламанный войска составляла пехота, которая умела сражаться правильным боевым порядком (фалангой или клином). Поскольку аламанный конница была немногочисленной, то в сражениях аламанный могли использовать старый германский прием и размещать среди всадников легковооруженных пехотинцев. Во время кавалерийского сражения такие пехотинцы поражали коней противников (Amm., XVI, 12, 22).¹⁸ В отличие от многих других германских племен, аламанный умели осаждать города и достигли в этом большого успеха.

У нас нет никаких оснований говорить о каком-то типичном франкском защитном вооружении, которое, как и у всех остальных германцев, состояло из щита, шлема и панциря. Впрочем, последний был не особенно распространен и, вероятно, имелся преимущественно у представителей знати. Как и другие германцы, франки, вероятно, использовали римское защитное вооружение, в том числе кольчуги и панцири. Об использовании панцирей вождями франков в более позднюю эпоху упоминает Григорий Турский. Так, в битве против вестготов Хлодвиг остался жив, благодаря тому что на нем был панцирь (Greg., II, 37), а король Гундовальд (ум. в 585 г.) при осаде Комменжа (585 г.) носил выпуклый панцирь, от которого отскочило вражеское копье (Greg., VII, 38). Франкских панцирей обнаружено немного. Они датируются по большей части концом VI в. Все они найдены в захоронениях знатных воинов. Эти панцири представляют собой пластинчатый тип доспеха, указывающий на восточное (вероятно, аварское) влияние.

Археологические находки франкских шлемов немногочисленны. На сегодняшний день известно всего несколько экземпляров, относящихся к эпохе Великого переселения народов. Одни из них представляют собой простой металлический колпак. По всей видимости, они были изготовле-

ны в самой Галлии. Другие образуют металлический каркас, покрытый позолоченной кожей с орнаментом, или же кожаный колпак, покрытый металлическими пластинами. Шлемы имеют нащечники и тыльную часть из кольчужных колец. Предполагается, что такие шлемы, носящие отпечаток восточного влияния, изготавливались в Северной Италии и попали в Галлию через остготов. Франкские шлемы практически идентичны тем, которые использовались римлянами в эпоху Поздней Империи, и были, по всей видимости, заимствованы франками у последних.

Останки франкских щитов настолько редки, что некоторые исследователи полагают, будто бы они принадлежали лишь небольшому числу знатных воинов. Впрочем, нарративные источники говорят об обратном: Сидоний Апполлинарий описывает, с каким искусством франки владеют щитом, а Агафий Миринейский утверждает, что в боевом строю франки закрывались щитами (Sidon. Ap., Ep., IV, 20; Agath., II, 8).

Наступательное оружие франков отличалось большей оригинальностью: они использовали особый метательный топор — франциску (*francisca*) и метательное копье — ангон (*ango*), а также различные типы мечей, такие как спата или более короткий *скрамасакс*.

Наши источники не дают разъяснений относительно того, как выглядела франциска, и называют иногда это оружие *securis* (топор, секира), *securis missilis* (метательный топор) или же *bipennis* (обоюдоострая секира) (Greg., II, 27). Описание *франциски* приводит Прокопий Кесарийский: «...Ее железо было крепким, и лезвие с обеих сторон острое до крайности, деревянная же ручка очень короткая» (Procop., BG, II, 25). Тем не менее археологическими свидетельствами использование франками обоюдоострой секиры не подтверждено. Поэтому было выдвинуто предположение, что франциской наши источники называют боевой топор, лезвия которого шли параллельно друг другу по одну сторону от топорщища. Те метательные топоры, которые были обнаружены в архео-

логических слоях, относящихся к IV—V вв., и которые и были, судя по всему, францисками, имеют длину 18 см при общей массе около 1,2 кг; длина рукояти такого топора могла составлять 40 см. У каждого франкского воина было по одной франциске. Как сообщает Прокопий Кесарийский, при первом же натиске по определенному сигналу франки все разом «бросают во врагов эти секиры, разбивают их щиты и убивают их самих» (Просор., BG, II, 25). Испытания показали, что, метнув свой топор, вращавшийся в полете, воин мог поразить противника при одном повороте франциски на расстоянии 4 м, при двух — на расстоянии 8 м и при трех — на расстоянии 12 м.

Ангон представлял собой особый вид копья, состоявший из двух частей: длинной, иногда более метра, железной части, завершавшейся пирамидальным наконечником, и древка, длина которого была значительно меньше железной части. Особенностью ангона являлись шипы или зубцы, располагавшиеся со всех сторон на верхней стороне копья и загибавшиеся книзу, подобно рыболовным крючкам. Об использовании ангона в бою передает Агафий Миринейский: «Когда франк во время схватки бросает ангон и тот попадает в противника, то из-за этих кривых зубцов вытащить его не под силу ни раненому, ни другому человеку, и он причиняет жестокие мучения. Человек, даже не сильно раненный ангоном, все равно умирает от полученной раны. Если же ангон попадает в щит, то застревает в нем и повсюду за ним волочится. Пораженный им человек не может из-за вонзившихся зубцов ни вытащить пику, ни мечом отрубить ее, поскольку почти все древко покрыто железом. Как только франк увидел беспомощность своего противника, то он быстро наступает ногой на нижний конец ангона, хватает его и вырывает щит, обнажая голову и грудь противника. Таким образом, франк лишает противника защиты и легко убивает его ударом топора по голове или вонзая другую пику ему в шею».

Длинный меч (спата) был заимствован франками у римлян. Форма и размеры франкских спат настолько близки

к римским, что возникает проблема датировки для изолированных находок или находок, сделанных в реках. В эпоху Великого переселения народов и в начале меровингских времен преобладание меча и боевого топора отвечало тактике индивидуального боя, когда сражение распадалось на серию параллельных поединков; позднее, когда сражения стали вести объединенными отрядами, то стали использовать преимущественно сакс.

Согласно Прокопию, в VI столетии франки не пользовались луками (Просор., BG, II, 25). Однако археологические находки, а также свидетельство Григория Турского позволяют утверждать, что в IV столетии франки использовали луки, причем они могли смазывать наконечники стрел ядовитым соком трав (Greg., II, 9).

Тактические приемы франков мало отличались от тех, что были известны германцам в предыдущий период. Основным родом войск у франков оставалась пехота. По утверждению Прокопия, из 70-тысячного войска франков, которое вторглось в Италию, конными были лишь королевские телохранители. Вооружены они были только одними копьями (Просор., BG, II, 25). Поэтому франки продолжали прибегать к традиционному для германцев смешанному боевому порядку, когда легкая пехота действовала совместно с кавалерией.

Пехота франков обычно выстраивалась клином. Наиболее наглядное представление о том, что являло собой в бою франкское войско, дает нам описание, сделанное Агафием: «Форма их боевого порядка была подобна клину и походила на дельту. Передняя его часть, которая заканчивалась острием, была плотна и закрыта со всех сторон щитами. Можно сказать, что они своим построением напоминали голову свиньи. Фаланги же с каждой стороны, построенные в глубину по сотням и по лохам и как можно больше протянутые вкось, постепенно отдалялись друг от друга и заканчивались, охватывая большое пространство, так что промежуток между ними оставался пустым и видны были ряды голых спин воинов. Они стояли, отвернувшись друг от друга, чтобы проти-

востоять неприятелю, но сражались в безопасности, прикрытые щитами. А тыл защищали стоящие в противоположном ряду» (Agath., II.8).

В течение IV в. франки добились больших успехов в полиоркетике. Именно они захватили после упорной осады столицу Германии II Колонию Агриппину. Данный факт заставляет предположить, что франки уже в это время умели строить осадные машины. Возможно, они были подобны тем сооружениям, которые франки использовали при осаде Комменжа (585 г.). Согласно Григорию Турскому, «...это были телеги с таранами, покрытыми фашинами и досками, под защитой которых продвигалось войско для разрушения стен» (Greg., VII, 37).

Римская Британия граничила на севере с территориями, населенными племенами меатов и каледонцев. Описание их вооружения и приемов ведения боя, использовавшихся в конце II—начале III в., дает Геродиан. «Они не знают платья, пах и шею прикрывают железом, считая его украшением и признаком богатства, как прочие варвары — золото. Тела они татуируют разноцветными рисунками и изображениями различных зверей. Они и не одеваются для того, чтобы не закрывать рисунки на теле. Они весьма воинственны и кровожадны; оружие у них — только узкий щит, копье и меч, который висит на голом теле. Панциря и шлема они не знают и считают помехой при переходах через болота...» (Hrdn., III, 14, 7—8; пер. Н. М. Ботвинник). Северный противник становится намного более серьезным после того, как во второй половине III в. возникает племенной союз пиктов, которые совершают нападение на римские владения уже в 297 г.

В то же самое время с юго-востока Британию начинают все чаще беспокоить саксонские пираты. В IV столетии угроза саксонских вторжений становится еще более ощутимой. Археологические находки позволяют нам довольно наглядно представить себе, какой тип судов использовали саксы во второй половине этого столетия. В 1863 г. в Нейдеме в Дании были обнаружены три почти полностью сохранившиеся сак-

сонские барки, датированные 350—400 гг. Это были суда, сделанные из дуба, длиной 23 м и шириной 3 м; высота бортов составляла 1 м; мачты не было; на каждой стороне находилось по 15 весел.

К концу V в. возникает англосаксонский союз, включавший в себя саксов, англов и ютов. Именно англосаксы в конечном итоге и утвердятся на острове. Основу их войска составляла королевская дружина, которую образовывали дружинники *гезиты* (*gesith, comites*) и *тэны* (*thegn, pueri*). В случае необходимости пополнялась за счет ополчения — *фирда* (*fyrd*), состоявшего из всех свободных общинников *кэрлов* (*ceorl*), способных носить оружие.

Англосаксы использовали традиционные для германцев виды вооружения. Наибольшее распространение у них получили копья и различные виды дротиков, большой нож — сакс (*sax*). Меч использовался гораздо реже. Из защитного вооружения рядовые воины имели лишь щиты. Кольчуга и шлем были только у вождей и членов их свиты. Практически единственным видом войск у англосаксов была пехота. Кавалерией они обзавелись только в V в., когда им пришлось столкнуться с бриттами.

Вооружение готов известно достаточно хорошо, благодаря многочисленным археологическим находкам и некоторым литературным свидетельствам. Готы использовали полный комплект защитного вооружения. У них были шлемы композитного типа, кольчуги (вероятно, заимствованы у кельтов) и щиты. Впрочем, по всей видимости, основная масса рядовых воинов кольчуг и шлемов не имела. Аммиан говорит о готах, что они были «легкие и подвижные» (Amm., XXXI, 7, 12), что, несомненно, должно указывать на отсутствие защитного вооружения. Об этом свидетельствует также и тот факт, что готы старались при удобном случае завладеть римским вооружением и облачиться в римские доспехи.

Наступательное оружие ближнего боя у готов состояло из обычного копья, а затем и большого двуручного копья, ставшего характерным признаком как пеших, так и конных

готских воинов, секиры, кинжала и длинного меча типа спа-ты. Широко использовалось различное метательное оружие: разнообразные дротики, луки и даже особые палицы из обожженного дерева.

Все готское племенное войско делилось на подразделения, называвшиеся ханса (*hansa*). Состав и структура таких отрядов остаются неизвестными. В V—VII вв. вестготская военная организация имела десятичную структуру. Наименьшей войсковой единицей была декания (*decania*) — отделение в 10 человек с деканом во главе. Десять деканий образовывали сотню (*centena*), во главе которой стоял центенарий. Во главе отряда в 500 воинов стоял квингентенарий (пятисотник). Самым крупным подразделением была тысяча, находившаяся под командованием милленария (тысячника).

У тервингов (вестготов) вплоть до битвы при Адрианопле племенные войска состояли преимущественно из одной пехоты. В то время, когда тервинги занимали еще свои земли на берегу Дуная, всадниками у них служили наемники-тайфалы. После переселения тервингов во Фракию эта конница прекратила свое существование, поэтому Фритигерн, предводитель тервингов, чтобы обзавестись всадниками, заключил союз с гревтунгами (остготами). Собственная кавалерия появляется у вестготов только в течение V в.

В IV столетии тактические приемы тервингов во многом были сходны с римскими. На поле боя тервингская пехота строилась фалангой перед кольцом телег и повозок, которые окружали их лагерь. Тервинги предпочитали сражаться врукопашную. Они представляли достаточно хорошо организованную и дисциплинированную массу, что позволяло им наступать и отходить назад, сохраняя боевой порядок. В начале сражения тервинги подбадривали себя боевыми песнями, в которых они прославляли подвиги своих предков. Далее, прежде чем вступить в рукопашную схватку, они пускали в ход разнообразные виды метательного оружия, стараясь нанести как можно большие потери противнику. Уже на этом этапе боя наиболее смелые готские воины и даже целые от-

ряды пытались приблизиться к вражескому строю и вступить в бой. У готов, высоко чтивших личную храбрость, первые ряды боевого порядка всегда занимали наиболее знатные бойцы со своими приближенными. Своим примером они должны были поддерживать и увлекать за собой остальных. Кроме того, подобные атаки могли совершать самые молодые воины, желавшие отметиться храбростью и заслужить одобрение со стороны своих товарищей.

Приближаясь к неприятелю, готы, вероятно, образовывали *фульк*. После того как начиналась рукопашная схватка, готы сражались, используя копья, а если те разбивались, то мечи.

Остготы, так же как и вандалы, перенимали сармато-аланскую модель ведения боя, поэтому основную силу их войска составляли тяжеловооруженные всадники, сражавшиеся длинными двуручными копьями.

Враг внутри

...Исправь сначала трибунов, затем воинов. До тех пор, пока последние будут тебя бояться, ты будешь держать их в руках. Но знай..., что воин не может чувствовать страх, если трибуны и дуксы сами не будут придерживаться безупречного поведения.

SHA, Nig., 3, 11—12

«Армия, — писал Ф. Энгельс, — организованное объединение вооруженных людей, содержимое государством в целях наступательной или оборонительной войны». Это определение, каким бы всеобъемлющим оно ни казалось, далеко не в полной мере отражает специфику деятельности военных сил Поздней Империи. Во-первых, задачи, которые возлагало на армию правительство, не ограничивались борьбой с внешними врагами, но подразумевали также выполнение функций фискального и полицейского характера.

Одной из главных была таможенная функция, включавшая в себя как сбор таможенных пошлин, так и пресечение провоза запрещенных товаров. Государство обязало всех торговцев, ведущих дела с чужеземными странами и народами, проходить через несколько специально определенных городов. На Востоке это были Нисибис, Эдесса, Каллиник и Артаксата; на Дунае — два пункта, одним из которых был Коммерций; на Красном море — Клисма. Лицами, ответственными за сбор пошлин, в таких городах были *комиты торговли* (*comites commerciorum*) — гражданские чиновники, подчинявшиеся *комиту священных щедрот* (*comes sacrarum largitionum*). Поскольку они не могли заставить торговцев выполнять таможенные правила, они прибегали к военной поддержке пограничных дуксов.

Обычно армия не принимала участия в сборе налогов. Однако нам известны исключения из данного правила. Материалы из архива Флавия Абиннея, командира алы в Дионисиаде, показывают, что в императорских доменах правительство могло использовать солдат и для этой цели (Р. Abin., 3).

Весьма злободневной проблемой, решение которой было возложено на армию, стала борьба с разбойниками. Количество разбойников в эпоху Поздней Империи в некоторых провинциях возросло до размеров, прежде неизвестных. В окрестностях Антиохии банды разбойников ночью и днем нападали на купцов и богатых рабовладельцев. «...Их владыка, — говорит Либаний о купцах, — и, клянусь Зевсом, всех людей: разбойники, не щадящие ни земли, ни моря. Когда они предстанут с оружием, приходится отказываться от денег, имеющихся в распоряжении, и вымаливать с рыданиями жизнь» (Lib., Or., XXV, 40; пер С. П. Шестакова).

При Валенте особую известность приобрели разбойники маратокупрены — жители одноименного селения, расположенного в Сирии близ Апамеи. Под видом купцов и высокопоставленных офицеров они разъезжали повсюду, нападая на богатые дома, виллы и даже города. Вплоть до 368 г. горцы-

исавры своими грабежами причиняли большой вред городам и селениям Памфилии и Киликии.

Похожая ситуация сложилась в западных провинциях, особенно в Галлии. Здесь, по словам Аммиана Марцеллина, «наглый разбой все усиливался на всеобщую погибель; особенно стали опасны большие дороги и все, что обещало какую-нибудь поживу, расхищалось самым дерзким образом» (Amm., XXVIII, 2, 10; пер. А. Ю. Кулаковского, А. И. Сонни). Жертвой разбойников сделался даже родственник императора — трибун императорской конюшни Константин, которого захватили из засады, а потом убили. При случае грабежами промышляли варвары, в большом количестве поселенные на территории Империи.

Для борьбы с этим многоликим врагом правительство постоянно привлекало армию. Чтобы обезопасить движение на главных дорогах, на некотором расстоянии друг от друга были возведены укрепленные посты, в которых находились отряды солдат (*stationarii*). Опираясь на армию, правительство вело самую настоящую войну против крупных разбойничьих банд. Так произошло с маратокупренами, которые были перебиты все до единого, включая женщин и детей, а селение их было стерто с лица земли.

Кроме борьбы с разбойниками, армия должна была подавлять антиправительственные восстания среди местного населения. В отличие от эпохи принципата, когда восстания имели яркую антиримскую направленность, а целью повстанцев было обретение независимости, в IV столетии многие выступления местного населения утратили сепаратистские черты. Провинциалы часто выражали недовольство правящим режимом тем, что выдвигали своего кандидата на императорский трон.

Во-вторых, хотя регулярная армия и создавалась для распространения римской экспансии, а также для того, чтобы защищать Империю от внешней угрозы, однако уже во времена принципата выяснилось, что при определенных обстоятельствах она могла превращаться в структуру, столь

же агрессивную и враждебную по отношению к государству, которое она была призвана оберегать, как и неприятели, атаковавшие его извне. Военные мятежи, приводившие к смене государственной власти или провоцировавшие развертывание кровопролитных гражданских войн, продолжались на всем протяжении первых веков существования Римской империи. Династии Юлиев-Клавдиев и Северов сгорели в пламени пожаров военных переворотов. Вся история кризиса III в. представляет собой беспорядочные граффити, оставленные на стенах дворцов окровавленными пальцами императоров, расстававшихся с жизнью по воле тех же самых солдат, которые накануне приносили им клятву верности.

Римские историки склонны видеть причину военных мятежей в недисциплинированности солдат. Поэтому обычно считается, что состояние воинской дисциплины в позднеримское время было намного хуже, чем в первые два века Империи. Однако вопрос в действительности гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд.

Сведения об упадке дисциплины — не эпизодическом, а системном — начинают поступать уже с начала I в. до н. э. Гражданские войны, которые в конечном итоге положили конец существованию Республики, оказали самое негативное воздействие на состояние воинской дисциплины, прежде всего потому, что виновные в ее нарушении, как это обычно и происходит в подобные периоды социальных потрясений, как правило, не несли никакого наказания.

На протяжении всего существования Империи дисциплина считалась одним из самых существенных факторов могущества римской армии, одним из тех ее качеств, которые обеспечивали римлянам превосходство над противником. В эпоху Ранней Республики дисциплина основывалась на сакральных представлениях, заставлявших воинов бояться кары богов за нарушение данной присяги.

В период Империи, когда армия сделалась профессиональной, потребовались другие методы, позволявшие доби-

ваться от солдат соблюдения установленных норм. Среди дисциплинарных мер, использовавшихся в I—II вв., можно выделить организационные, правовые, политические и социально-экономические. Не последнее место занимало и морально-психологическое воздействие на солдатскую массу, позволявшее сохранять в армии прежние традиции. Традиционная римская суровость перестала быть тем исключительным фактором, который влиял на воинскую дисциплину. На состояние последней в большей степени влияли регулярные тренировки солдат и их активное участие в строительных работах, хорошо продуманная система наград и поощрений, открывавших перспективу продвижения по служебной лестнице, четкая иерархия званий и постоянно культивировавшийся авторитет императорской власти.

Новая череда гражданских войн, ознаменовавших конец правления династии Юлиев-Клавдиев, нанесла страшный удар по состоянию дисциплины в войсках и привела к тому, что для римских армий, расположенных практически во всех провинциях, само это понятие практически утратило всякий смысл. К концу правления Флавиев проблема дисциплины в армии по-прежнему оставалась нерешенной.

Негативное влияние на уровень дисциплины оказало также изменение основного контингента, из которого комплектовались войска. Начиная с правления Адриана (117—138 гг.) как легионы, так и регулярные вспомогательные подразделения стали пополняться новобранцами из тех областей, где они были размещены. Поэтому основную массу рекрутов начинают получать из сел и военных лагерей. Теперь солдаты в любой момент, особенно в случае военной опасности, могли покидать свои посты и смешиваться с местным населением. Неслучайно к концу того же века правительство уже вынуждено вести с дезертирами настоящую войну.

Преобразования Септимия Севера (193—211 гг.), направленные на то, чтобы улучшить положение солдат и сделать военную службу более привлекательной, вместе с тем спо-

способствовали дальнейшему ослаблению традиционной римской дисциплины. Наиболее существенным из мероприятий Септимия (197 г.) было разрешение солдатам вступать в брак и жить с семьями не в лагере, а в находившихся поблизости от него поселках. Подобный указ шел вразрез с одним из основополагающих принципов, на которых базировалась вся прежняя римская военная система. Запрещение браков не только солдатам, но и центурионам — краеугольный камень римской военной дисциплины, благодаря которому армия находилась в полной изоляции от любых контактов с гражданским населением.

Септимий Север сделал решительный шаг на пути к стиранию последних национально-римских черт в армии. Главным источником пополнения рядового состава стали провинции, причем не всегда в достаточной степени романизированные, а основным контингентом рекрутов были дети солдат. После того как Септимий кассировал старые преторианские когорты и заменил их выслужившимися солдатами легионов, в римских вооруженных силах были уничтожены последние подразделения, где еще сохранялась итальянская национальность.

Такую разнородную массу, какую представляла собой провинциализированная армия Империи, можно было контролировать до тех пор, пока она находилась в подчинении у сплоченного в национальном и идейном отношении командного состава. До начала III в. большая часть офицеров и центурионов была итальянского происхождения или же выходцами из старых западных колоний. Со времен Септимия Севера центурионы-итальянцы если не исчезают совершенно, то значительно уступают в количественном отношении своим коллегам-провинциалам. Это объясняется прежде всего тем, что состав центурионов со времени правления этого императора начинает пополняться из выслужившихся легионеров. Проведенные реформы способствовали полному исчезновению национально-римского офицерского корпуса уже в первой половине III в.

Денационализация рядового и командного состава создавала угрозу того, что солдаты-провинциалы, более или менее романизированные, осознав, какую значительную силу они представляют, могли попытаться подчинить Империю своей воле. Нечто подобное и происходило на протяжении большей части III в., когда Империя вступила в период военного кризиса...

Уже с 230 г. римские армии почти постоянно действовали на нескольких фронтах, удаленных друг от друга на тысячи километров. Это требовало постоянной передислокации войск из одного района в другой. Переброска крупных воинских соединений из одного приграничного сектора в другой создавала ситуацию, еще более осложнявшую внешне- и внутривосточное положение Империи. Уход войск провоцировал неприятеля к тому, чтобы нанести удар по ослабленному участку лимеса, следствием чего было опустошение оставшихся без защиты провинций, разрушение городов и захват большого количества пленных. Следствием подобных тактических и стратегических провалов центрального командования был политический кризис, характерными признаками которого стали узурпации власти, краткосрочность правления императоров и, что было наиболее болезненным, нестабильность, вызванная отсутствием преемственности в политике и стратегии. В самом деле, никогда за всю историю Римской империи не происходило столь частых посягательств на прерогативы верховной власти.

Упадок воинской дисциплины в большинстве подобных случаев был всего лишь наглядным отражением тех трудностей военного характера, с которыми столкнулась Империя. Провинциализация армии, а также предоставленная солдатам возможность обзаводиться семьями делали неразрывной их связь с местом несения службы. Поэтому отправка целых легионов на удаленный театр военных действий в обстановке, когда только присутствие военной силы могло удерживать неприятеля от вторжения, не могла восприниматься солдатами-провинциалами с особым энтузиазмом.

Военные перевороты III в. были прямым следствием вражеских вторжений на римскую территорию. Если император был неспособен защитить провинции от вторжения варваров, то солдаты — местные уроженцы — могли взбунтоваться и выдвинуть своего кандидата. Кандидатом в императоры становился какой-либо удачливый полководец, поставленный командовать определенным военным округом. Победы, одержанные армией под его началом, гарантировали ему любовь и уважение как его подчиненных, так и провинциалов.

Лишь спустя десятилетия напряженной борьбы с варварским миром солдаты-провинциалы увидели в себе защитников Империи и римской цивилизации. Такая ситуация сложилась только к концу III в., когда спасителями Рима стали проникнутые римским национализмом иллирийские офицеры во главе с Диоклетианом. Тем не менее в следующем столетии солдаты провинциальных войск, ощущавшие себя сплоченным «коллективом граждан», очень часто становились инициаторами военных мятежей.

В IV столетии мятежи принимали различные формы в зависимости от причин, их вызвавших, того, как они разворачивались, как долго продолжались и к какому приводили исходу. Речь могла идти о спонтанном или спровоцированном внешними агентами движении большинства солдат, или же о заговоре, составленном большей или меньшей частью армии и направленном против главнокомандующего. Офицеры могли принимать или не принимать участия в подобном движении.

Мятеж редко начинался внезапно. Сначала было брожение, сходки небольших групп недовольных в палатках. Если офицеры не вмешивались, то собрания становились более значимыми. Прежде чем обратиться к верховному главнокомандующему, недовольные обращались к своим непосредственным начальникам или улаживали проблемы сами.

По большому счету солдаты протестовали против условий службы: длительное непредоставление повышений, задержка выплаты жалованья, отсутствие донативов, участие

в тяжелых работах, жестокость, корыстолюбие и несправедливость командиров.

Отношения между солдатами и их главнокомандующими играли очень большую роль. На протяжении всей римской истории отмечаются многочисленные случаи расправ над своими военачальниками. Причины вспышек солдатской ненависти могли быть самыми различными. В основе конфликта солдат с командирами часто лежала выгода или, точнее, отсутствие таковой. Подобная мотивация появилась в римской армии уже в раннереспубликанский период: добыча, которую солдаты-граждане могли получить в результате победоносной войны, заставляла их вовлекать государство в вооруженные конфликты.

Причины, побуждавшие солдат выдвигать своего кандидата на императорскую власть, выглядели по-разному. Часто движущей силой мятежей были «корпоративные материальные интересы», другими словами — желание в результате выдвижения своего кандидата на верховную власть получить различные привилегии, повышения по службе и денежные вознаграждения. Поскольку, как считают некоторые исследователи, характер позднеримской армии был сугубо наемнический, то она всегда была склонна к «политической взятке».¹⁹ Корысть, как утверждает Аммиан Марцеллин, стала одной из главных движущих сил, заставлявших солдат нарушать свой воинский долг. Поэтому солдаты, которые переходили по своей воле из одной партии в другую по мере эскалации конфликта, почти никогда не делали это под влиянием политической мотивации. Для них мало значила личность того, за кого они сражались. Аммиан действительно приводит несколько примеров, когда деньги становились тем стимулом, который побуждал солдат к бунту. Так, *Корнуты* и *Бракхиаты*, принявшие участие в убийстве Сильвана, прославились тем, что за высокую плату их можно было склонить к чему угодно (Amm., XV, 5, 30).

Материальная выгода в той или иной степени подталкивала к действиям участников любых военных переворотов.

Однако далеко не всегда получение донативов и новых званий определяло поступки солдат. Причинами, побуждавшими их к измене воинскому долгу, как и во времена принципата, могли быть также страх перед врагом или угрозой наказания, которому могло подвергнуть собственное начальство за совершенное ранее нарушение, или же, наконец, отсутствие самого необходимого и невыносимые условия службы. Провозглашение императором Сильвана в 355 г. было, вероятно, следствием того тяжелого положения, в котором оказалась галльская армия после поражения Магненция (353 г.): солдаты не получали ни жалованья, ни донативов и должны были постоянно участвовать в военных действиях против германцев, последовательно и методично занимавших прирейнские территории. Мятеж 360 г., в результате которого Юлиан помимо своей воли (если верить Аммиану, конечно) принял сан августа, был спровоцирован все той же неудовлетворенностью солдат своим положением, а катализатором их недовольства стал страх перед трудностями предстоящего похода на Восток и нежелание оставлять без защиты свои дома в Галлии.

Если не брать в расчет мелкие проступки и несоблюдение установленных правил несения воинской службы в мирное время, которые присущи всем без исключения армиям во все времена, то кроме военных мятежей в источниках можно найти достаточно много примеров того, что солдаты очень часто притесняли мирное население, выказывали непослушание на поле боя, дезертировали или переходили на сторону противника.

О склонности солдат к мародерству не раз упоминает Аммиан Марцеллин, с горечью сетуя на то, что солдаты позволяли себе насилие и грабежи в отношении сограждан, а перед врагом проявляли трусость (Amm., XXII, 4, 7). Сохранилось достаточно много свидетельств того, что солдаты беззастенчиво обирали и притесняли гражданское население. «А воины эти, — говорит Либаний, — в своем нашествии таскают все и, если нет мяса или чего другого съедобного,

отнимают деньги» (Lib., Or., XLVI, 13; пер С. П. Шестакова). Подобные случаи происходили везде, где войска останавливались на постой. Это явление приобрело такой размах, что императоры Валентиниан I и Валент в своем приказе магистру конницы Иовию писали, чтобы он наказывал тех солдат, которые не знают меры в обманах и грабежах. Впрочем, такие указы не приводили к желанным результатам, поскольку перед глазами солдат были живые примеры поведения их командиров, причем самого высокого ранга. Например, как сообщает Аммиан, префект претория Музониан вместе с магистром конницы Проспером грабили собственное население (Amm., XV, 13, 4). Такие действия военных только обостряли положение дел в провинциях и были причинами возмущений местного населения. Тот же Аммиан, рассказывая о Фирме, отмечает, что последний поднял восстание мавров, будучи не в состоянии выносить грабежи и высокомерие военных чинов (Amm., XXX, 7, 10).

Своеволие солдат и их отказ подчиняться приказам командиров неоднократно были причиной крупных военных катастроф. При Сингаре (348 г.), например, император Констанций II потерпел поражение лишь потому, что, принужденный требованиями солдат, начал сражение поздно вечером, а под Адрианополем (378 г.) из-за того, что войска пошли в атаку без приказа, сражение приобрело характер стихийного столкновения, контролировать которое командование было уже практически не в состоянии.

Немало можно найти в источниках примеров дезертирства. Так, прибывший в 355 г. в Галлию Юлиан был озабочен тем, как вернуть солдат, покинувших свои лагеря; Феодосий Старший, высадившись в Британии, немедленно издал приказ, которым он звал под знамена дезертиров, обещая им безнаказанность; наконец, когда Грациан послал на помощь своему дяде Валенту несколько подразделений, то оказалось, что большинство солдат дезертировали, не желая покидать Галлию.

У Аммиана можно найти достаточно много свидетельств о предателях-перебежчиках (*transfugae*), из-за которых, как

он пишет сам, никакие планы римского командования не оставались в тайне для врагов.²⁰

Вероятно, широкое инкорпорирование в армию чужеродных (хотя и сильно романизированных) элементов оказало сильное негативное влияние на состояние воинской дисциплины. Речь идет прежде всего о германцах, как проживавших на территории римских провинций, так и об иноземных, добровольно или на основании заключенных договоров поступавших на римскую службу. Для солдат-германцев переход на сторону врага не был затруднен ни языковыми, ни культурными различиями. Более того, он мог представляться вполне естественным шагом в тех условиях, когда солдат не получал полагавшихся ему денежного вознаграждения и продовольственного пайка. Хотя Аммиан Марцеллин нигде специально не говорит о ненадежности германцев, но он не забывает подчеркнуть, сообщая о случаях предательства римских интересов, что совершены они варварами, состоявшими на римской службе (Amm., XIV, 10, 8; XXIX, 4, 7). Тем самым он демонстрирует, что для него существует вполне определенное различие между римлянами и германцами, на какой бы стороне Рейна последние ни проживали. И если мы откажемся от гипотезы о численном преобладании варварского элемента в армии доадрианопольского периода (в противном случае акцентирование внимания Аммиана на этногеографической принадлежности солдат и офицеров (римлянин/варвар) выглядело бы неуместным), то имеющихся в «Деяниях» примеров вполне хватит для того, чтобы усомниться в верности германцев принесенной присяге. Так, в 357 г., накануне битвы при Аргенторате, некий skutarii-аламанн сообщил своим соплеменникам сведения о численности армии Юлиана и план диспозиции, выработанный римским генеральным штабом. В 377 г. один из лентиензов, служивший в гвардии Грациана, находясь в отпуске на родине, рассказал, что император ведет армию на помощь Валенту во Фракию, побудив тем самым своих соплеменников вторгнуться в провинцию Реция. Наконец, после победы,

одержанной над армией Валента, когда готы осадили Адрианополь, отряд римской пехоты в 300 человек открыто перешел на их сторону; Аммиан Марцеллин не говорит, что это были германцы, но, вероятнее всего, именно этническое родство с победителями побудило их к совершению подобного поступка (Amm., XXXI, 15, 4); также германцами, по-видимому, были те *кандидаты*, которых готы подослали в осажденный Адрианополь для того, чтобы они подожгли какую-либо его часть.

Степень ассимиляции германцев, попадавших в римскую армию, тоже не стоит преувеличивать. Все германцы, проживавшие в приграничной зоне, были уже в достаточной степени романизированы: знали латынь, переняли многие римские обычаи, но это не значит, что они совершенно утрачивали свои национальные черты: леты-варвары, поселенные в Галлии, промышляли грабежами, нападая на римские города. При этом нам неизвестно, как долго существовали их колонии. Показателен и тот факт, что Аммиан приводит случаи предательства, совершенные высокопоставленными офицерами германского происхождения, то есть людьми, чья служба в армии могла продолжаться не менее двух десятков лет. В 354 г. в римском штабе полагали, что внезапное вторжение аламаннов было вызвано предательством высокопоставленных аламаннских офицеров, состоявших на римской службе; Аммиан называет имена комита domestikов Латина, трибуна конюшни Агилона и трибуна skutариев Скудилона (Amm., XIV, 10, 8).

Таким образом, на фоне всех этих примеров молчание Аммиана относительно ненадежности германцев можно назвать вопиющим: германцы оставались германцами и в случае недовольства римской службой всегда могли пренебречь своими связями с Империей, какими бы прочными они ни были. В этой связи характерным представляется эпизод с провозглашением магистра пехоты Сильвана императором. Аммиан сообщает, что трибун оружейной мастерской Маларих, франк по происхождению, был обеспокоен судьбой Сильва-

на (против которого при дворе плелись интриги), поскольку тот был его соплеменником. И чтобы решить этот вопрос, Маларих пригласил к себе франков, состоявших в окружении Констанция II (Amm., XV, 5, 11). Сам Сильван, узнав, что его жизни угрожает опасность, хотел искать защиты у франков, живущих за Рейном, но от этого его отговорил трибун Ланиогайз (также родом франк), уверяя его, что франки либо убьют его, либо выдадут за деньги римлянам (Amm., XV, 5, 16). Мы не знаем, как долго находился на римской службе Маларих; Ланиогайз в 350 г. был кандидатом (Amm., XV, 5, 16) и, следовательно, пребывал в армии к моменту захвата власти Сильваном не менее 5 лет. Что касается самого Сильвана, то он родился в Галлии и был сыном франкского царя Бонита, который служил под знаменами Константина I. В 350 г. Сильван уже имел звание трибуна. Таким образом, он — не только представитель второго поколения своего рода, состоявшего на римской военной службе, но и уроженец Империи, в романизации которого не приходится сомневаться.

Ко всему прочему, служба в римском административном аппарате или в армии не предполагала обязательного разрыва контактов со своими соплеменниками, проживавшими за рубежами Империи. Аммиан упоминает, например, о франке Маллобавде, который, имея звание комита domestikов (*comes domesticorum*), оставался также царем франков (*rex Francorum*) (Amm. XXXI, 10, 6).

Сохранилась надгробная стела одного римского солдата франкского происхождения, который характеризует себя следующим образом: «*Francus ego civis, Romanus miles in armis*» (CIL, XIII, 3576). Два понятия *Francus civis* (франк) и *Romanus miles* (римский солдат) на деле не стали взаимоисключающими. Служа Империи, солдат чувствовал себя прежде всего франком, и хотя в обычной ситуации это обстоятельство никак не отражалось на его лояльности по отношению к римским властям, однако оно давало ему возможность покинуть знамена, если условия службы или полученный приказ не удовлетворяли его.

Чем больше в армию попадало подобных иноплеменных элементов, тем сильнее ухудшалось состояние воинской дисциплины, что в свою очередь способствовало росту числа дезертиров и предателей. Если в дополнение к этому учесть, что условия военной службы становились все менее привлекательными, ввиду невозможности правительства выполнять перед солдатами все принятые им на себя обязательства, то нетрудно представить себе масштаб проблемы, с которой столкнулась Римская империя.

ГЛАВА 4

БОРЬБА ЗА НАСЛЕДИЕ КОНСТАНТИНА

Практически вся жизнь Константина прошла в военных походах. Судьбе было угодно распорядиться таким образом, чтобы и свою смерть он встретил, находясь во главе армии. После побед, одержанных римлянами над персами, на восточной границе долгое время царил мир. Однако Сасаниды не смирились с утратой месопотамских провинций и деятельно готовились к реваншу. К 337 г. их приготовления были закончены, и послы Шапура II потребовали от Константина вернуть те земли, которые его дед Нарсес уступил Империи по Нисибисскому мирному договору. Требование послов не осталось неслышанным. Император пожелал лично встретиться с персидским царем и во главе армии выступил в свой последний поход. Однако ему так и не удалось стяжать лавры победителя персов, поскольку он неожиданно скончался возле Никомедии (22 мая 337 г.).

По заветам отца

Что же касается твоих, великий Константин, детей, а затем и внуков, то Рим вместе с тобой желает, чтобы их просило быть своими владыками тем большее число народов, чем все явственнее будут раскрываться их добродетели.

Pan. Lat., X, 36, 1; пер. И. Ю. Шабаги

Внезапная смерть Константина Великого потрясла его преемников, не готовых еще к тому, чтобы вступить в открытую борьбу за власть. Поэтому они предпочли сохранить в тайне известие о его смерти, и фиктивное правление Константина продолжилось вплоть до 9 сентября.

За это время в Константинополе были умерщвлены племянники Константина — цезарь Далмаций и царь царей Ганнибалиан, а также Юлий Констанций — сводный брат Константина и отец будущего императора Юлиана.

9 сентября сыновья Константина встретились в городе Виминации и, объявив себя августами, поделили между собой Империю. Константин II получил западную половину Империи (Галлию, Испанию и Британию), которая составляла владения его отца до 313 г. Констанцию II достались балканские владения, Далмация, Азия, Понт, Сирия и Египет. Константу — Африка, Италия, Паннония и Дакия.

Вместе с властью над восточными провинциями Констанцию II досталась в наследство едва начатая война с Персидской державой, во главе которой стоял энергичный и целеустремленный монарх, ничем не уступавший Арташиру I или Шапуру I. Начиная с момента своего воцарения и вплоть до 349 г. Констанцию так и не удалось стяжать лавров победителя в борьбе с этим страшным противником. Трижды император отправлялся в поход и всякий раз терпел неудачу (Zos., III, 33, 3; ср. II, 43, 1). Девять раз сталкивались на поле сражения враждующие армии, причем дважды во главе римских сил стоял сам Констанций, и ни разу римлянам не удалось одержать верх (Fest., XXVII, 1; Eutrop., X, 10, 1). Более того, не раз случалось так, что римские войска были «уничтожены до последнего человека» (Amm., XXII, 12, 1). В одном из сражений Констанций потерпел настолько страшное поражение, что вынужден был с немногими уцелевшими бежать на римский сторожевой пост (*statio*) под названием Гибита, который Аммиан называет беззащитным (*intutam*). Здесь император некоторое время скрывался, питаясь «куском хлеба, из сострадания поданного какой-то старой селянкой» (Amm., XXV, 9, 3).

С 337 по 350 г. военные действия между римлянами и персами возобновлялись каждую весну и заканчивались осенью. Преисполненный осознанием своей мощи, Шапур во главе несметных полчищ вторгся в римскую Месопотамию, опустошая и уничтожая все на своем пути... Но, увы, об этих событиях до нас дошли лишь отрывочные и зачастую весьма туманные сведения. Наиболее ожесточенные бои, насколько мы можем судить, проходили под стенами Нисибиса (совр. Нусайбина) — города-крепости, бывшего одной из ключевых позиций римлян в Месопотамии. В 337 или 338 г. армия Шапура перешла Тигр и впервые осадила Нисибис. Чтобы заставить противника снять осаду, Констанций начал военные действия в Армении. Персы простояли под стенами города 63 дня, но взять его не смогли и вернулись в свои пределы (Theoph., а. 329).

В 343 г. персы нанесли римлянам поражение в сражении при Гилеие, находившейся в 27 км от Сингары (Amm., XVIII, 5, 7). Победа позволила персам подойти к Сингаре и осадить этот стратегически важный пункт. Среди войск гарнизона крепости находились 2 недавно сформированных отряда *Супервенторы* и *Превенторы*. Служивший в одном из этих подразделений протектор Элиан предложил сделать ночную вылазку и атаковать спящего врага. План Элиана сработал: римляне перебили большое количество персов, после чего, вероятно, осада оказалось снятой (Amm., XVIII, 9, 3). Возможно, именно это событие имеет в виду Феофан, когда сообщает, что Констанцию удалось одержать победу над персами и даже отпраздновать триумф (Theoph., а. 334).

В 346/347 г. персы в очередной раз вторглись в Месопотамию и снова осадили Нисибис. Персидская осада затянулась на 78 дней и снова закончилась неудачей. Шапур был вынужден уйти восвояси.

В 348 г. персидская армия вторично осадила Сингару. На помощь городу подошел Констанций. Евтропий утверждает, что это был единственный случай, когда император мог одержать победу над Шапуrom (Eutrop., X, 10, 1). Однако, подчинившись солдатам, желавшим как можно быстрее сра-

зиться с врагом, Констанций был вынужден дать бой на закате дня. Произошла ожесточенная битва, продолжавшаяся с наступлением ночи. Персы оказались сильнее, и римская армия понесла крупнейшее поражение со времен начала войны. В результате Сингара пала. Оставшиеся в живых солдаты ее гарнизона были угнаны в Персию. Среди прочей добычи персам досталось большое количество метательных орудий, которые они использовали при штурме других римских фортификаций.

В 350 г. войска Шапура II вновь осадили Нисибис. Царь приказал окружить город земляной насыпью, а затем направил на близлежащие равнины воды реки Мигдоний, в результате чего Нисибис превратился в подобие острова, находящегося посередине озера. Тогда к городу подошли персидские суда, на которых стояли метательные машины. Но осажденные, стоя на стенах, обстреливали неприятелей зажигательными снарядами и каменными ядрами. Многие корабли были сожжены или разбиты. Ожесточенный бой шел в течение нескольких дней. Наконец часть городской стены протяженностью не менее семи локтей рухнула под напором воды. Перед образовавшимся проломом выстроилась персидская кавалерия: катафракты, лучники и другие всадники. Персы надеялись, что им удастся вступить в рукопашный бой с римлянами, которые закрыли брешь в стене, построившись фалангой. Все жители города, способные носить оружие, поднялись на укрепления.

Когда был дан сигнал, персы яростно бросились в бой. Однако разлившиеся воды реки размягчили почву вокруг города, превратив ее в вязкое месиво. Это обстоятельство сильно замедляло движение атакующих. Когда же они приблизились на расстояние выстрелов, с высоты стен на них полетели камни и зажигательные снаряды. Пораженные лошади падали вместе со своими седоками, которые из-за тяжести вооружения не могли подняться и тонули в грязи. Скоро вся персидская кавалерия обратилась в беспорядочное бегство.

После этой неудачи Шапур подвел к пролому в стене своих слонов; на них в окованных железными листами башнях

находились лучники и дротикометатели. Гигантские звери встали на равном расстоянии друг от друга, а в интервалах между ними построились отряды тяжеловооруженных пехотинцев.

Сначала царь полагал, что сам вид огромных монстров посеет страх среди осажденных и это заставит их капитулировать. Но вместо этого римляне начали осыпать вражеский боевой порядок метательными снарядами, провоцируя персов вступить в рукопашную схватку. Тогда персы снова пошли на штурм. Несмотря на град летящих камней, стрел и других метательных снарядов, слоны упорно продвигались вперед, и, казалось, еще немного — и они ворвутся в римский боевой порядок и начнут топтать и крушить все, что встретится им на пути. Но персы совершенно не учли, что окружавший стены ров, который был доверху заполнен илом и тиной, превратился в губительную трясику. Несколько слонов, упав в ров, захлебнулись в болотной жиже. Еще несколько животных получили ранения и, страдая от боли, пришли в неистовство, не слушаясь погонщиков и сбрасывая на землю свои башни. Тогда персы, испугавшись за остальных животных, попытались увести их с поля боя. Однако им не удалось избежать катастрофы. Рев раненых испугал многих других слонов, которые не пострадали от римских снарядов. Громадные четвероногие развернулись и бросились назад, прокладывая себе путь сквозь густые ряды персидской пехоты...

В тот бедственный день ногами разъяренных гигантов было раздавлено около 10 000 воинов Шапура. Аммиан сообщает, что именно после этого случая персидские корнаки стали будто бы использовать ножи с длинной ручкой, привязанные к правой руке, которые они должны были сильным ударом вонзить в шею животного, если оно отказывалось подчиняться и начинало кидаться на своих (Amm., XXV, 1, 15).

Несмотря на тяжелые потери, персы не отступили от Нисибиса. Уведя слонов, они попробовали обстреливать из луков римскую фалангу, закрывающую пролом в стене. Но, когда наступила ночь, защитники города выстроили позади

пробитого участка новую стену и таким образом свели на нет все усилия осаждавших.

За четыре месяца осады Шапур потерял более 20 тысяч человек. Впрочем, героизм римских солдат и жителей Нисибиса в конечном итоге был бы побежден фанатичным упорством царя, если бы последний неожиданно не получил известие, что восточные границы его царства подверглись нападению кочевых племен хионитов и саков. Только после этого Шапур был вынужден на время смириться с неудачей, сжег осадные машины и ушел от стен, казалось, уже обреченного на смерть города.

Уход персидской армии позволил Констанцию перейти в контрнаступление. Он осадил Сингару, которая была взята, как сообщает Аммиан, благодаря огромному персидскому тарану, который персы когда-то использовали при штурме Антиохии.

Война с персами продолжалась и после 350 г. Однако теперь, пока Шапур сражался с кочевниками, военные действия велись персидскими сатрапами, державшими в постоянном напряжении римские пограничные гарнизоны.

В течение двух лет, пока Константин II (337—340 гг.) занимался укреплением рейнских и паннонских рубежей. В 338 г. он вел войну с франками и, одержав победу, переселил какую-то их часть на римскую территорию. Констант (337—350 гг.) в том же году нанес поражение сарматам, что позволило ему принять титул *Величайший Сарматский (Sarmaticus Maximus)*.

В начале 340 г. Константин инициировал войну с Константом, намереваясь присоединить его владения к своим. Однако война между братьями закончилась, едва начавшись. Константин вторгся в Италию, но под Аквилеей попал в засаду и погиб. Констант таким образом стал единоличным правителем Запада.

Уход армии Константина в Италию подтолкнул франков к новым набегам на римские территории. Поэтому Констант должен был спешно отправиться на Рейн. Первые столкновения с франками оказались не настолько успешными, чтобы

война была быстро закончена. Только в 342 г. Констант смог добиться более существенных успехов и заключить с франками мир.

Едва закончились военные действия на рейнской границе, как Констант должен был отправиться в Британию, которая страдала от набегов северных варваров и саксонских пиратов. Обстоятельства этой кампании плохо известны. Возможно, итогом ее был договор, по которому на западном побережье Британии были поселены скотты, а к северу от вала Адриана — пикты. Констант был последним римским императором, совершившим поход в Британию.

После окончания этой кампании и вплоть до своей гибели Констант уже не проводил каких-либо военных операций на границах. Предполагается, что это могло быть вызвано тем, что оба августа решили направить совместные усилия на борьбу с язычеством.

Заговор варваров

...Ненависть, вызываемая гражданской войной, стремится к уничтожению своих противников, но не принимает мер предосторожности в интересах своей защиты.

Veg., III, 10; Praef., пер. С. П. Кондратьева

Констант правил 10 лет. К концу правления император стал ненавистен как армии, так и провинциалам. Возможно, это недовольство было следствием неблагоприятного экономического состояния Галлии. Действительно, археологические свидетельства подтверждают, что начиная с середины IV в. Северная Галлия переживает упадок. Не исключено также, что причиной была религиозная политика императора: едва ли преследование языческих культов могло быть с энтузиазмом воспринято солдатами, галлами и германцами, большинство из которых продолжало придерживаться верований предков.

В 350 г. против Константа был составлен заговор, во главе которого встал комит частных дел Марцеллин. В результате заговора Константин был убит, а императором провозгласили (10 января) комита Магненция. В феврале того же года Магненция признал римский сенат. Власть Магненция распространялась на Галлию, Италию и Африку, а также, возможно, и на Киренаику (Eutr., X, 10, 2; Socr., II, 25, 8).

Недолгое время спустя после совершившегося переворота в Паннонии объявил себя императором (1 марта) Ветранион, бывший при Константе магистром пехоты в Иллирике. Еще через два месяца (3 июня) Непоциан, сын сестры Константина Евтропии, собрав отряд из наемников и гладиаторов, провозгласил себя императором в Италии и двинулся на Рим. Аникет, которого Магненций сделал префектом претория, попытался своими силами подавить это движение. Он вооружил римскую городскую чернь и вступил в бой со сторонниками Непоциана. Однако незнакомые с военным делом люди, собранные Аникетом, были разбиты без особого труда. Только в конце месяца (30 июня) Марцеллин, уже в звании магистра официий, прибыл с войсками в Рим и расправился с Непоцианом.

Первое время три августа старались избежать вооруженного конфликта. Магненций пытался вести переговоры как с Ветранионом, так и Констанцием. Но Ветранион предпочел принять сторону Констанция.

Уход основных персидских сил на восток позволил Констанцию начать войну против соперников на западе. В Паннонии ему удалось щедрыми обещаниями склонить солдат Ветраниона на свою сторону. Ветранион был низложен (25 декабря) и отправлен в ссылку в Вифинию. После того как Констанций объединил паннонские войска со своими, под его командованием оказалось 80 000 солдат.

Со своей стороны Магненций деятельно готовился к предстоящему столкновению. Он провел в Галлии всеобщую мобилизацию, вывел из городов и крепостей, защищавших рейнскую границу, все римские военные части и усилил собранные им войска франкскими и саксонскими наемни-

ками. Эти экстраординарные меры позволили ему собрать 36 000 солдат, с которыми он выступил в поход, и, кроме этого, оставить значительные силы в Галлии и Италии. Галльские войска возглавил его брат Деценций, получивший достоинство цезаря.

Генеральное сражение между претендентами на единую власть произошло 28 сентября 351 г. в Паннонии близ Мурсы (совр. Осижек в Хорватии). Основную силу Магненция составляли отряды галлов и германцев. Армия Констанция состояла из различных восточных и иллирийских регулярных подразделений, среди которых было много пеших и конных лучников, а также отрядов панцирных всадников. Главным преимуществом армии Констанция был значительный перевес в кавалерии.

Прежде чем противники вступили в бой, трибун *схолы* Сильван изменил Магненцию и вместе со своим отрядом перешел на сторону его противника. Несмотря на это предательство, судьба сражения была еще далеко не определена. Все наши источники свидетельствуют о чрезвычайном упорстве, с которым солдаты противоборствующих сторон дрались друг с другом. Существует анекдот, будто в это самое время Констанций молился у могилы какого-то мученика (Sulp. Sev., II, 38, 5). Узнав о первых успехах своей армии, Констанций якобы был склонен к заключению соглашения. Однако ожесточение солдат обеих армий было таково, что остановить резню оказалось уже невозможно и битва продолжалась всю ночь. Победителем в страшной сече вышел Констанций, не досчитавшийся в своих рядах 30 000 человек. Потери побежденных составили 24 000 убитых. Потерю этих солдат нельзя исчислять только арифметически. Их гибель надолго нарушала существовавший прежде баланс военных сил между западом и востоком, между римским миром и варварской периферией.

Эта битва произвела сильное впечатление на историков XX в., которые посчитали именно ее причиной тех трудностей военного характера, которые Империя переживала в дальнейшем. И действительно, ни при Каннах, ни при

Адрианополе не погибло столько римских солдат, сколько пало в этом ожесточенном столкновении, поглотившим цвет римской армии. Однако вряд ли мы должны переоценивать значение сражения при Мурсе для всего дальнейшего хода развития римской военной системы. Численность армий определяется не наличием или отсутствием необходимого числа людей, а теми возможностями, которыми располагает государство, чтобы оплачивать и обеспечивать всем необходимым своих солдат. Если государство имеет необходимые финансовые ресурсы, то любые потери могут быть восполнены достаточно быстро.

Единственный невозобновляемый ресурс — это время. Римский мир старел, старел неуклонно и стремительно, и этого последнего ресурса у него оставалось в запасе не так много. Но еще было.

Несмотря на огромные потери, битва при Мурсе не имела решающего значения. После понесенного поражения Магненций укрепил Альпы, сделал своей штаб-квартирой Аквилею и сумел собрать в Италии новую армию. Но в сентябре 352 г. армия Констанция перешла через Альпы и неожиданно для врага заняла Аквилею. Впрочем, у Тицина Магненцию удалось нанести поражение превосходящим силам противника, однако, одержав победу, он предпочел оставить Италию и отступил в Галлию.

Война затягивалась. Неизвестно, что заставило Констанция искать помощи у зарейнских германцев. Возможно, он руководствовался соображениями простой целесообразности. А может, его ослепила ненависть, порожденная упорством врага, полуварвара, дерзнувшего умертвить его брата и попытавшегося лишиться власти его самого? Как бы то ни было, желая нанести удар в тыл своему противнику, Констанций освободил германцев от заключенных с Империей соглашений и поощрял их к вторжению на римскую территорию. По сообщению Либания, он «письмами открыл варварам путь в римские пределы, заявив им о своем дозволении приобретать земли, столько, сколько они смогут» (Lib., Or. XVIII, 33, 34). Варвары не остались глухи к его призывам.

В 352 г. германцы северной Аламании, протянувшейся от Таунуса до Черного леса, объединилась в союз, верховное командование над силами которого было вручено Хонодомарию. Войска союза перешли Рейн и вторглись в Германию Первую. Варварам противостояли лишь малочисленные войска, подчиненные цезарю Деценцию. В произошедшем сражении римляне были разбиты. Жители Тревер отказались впустить в город остатки разбитой армии Деценция и избрали себе «защитника» Пэмения, который смог удержать город вплоть до падения власти Магненция.

Монетные клады свидетельствуют, что уже весной 352 г. германцы заняли левый берег Рейна в районе Могонциака. Вслед за этим опустошению подвергся весь регион от Аргентората до Мозеллы. Видя успехи аламаннской лиги, южные аламанны в свою очередь пришли в движение. Первыми пределы Империи атаковали брисигавы во главе со своими царями Гундомадом и Вадомаром, с которыми, возможно, Констанций заключил союз. Брисигавы разорили берег Секваники, вслед за ними в Империю вторглись лентиензы, жившие севернее Констанциева озера. Императора мало волновало бедственное состояние галльских провинций. Слепленный безграничным властолюбием и непомерным тщеславием — качествами, свойственными всем отпрыскам Константина, — он готов был на любую концентрированную подлость, на любой политический гешефт, лишь бы, подобно своему отцу, сделаться единственным августом, даже если его единовластие станет могильным камнем для всего Римского мира. Но по ступеням Пантеона истории поднимаются герои, а не заурядные личности, которые сознательно, а чаще всего бессознательно стремятся им подражать.

В августе 353 г. военачальники Констанция перешли Альпы и возле горы Селевк нанесли Магненцию новое поражение. Магненций бежал в Лугдун. Посчитав свое дело проигранным и опасаясь, что собственные солдаты выдадут его победителям, он умертвил своих близких и покончил с собой (10 августа). Узнав о смерти брата, Деценций также предпо-

чел расстаться с жизнью. 6 сентября Лугдун был занят войсками Констанция.

Гражданская война 351—353 гг. имела очень серьезные последствия, особенно для балканских и Галльских провинций. Главными направлениями для римской военной стратегии в середине IV в. по-прежнему оставались оборона рейнской, дунайской и восточной границ. Поэтому основные вооруженные силы государства были сосредоточены в Галлии, на Балканах и Востоке. Однако в результате гражданских войн, последовавших вслед за смертью Константина, произошло перемещение войск, нарушившее стратегический баланс. В течение двух лет от Паннонии Второй до Германии Второй границы оставались практически незащищенными, поскольку были лишены основной части своих гарнизонов. Галльская армия понесла серьезные потери во время войны Констанция с Магненцием. Из 36 000 солдат на родину вернулось не более 12 000. Некоторые подразделения в наказание за поддержку узурпатора были отправлены служить в восточные провинции.

Наибольшая опасность для Галлии исходила от аламаннов, совершавших грабительские рейды то на запад, то на северо-восток страны. Похоже, что и Магненций, и Констанций недооценили масштабы этих набегов. В них принимали участие не только племена, непосредственно входившие в аламаннскую конфедерацию, но и их ближайшие соседи.

Аламанны вторглись в Галлию, заняли значительную часть ее территории и разрушили более 40 городов. В отличие от III столетия, варвары совершали свои вторжения уже не столько в поисках добычи, сколько ради захвата плодородных земель. Они поселились на римской территории на расстоянии в 300 стадий от Рейна, считали завоеванной Германию Первую и заселяли земли вокруг городов Аргенторат, Бротомаг, Таберны, Салисон, Неметы, Вангионы и Могонциак (Amm., XVI, 2, 12). После успехов, сопутствовавших аламаннам в Галлии, с 352 по 357 г. в очередной «варварский заговор» оказались вовлечены квады, маркоманны и франки.

Несмотря на тяжелое положение Галлии, зимой 353—354 гг. Констанций пышно отпраздновал в Арелате 20-летие своего правления (*vicennalia*). Но уже весной 354 г. он должен был вооруженной рукой вмешаться в галльские дела.

В Кабиллоне Констанций объединил свою армию с остатками армии Магненция, намереваясь двинуться против аламаннских царей, братьев Гундомара и Вадомария, опустошавших приграничные области Галлии. Из-за задержки поставок провианта Констанций смог достичь Раврака (совр. Аугст) только осенью. Однако возвести понтонный мост через Рейн оказалось практически невозможно, потому что противоположный берег реки в огромном числе занимали аламанны. Римское командование хотело тайно осуществить переправу в другом месте, но этот план стал известен неприятелю, как полагали, из-за предательства высокопоставленных римских офицеров аламаннского происхождения. Поэтому, когда к Констанцию прибыли послы Гундомара и Вадомария, он предпочел заключить мир и вернуться на зимние квартиры в Медиолан.

С конца зимы 355 г. лентиензы стали беспокоить своими набегами Рецию Первую, в это же время ютунги опустошили окрестности Августы Винделиков (совр. Аугсбург) в Реции Второй. Поэтому Констанций снова должен был оставить Медиолан и двинуться со всеми силами в Рецию. Римская армия остановилась в месте под названием Канинские Поля (возле Беллинцоны). Возможно, это объяснялось желанием Констанция закрыть для варваров дорогу на Медиолан. На военном совете было решено, что часть армии под командованием магистра конницы Арбециона должна вторгнуться во владения лентиензов. Арбецион двинулся вперед, но попал в засаду, устроенную неприятелем в лесу, и потерял много солдат и десятерых трибунов. После понесенных потерь магистр пребывал в нерешительности, боясь вывести солдат из лагеря. Варвары же, бахвалясь, ходили возле римских укреплений. Тогда трибуны Аринфей, стоявший во главе арматур, Сениавх, командовавший всадниками-комитами, и Баппон, возглавлявший промотов, внезапно со своими людьми ата-

ковали германцев. Не ожидавшие такого поворота событий враги обратились в паническое бегство. Увидев это, оставшиеся солдаты высыпали из лагеря и бросились на варваров. В результате лишь немногие лентиензы смогли спастись, остальные были перебиты на месте. Когда Констанций получил известие об этой победе, он посчитал задачи кампании выполненными. В июле 355 г. император возвратился в Медиолан, предварительно заключив с лентиензами мирный договор.

К весне 355 г. нашествие аламаннов под предводительством Хонодомария приняло уже такой размах, что, как утверждает Аммиан, варвары беспрепятственно бродили по стране и не было силы, способной их изгнать (Amm., XV, 5, 2). Поэтому Констанций вынужден был отправить в Галлию часть своей армии под командованием магистра пехоты Сильвана. Тот достиг Тревер и изгнал аламаннов из Германии Первой, а в августе того же года уже прибыл в Колонию Агриппину.

Однако интриги, которые вели при дворе Констанция Арбецион, завидовавший успехам Сильвана, а также некоторые другие высокопоставленные лица, заставили последнего поднять мятеж и объявить себя императором (355 г.). Для борьбы с узурпатором Констанций послал в Галлию магистра Урзицина, которому удалось подкупить часть солдат и убить Сильвана (11 августа). Однако недовольство в галльской армии было столь сильно, что солдаты не желали сражаться с варварами, а собирались перейти Коттиевы Альпы и вторгнуться в Италию (Amm., XV, 5, 29). Положение осложнилось тем, что в это время Рейн перешли франки и стали опустошать район Колонии Агриппины. Ситуация в северо-восточной Галлии стала аналогичной той, которая сложилась в самые тяжелые годы III в. Германцы перешли в наступление. Хонодомарий собрал в более сплоченный, чем прежде, союз северные и южные племена аламаннов и занял территорию Германии Первой и Секваники, пройдя вплоть до Белгики Второй и Лугдунской Первой. Осенью 355 г. Констанцию было доложено, что галльские провинции находятся на краю

гибели, а германцы, не встречая никакого сопротивления, разоряют и уничтожают все вокруг.

Инстинкт к политическому самосохранению на этот раз потребовал от императора более радикальных и ответственных действий. Не желая оставлять без защиты Италию, он отправил в Галлию своего двоюродного брата Юлиана, назначив его цезарем (6 ноября 355 г.). «В нем бушевала врожденная энергия, — восторженно пишет о Юлиане Аммиан Марцеллин, — он слышал вокруг себя шум битвы, бредил поражениями варваров и уже готовился собрать воедино обломки провинции, если его появление на поле действий состоится в добрый час. Совершенные им в Галлии подвиги, в которых его доблесть была равна его счастью, превзошли многие храбрые деяния древности» (Amm., XVI, 1, 2; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Цезарь

Получив же цезарский сан, тотчас послан был на подвиг, требующий рук Геракла.

Lib., Or., XVIII, 32; пер. С. П. Шестакова

И этот молодой человек, посланный в западные области в звании цезаря, все это исправил с удивительной быстротой и обращался с царями, как с рабами.

Amm., XXV, 4, 25; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни

Шествуй, счастливейший Цезарь, куда тебя ведет благорасположенная судьба. В твоём лице — давно желанное зрелище! — идут на битву храбрость и разум.

Amm., XVI, 12, 18; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни

1 декабря Юлиан покинул Медиолан, имея при себе всего 300 (или 360) солдат. К этому времени ситуация в Галлии еще более осложнилась. Едва новоиспеченный цезарь доехал до Августы Тавринов, он получил известие о том, что фран-

ки захватили и разрушили Колонию Агриппину — самый значительный город Германии Второй.

Прибыв в Виенну, Юлиан всю зиму провел в военных приготовлениях. Здесь он узнал, что Августодун (совр. Отён) подвергся нападению банды аламаннов. Гарнизон, как пишет Аммиан, проявил полную бездеятельность, и только собравшийся отряд ветеранов смог отстоять город (Amm., XVI, 2, 1).

К началу лета 356 г. Юлиан закончил снаряжение армии и 24 июня прибыл в Августодун. Отсюда с катафрактариями и баллистариями цезарь спешно прибыл в Аутосиодор (совр. Оксерр). Дав небольшой отдых своим войскам, Юлиан двинулся к Трикасинам (совр. Труа). Прежде чем он добрался до места назначения, он столкнулся с несколькими группами варваров, которых ему удалось рассеять. После этого со своим отрядом Юлиан прибыл в Ремы (совр. Реймс), куда было приказано собраться всей армии с запасами провианта на один месяц.

На военном совете римское командование приняло решение — идти на Децемпаги (совр. Дизз). Во время этого перехода аламанны, пользуясь хорошим знанием местности, зашли римлянам в тыл и напали на два легиона арьергарда и едва их не уничтожили.

Юлиан занял город Бротомаг, к которому тут же подступили аламанны, желая вступить с ним в бой. Он принял вызов, вывел армию за городские стены, атаковал германцев и обратил их в бегство. После этого успеха Юлиан двинулся к разрушенной Колонии Агриппине (совр. Кёльн), занял ее и не покидал до тех пор, пока не заключил мира с франкскими царями. Затем через Треверы с частью войск он двинулся к Сенонам (совр. Санс), где надеялся провести зиму. Тогда к городу подошли значительные силы варваров и осадили римского главнокомандующего. Но Юлиан сумел организовать оборону, и, простояв под Сенонами 30 дней, германцы вынуждены были уйти восвояси.

Назревал момент для генерального сражения, которое, по замыслам римского командования, должно было состо-

яться в летнюю кампанию 357 г. Аламаннов, опустошавших Галлию, было решено уничтожить совместными действиями двух армий, которые должны были взять их в тиски фланговым охватом. Юлиан со своими войсками двигался по направлению к Ремам, в то же время из Италии по приказу Констанция выступила 25-тысячная армия под командованием магистра пехоты Барбациона. План был безупречным, однако в это время варвары-леты прошли между лагерями двух римских армий и напали на Лугдун. Жители успели закрыть ворота города, и леты ограничились только разграблением окрестностей. Узнав об этом рейде, Юлиан послал против летов три отряда легкой кавалерии; солдаты перекрыли дороги, по которым отступали грабители, и всех их уничтожили.

Вслед за этим Юлиан напал на тех варваров, которые поселились на римском берегу Рейна. Узнав о приближении римских войск, германцы перегородили дороги срубленными деревьями и заняли многочисленные речные острова. Барбацион не дал Юлиану семи кораблей, требовавшихся тому для наведения переправы. Более того, не желая ни в чем оказывать содействия цезарю, магистр сжег все свои суда. Однако солдатам Юлиана удалось добраться вброд до ближайших островов и перебить множество варваров вместе с их семьями. Оставшиеся в живых германцы покинули острова и удалились в глубь своей страны.

Чтобы закрепить этот успех и воспрепятствовать в дальнейшем германским набегам на этом участке, Юлиан занялся восстановлением разрушенного римского пограничного укрепления Три Таберны (совр. Цаберн в Эльзасе).

Воспользовавшись тем, что связь между двумя римскими армиями была разорвана, аламанны решили атаковать бездействовавшего Барбациона. Магистр, «с быстротой, предупреждающей всякие слухи», как пишет Аммиан, был осажден «полчищем варваров», которые смогли прорвать линию его оборонительных сооружений и гнали римлян до Равраков. Потеряв при этом отступлении большую часть обоза, Барбацион посчитал за лучшее вернуться в Медиолан, что-

бы доложить о сложившейся ситуации в ставку императора (Amm., XVI, 11, 11—15).

После отступления Барбациона Юлиану пришлось в одиночку противостоять аламаннскому союзу, который к лету 357 г. включал в себя 7 царей (Хонодомарий, Вестральп, Урий, Урзицин, Серапион, Суомарий и Гортарий), 10 менее крупных правителей, множество представителей знати (*optimates*) и 35 000 рядовых воинов, среди которых были не только аламанны, но и представители других племен, выставивших свои контингенты в соответствии с заключенными договорами о взаимопомощи; некоторую часть этих сил составляли наемники.

Уверенность аламаннов в своих силах возросла после того, как римский дезертир сообщил им, что под командованием Юлиана имеется всего 13 000 человек. Аламанны увидели перед собой прекрасную возможность окончательно закрепиться на захваченных территориях и отправили к Юлиану посольство с требованием уйти с земель, которые уже были приобретены ими силой оружия. В то же время через Рейн началась переправа аламаннских войск, продолжавшаяся трие суток.

Общее командование этими силами находилось в руках Хонодомария, полководческим качествам которого Аммиан дает высокую оценку, называя его «вождем, превосходящим всех остальных». Аламанны сами выбрали место, где они намеревались дать бой римлянам: эта позиция находилась в нескольких километрах к западу от Аргентората.

Несмотря на то что у противника был почти тройной перевес в численности, Юлиан не уклонился от столкновения, как на это рассчитывали германские вожди, но двинулся к Аргенторату. С точки зрения римской военной доктрины он допускал грубую ошибку, решив немедленно вступить в сражение. Во-первых, его армия совершила в полном вооружении марш, длившийся не менее 5 часов. Во-вторых, он не разбил укрепленный лагерь, как это сделали со своей стороны аламанны, поэтому в случае неблагоприятного исхода сражения его солдатам было негде укрыться. Подобные про-

махи будут дорого стоить Валенту в битве под Адрианополем. Впрочем, Аммиан утверждает, что Юлиан предвидел, в какой трудной ситуации может оказаться его армия, если она прямо с марша вступит в сражение, и хотел разбить лагерь, однако солдаты потребовали, чтобы их немедленно вели в бой. Наконец, последний промах — план построения римской армии, разработанный штабом Юлиана, был сообщен германцам, однако римское командование не посчитало необходимым его изменить.¹

О приближении римской армии аламаннов своевременно оповестила разведка. Тогда варвары стали строиться, готовясь к битве. Их правым флангом командовал Серапион. На этой стороне поля находились какие-то рвы, защищавшие позицию аламаннов. Во рвах укрылся большой отряд германских воинов, который должен был внезапно атаковать римлян. Согласно утверждению Аммиана, дезертир, сообщивший аламаннам о численности армии Юлиана, передал им также то, что в сражении вся римская конница будет сосредоточена на правом фланге (Amm., XVI, 12, 21). Поэтому варвары разместили всю свою конницу на левом фланге, подкрепив ее, кроме того, легкой пехотой.

Командование германской кавалерией сначала взял на себя сам Хонодомарий, однако перед самым началом сражения аламаннские пехотинцы в один голос потребовали, чтобы вожди сошли с коней и встали в строй вместе с ними. Это было гарантией того, что в случае неудачи знать не покинет простых воинов. Хонодомарий и все остальные знатные аламанны соскочили с коней и встали в строй с пехотинцами, образовав отборный отряд. На кого было возложено после этого командование левым флангом германцев, Аммиан не сообщает.

Основная масса пехоты варваров находилась в центре. Неясно, как она была построена. Выше уже отмечалось, что одно из указаний Аммиана позволяет предположить, что аламанны образовали как минимум две боевые линии. Однако в идущем за тем описанием сражения нет ни слова о действиях аламаннских резервов.

Юлиан построил свою пехоту в две линии. Поскольку римская армия значительно уступала германской по численности, то, дабы избежать окружения, он должен был сильно растянуть ее фронт, уменьшив глубину построения в каждом отдельном подразделении. При этом неизбежно возникала опасность того, что неглубокие римские фаланги окажутся разорванными мощным натиском германцев. Основной удар Юлиан планировал нанести левым флангом, сосредоточив здесь всю массу кавалерии. Кавалерия была поставлена так, как того требовала римская военная доктрина (Veg., III, 16). Тяжеловооруженные всадники (катафрактари, *Гентилы* и *Скутари*) стояли рядом с пехотой. Им надлежало нанести главный удар по левому флангу германцев. Три турмы легкой конницы замыкали римский строй. Сам Юлиан с отрядом в 200 всадников занимал позицию на правом фланге, позади кавалерии.

После того как обе армии были построены, раздался сигнал к началу боя. Магистр Север, командовавший левым флангом римской армии, подошел ко рвам, за которыми стоял правый фланг аламаннов, и остановился, разгадав замысел германцев. На правом фланге бросилась в атаку римская кавалерия. Однако в разгар кавалерийского сражения был ранен трибун катафрактариев Иннокентий, а один из римских панцирных всадников, рухнув с коня на землю, был раздавлен тяжестью собственного вооружения. Этого оказалось достаточно, чтобы в рядах римской кавалерии началась паника. Первыми бросились бежать знаменосцы, увлекая за собой всех остальных.

Видя бегство своей кавалерии, Юлиан не мог не понимать, что все его планы рушатся. Но вдохновение, осеняющее человека в минуту отчаяния, подтолкнуло его использовать последнее средство, которым располагает полководец, чтобы вернуть на поле боя своих утративших мужество и помышляющих только о спасении солдат. Этим средством всегда был, есть и будет личный пример командира, бросающегося в гущу сражения, готового не просто рискнуть жизнью, а, не задумываясь, отдать ее, лишь бы среди отчаяния, страха и хаоса, с легкостью разрушающих боевые порядки, еще

так недавно казавшиеся подобными глыбам гранита, увидеть проблески победы. И пусть далеко не всякий раз подобный отчаянный шаг заканчивался успехом, но по крайней мере очень часто он позволял совершившему его не стать свидетелем собственного поражения. Аммиан Марцеллин изобразил нам своего героя летящим с небольшим отрядом наперерез отступающим римским всадникам. «И, как обычно поступают при сомнительных обстоятельствах, Цезарь высказал им свой упрек в мягкой форме: „Куда это, храбрецы, мы отступаем? Или вы не знаете, что бегство, которое никогда не приносит спасения, показывает только глупость тех, кто делает столь бесполезную попытку? Вернемся к нашим, чтобы хоть разделить их будущую славу, если мы их неразумно оставили в их борьбе за благо государства“» (Amm., XVI, 12, 39; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Этими словами Юлиан смог заставить беглецов остановиться. Трибуны собрали свои подразделения и вновь повели их в сражение. Г. Дельбрюк весьма скептически относится к этому рассказу, который приводит Аммиан, и считает его выдумкой. «Никакими словами нельзя остановить войска, в особенности всадников, которые уже бегут и за которыми по пятам следует противник. Если группа всадников, охваченная страхом, уже обратилась в бегство, то она сможет остановиться лишь в том случае, если на ее пути встретится естественное препятствие или если ее принудит к остановке усталость». Однако Г. Дельбрюк не замечает, что при Аргенторате перед отступающей римской конницей было препятствие, которое ей пришлось обходить. Этим препятствием стал строй римской пехоты, на который в панике поскакали всадники. Вся масса тяжелой кавалерии поневоле понеслась на свои собственные боевые порядки, поскольку свернуть в сторону ей не давали отступавшие отряды легковооруженных конников. Римские пехотинцы не дрогнули и, чтобы не быть растоптанными, сомкнули свои ряды и неподвижной стеной встретили летящую кавалерийскую лаву. В это же самое время на левом фланге Север вступил в ожесточенную схватку с германцами и сумел обратить их в бегство.

Германские всадники, отбросив римскую конницу, устремились на стоявший перед ними строй римской пехоты, центр которой уже с большим трудом отражал страшное давление пехоты аламаннов. Напор германской кавалерии отважно встретили *Корнуты* и *Бракхиаты*. Из второй линии строя на помощь им бросились *Батавы* и *Регии*. Встретив упорное сопротивление этих элитных римских отрядов, германская атака захлебнулась. Несомненно, что оправившаяся от шока римская конница должна была к этому моменту вновь вступить в сражение и нанести германцам сокрушительный удар во фланг, парировать который у них уже не было никакой возможности.

Наиболее ощутимого успеха аламаннам удалось достичь в центре. Здесь, благодаря своему численному превосходству и храбрости отряда знатнейших, они прорвали первую линию римского боевого порядка. Однако легион *Приманов*, стоявший в центре второй линии, мужественно отразил этот удар (Amm., XVI, 12, 49—50). После этого началось повальное бегство аламаннов. Римляне преследовали варваров до берега Рейна и, уже стоя на берегу, поражали метательным оружием спасавшихся вплавь.

Хонодомарий с отрядом телохранителей пытался бежать, но был взят в плен всадниками, пущенными за ним в погоню. Пленение верховного командующего противника недвусмысленно показывает, что разгром аламаннов был полным. Однако война не была еще закончена. Как минимум 5 аламаннских царей, входивших в союз, смогли добраться до правого берега Рейна. Поэтому Юлиану было нужно продолжить военные действия уже на вражеской территории.

После победы при Аргенторате Юлиан вернулся в Три Таберны. Он планировал двинуться к Могонциаку, чтобы там навести мост и переправиться через Рейн. Сначала эти его намерения вызвали волнение среди солдат, однако Юлиану удалось довольно быстро его успокоить. В начале осени 357 г. римская армия форсировала Рейн. Аламаннские цари, напуганные перспективами войны, отправили послов с просьбой о мире, но внезапно по неизвестным причинам поменяли

свое решение и отправили новое посольство, требуя, чтобы римляне ушли из занятых ими областей. В ответ не это цезарь двинулся вперед, грабя и сжигая встречавшиеся на пути германские селения. Варвары не решались вступить с римлянами в открытый бой и предпочитали скрываться в лесах. Был уже конец сентября (миновало осеннее равноденствие), стало холодно, равнины оказались покрыты снегом. Германцы рассчитывали, что суровые погодные условия заставят врагов прекратить военные действия и уйти ни с чем с их территории. Однако Юлиан, воспользовавшись тем, что противник не желал вступать в бой, заново отстроил старое римское укрепление, находившееся близ впадения Нидды в Майн, которое было возведено еще при Траяне. В крепости был размещен гарнизон с необходимым запасом провианта, захваченного у неприятеля. Быстрое окончание работ привело германцев в ужас, и они снова отправили послов просить мира. Юлиан согласился заключить с ними мирный договор на десятимесячный период. В силу этого соглашения к нему прибыли три «свиrepейших царя» из числа принимавших участие в сражении под Аргенторатом, которые дали соответствующие клятвы, что не причинят никакого вреда римскому укреплению, а если гарнизон будет нуждаться в провианте, то доставят ему все необходимое. После заключения договора Юлиан увел войска на зимние квартиры.

Занятый проведением карательной операции против алеманнов, Юлиан оставил без защиты левый берег Рейна. Этим воспользовались франки, проживавшие в низовьях Рейна, и стали совершать набеги на Германию Вторую. Магистр кавалерии Север, двигаясь со своими войсками на зимовку в Ремы, неожиданно наткнулся у Юлиака (совр. Юлих) на отряд легковооруженных франков численностью в 600 человек. В страхе перед возвращавшейся из похода римской армией франки заняли два заброшенных укрепления на Мозе. Узнав об этом происшествии, Юлиан покинул свои зимние квартиры в Паризиях и всеми силами осадил франков. Осада продолжалась 54 дня и затянулась вплоть до января. Варвары, исчерпав запасы продовольствия, вынуждены были ка-

питулировать, не дождавшись своих соплеменников, которые уже шли им на выручку. Получив известие, что укрепления взяты римлянами, а их защитники уведены в плен, шедшие на помощь франки вернулись в свои пределы. Только после завершения этого предприятия Юлиан смог вернуться в Паризии и провести там зиму.

В июле 358 г., дождавшись подвоза продовольствия из Аквитании, Юлиан прибыл в Тунгры (совр. Толгерн), намереваясь подчинить себе салических франков, прежде чем продолжить войну с аламанными. Франки обосновались на римской территории, в районе Токсиандрии, и уже считали ее своей. Их расселение в этом регионе угрожало коммуникациям между Галлией и Британией.

В Тунграх Юлиана встретили послы франков, которые предлагали ему мир, если он позволит им жить на занятых землях. Юлиан умышленно дал послам запутанный ответ, а когда они ушли, последовал за ними, отправив по берегу Рейна магистра Севера. Неожиданно напав на франков с разных сторон, римляне одержали быструю победу и заставили варваров просить пощады. Юлиан предпочел не прогонять побежденных с занятой ими территории, а принял их в подданство.²

Заклучив договор с франками, Юлиан напал на живших по соседству с ними хамавов и, несмотря на ожесточенное сопротивление, разбил их и заставил бежать на противоположный берег Рейна. Прибывшим от хамавов послам Юлиан даровал мир на условии, что они уйдут с римской территории.

Чтобы закрепить свой успех в борьбе с варварами, цезарь на время прекратил военные действия и занялся восстановлением трех фортов на реке Мозе (Маас), разрушенных германцами во время войны Констанция с Магненцием. В это время солдаты, возмущенные задержкой продовольствия, стали выступать против Юлиана, отказываясь продолжать поход на варварской территории. «Куда это нас гонят? — в негодовании спрашивали солдаты. — Нет надежды на лучшее! Мы терпели в снегах жестокие и невыносимые бедствия, вынесли

лютые морозы! Но теперь — о, ужас — когда мы наступили врагу на горло, мы сохнем от голода — позорнейший вид смерти. Никто не вправе сказать, что мы поднимаем бунт: мы заверяем, что возвышаем голос лишь за свою жизнь; не просим мы золота и серебра, которых давно уже нам не удавалось ни получать на руки, ни даже видеть; нам в них отказывают, словно мы уличены в том, что приняли на себя столько трудов и опасностей в борьбе не за государство, а против него» (Amm., XVII, 9, 4; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Однако и это волнение удалось успокоить уговорами и посулами, после чего по наведенному через Рейн мосту армия вступила на земли аламаннов.

Первым из аламаннских царей к Юлиану явился Суомарий и на коленях просил о прощении. Юлиан согласился забыть прошлое и заключил с Суомарием мир, потребовав выполнения двух условий: возвращение всех римских пленников и обеспечение в случае необходимости римской армии продовольствием.

Заключив договор с Суомарием, Юлиан двинулся в область, принадлежавшую другому члену аламаннской лиги, участвовавшему в сражении при Аргенторате, — Гортарию. Добравшись до этой территории, римляне принялись жечь селения и убивать всех, кто оказывал им сопротивление. Видя это, Гортарий также был вынужден молить о прощении. Юлиан потребовал выдать всех римских пленников и доставить необходимые строительные материалы для восстановления римских городов и крепостей, разрушенных аламаннами. Требовать продовольствия от Гонтария было невозможно, поскольку вся его страна была разорена римскими солдатами. Добившись успеха и в этом предприятии, Юлиан возвратился на зимние квартиры.

В 359 г. Юлиан выступил в новый поход против аламаннов. Прежде чем начать военные действия, он решил занять разрушенные германцами города, восстановить их стены и построить новые склады, куда могло бы поступать продовольствие из Британии. В результате им было отстроено семь городов.

Закончив это предприятие, Юлиан двинулся к Могонци-аку, намереваясь снова перейти Рейн. Однако аламанны стали угрожать Суомарию, владения которого лежали напротив Могонциака, требуя, чтобы тот не позволил римлянам осуществить переправу. Когда Суомарий заявил, что не в силах в одиночку справиться с этой задачей, в окрестностях Могонциака собралось огромное множество варваров, настроенных силой воспрепятствовать намерениям Юлиана.

Подойдя к намеченному для переправы месту, Юлиан распорядился разбить укрепленный лагерь. Затем он приказал выделить из нескольких подразделений по 300 солдат и посадить их на корабли, с тем чтобы ночью они спустились вниз по реке и тайно перебрались на противоположный берег, пока все внимание варваров было приковано к огням римского лагеря.

В то же самое время Гортарий, сохранявший дружеские отношения с римлянами, созвал на пир аламанных царей и князей. Пир затянулся до глубокой ночи, и к этому времени солдаты, отправленные Юлианом, уже были на правом берегу Рейна. Поэтому, когда варварские вожди разъезжались, римляне неожиданно напали на них и перебили множество пеших слуг и рабов.

Когда аламанны, следившие за переправой, узнали, что враг уже у них в тылу, то в страхе разбежались. После этого армия Юлиана смогла беспрепятственно переправиться через Рейн и опустошить владения всех враждебных Империи аламанных царей. Напуганные такими активными действиями цезаря, многие аламанные цари (Макриан, Гариобавд, Вадомарий, Урия, Урзицин, Вестральп) поспешили в римский лагерь, прося мира. Со всеми ними были заключены соглашения на приблизительно одинаковых условиях, при этом главным требованием Юлиана была выдача всех пленных римлян, захваченных варварами во время своих набегов.

Несмотря на крупные успехи, достигнутые Юлианом в борьбе с зарейскими германцами, в начале 360 г. мир с аламанными царями казался еще настолько ненадежным, что, когда в январе Юлиан, находившийся на зимних квар-

тирах в Паризиях, узнал о грабежах пиктов и скоттов в Британии, он не решился оставить Галлию из страха перед возможными нападениями германцев и отправил на остров всего 4 подразделения во главе с магистром Лупицином.

Марра!

Пытавшихся оказать отчаянное сопротивление сарматов мы разбили без потерь с нашей стороны. Сокрушили мы также и явившихся на помощь сарматам квадов, которые с такой же дерзостью ринулись на ряды наших славных легионов.

Amm., XVII, 13, 28; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни

Осенью 358 г. наиболее сложной ситуация оказалась на Дунайской границе. В Рецию, нарушив заключенные ранее соглашения, вторглись ютунги. Против них был отправлен магистр пехоты Барбацион, который одержал решительную победу и истребил большую часть варваров.

В течение долгого времени сарматы не беспокоили римские границы: они были усмирены Константином, который после ряда побед над этим варварским народом поселил большое количество сарматских пленных на римской территории. Однако спустя три десятилетия, численность сарматов возросла настолько, что начиная с 357 г. они, объединившись с квадами, вновь стали совершать набеги на пограничные провинции.

В 358 г. сарматы опустошили Верхнюю Мёзию и обе Паннонии (Amm., XVI, 10, 20; XVII, 12, 1). Чтобы положить конец их грабежам, в конце марта 358 г. Констанций перешел Дунай по понтонному мосту и начал разорять сарматские земли, лежавшие напротив провинции Паннонии Второй. Не ожидавшие наступления неприятеля в это время года, варвары обратились в бегство. После этого император вторгся в области, сопредельные с провинцией Валерией. Это заставило сарматов изменить свою тактику: они решили напасть на римлян, разделившись на три группы. На помощь сарматам подошли квады. Однако варвары были разбиты, после

чего римская армия двинулась на территорию, принадлежавшую квадам. Тогда, сломленные ужасами войны, сарматы предпочли просить мира. В ставку Констанция прибыл сарматский царевич Зизаис с группой высокопоставленных соплеменников. Они обещали компенсировать ущерб, вернуть римских пленных и предоставить знатных заложников. Вдохновленные соглашением, к Констанцию прибыли Арагарий, командовавший трансюгитанами и квадами, и Узафер — «предводитель некоторой части сарматов». С ними тоже был заключен мир, в обеспечение которого они предоставили заложников. После этого и остальные цари сарматов стали просить мира, и со всеми ними Констанций заключил договоры.

Последним был урегулирован вопрос со «свободными сарматами», которые были изгнаны из своих земель в результате восстания «сарматов-рабов», или сарматов-лимигантов. Сарматские изгнанники находились под покровительством Империи со времен Константина. В 357 г. они под натиском лимигантов отступили к границам Валерии и вторглись на римскую территорию. Сами лимиганты, занимавшие тогда южную часть равнины Тиссы и Баната, были вынуждены отступать под давлением тайфалов. Констанций потребовал, чтобы «свободные сарматы» вернули всех римских пленников. Затем он поставил Зизаиса царем над этими сарматами и принял их в римское подданство.

Добившись желаемых результатов, Констанций двинулся к Брегециону, чтобы начать войну с жившими напротив него квадами. Когда императорская армия проникла на вражескую территорию, то царь квадов Витродор предпочел заключить с римлянами мир и выдать заложников.

Летом 358 г. Констанций должен был обратиться против лимигантов. Узнав о готовящемся походе, амицензы — одно из племен сарматов-рабов — решили прибегнуть к хитрости и вступили в переговоры, обещая платить ежегодную дань и поставлять в римскую армию свою молодежь. Тогда Констанций пригласил их на римский берег для проведения переговоров. Вместе с тем, подозревая, что варвары могут воспользоваться этим поводом, чтобы напасть на него, Кон-

станций заранее разделил свою армию на несколько отрядов, которые должны были окружить сарматов.

Амицензы пришли, но не столько для мирных переговоров, сколько для того, чтобы продемонстрировать свою вызывающую храбрость, и, если к тому представится подходящий случай, убить императора. Поэтому переговоры оказались безрезультатными и затянулись до вечера. Наконец, чтобы до захода солнца положить конец этому бесперспективному занятию, римляне со всех сторон бросились на сарматов. Завязалась беспорядочная схватка. Сарматы попытались прорваться к возвышению, на котором стоял Констанций, но были отеснены императорской гвардией. Они продолжали отчаянно сражаться, но все были беспощадно перебиты. «И никто из них среди различных ужасов не молил о пощаде, не бросал оружия, не просил скорейшей смерти; все упорно удерживали в руках оружие, даже поверженные наземь, считая меньшим позором быть побежденным силой другого, чем признаться в этом. Порой слышались их крики, что происшедшее случилось по капризу судьбы, а не по их вине. Так в течение получаса разыгралась эта битва; в этот короткий срок пало столько варваров, что лишь сама победа свидетельствовала о том, что было сражение» (Аmm., XVII, 13, 11; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Разгромив вражеское войско, римляне бросились жечь сарматские селения, уничтожая все на своем пути. Посадив на лодки легковооруженных солдат, Констанций приказал им плыть вдоль берега, выискивая и убивая тех, кому удалось избежать кровавой расправы.

Победив амицензов, Констанций двинулся против их соседей — пицензов, занимавших земли западного Баната. На этот раз он прибег к помощи тайфалов и «свободных сарматов». Окруженные с востока и запада, пицензы вынуждены были сдаться и просить о мире. Все племя должно было переселиться на удаленные территории, отведенные им римскими властями.

Благодаря успешным действиям в ходе этой кампании, Констанций укрепил оборону Иллирика и на время устранил

сарматскую угрозу. Итогом похода стало вторичное принятие императором титула *Сарматский* (*Sarmaticus*), который он получил «с согласия солдат» (Amm., XVII, 13, 19—25).

Император вернулся на зимние квартиры в Сирмий, откуда он, несмотря на свои победы, продолжал осуществлять надзор над лимигантами. В начале весны 359 г. Констанций получил тревожное известие, что сарматы-пицены оставили отведенные им земли и, кочуя, заняли области, лежавшие по соседству с римскими границами (Amm., XIX, 11, 1—2). Полагая, что варвары могут возобновить свои набеги, Констанций, не мешкая, собрал войска и в марте выступил в поход. Прибыв в Валерию, армия разбила лагерь на берегу Дуная, с тем чтобы воспрепятствовать пицензам перейти реку по льду с целью совершения грабежа. Констанций вступил с сарматами в переговоры. Те выразили притворное согласие занять любые земли на территории Империи, которые им будут указаны, и нести все податные повинности. Констанций с радостью согласился с этим предложением. «Побуждало его к тому корыстолюбие, — пишет Аммиан Марцеллин, — которое раздувала шайка льстецов, усиленно напевавших ему в уши, что он, успокоив внешнее волнение и водворив повсюду мир, приобретет много людей, готовых лично нести военную службу, и получит возможность набирать сильных рекрутов, провинциальное же население охотно будет откупаться от личной службы деньгами. Такого рода расчет не раз ввергал в тяжкие бедствия римское государство» (Amm., XIX, 11, 7; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Как бы то ни было, Констанций решил встретиться с сарматами близ Ациминка (совр. Стари Сланкамен). Здесь был сооружен помост в виде трибунала, а на реке было размещено несколько кораблей с легионерами на борту, которые должны были напасть на варваров, если бы те замыслили какую-нибудь хитрость.

Сарматы прибыли на римский берег Дуная, но не столько для заключения соглашения, сколько для того, чтобы попытаться убить Констанция. «Когда они увидели на высоком помосте императора, который уже собирался начать мило-

стивую речь и обратиться к ним, как к покорным на будущее время подданным, вдруг один из них в злобной ярости бросил сапогом в трибунал и воскликнул: „Марра, марра!“ — это у них боевой клич. Вслед за тем дикая толпа, подняв кверху свое знамя, вдруг завывала диким воем и бросилась на самого императора. Со своего возвышения император увидел, что пространство вокруг занято волнующейся толпой вооруженных копьями людей, и заблестевшие мечи и выставленные вперед верруты грозят ему смертью: посреди смешавшейся толпы чужих и своих нельзя было узнать, кто он, солдат или полководец. Не время было тянуть или медлить: он сел на быстрого коня и умчался во весь опор» (Amm., XIX, 11, 10—11; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Сарматы убили нескольких телохранителей Констанция и захватили его сиденье с золотой подушкой. Узнав о произошедшем, солдаты в ярости бросились на варваров со всех сторон. В произошедшем жестоком побоище все пицены были безжалостно перебиты.

Констанций принял необходимые меры для укрепления границ и уже в конце мая прибыл в Сирмий. Отдав все необходимые распоряжения, он поспешил в Константинополь, чтобы вступить в войну с персами, уже успевшими захватить Амиду и другие пограничные римские крепости.

Гибель Амиды

Враг рушил стены и срывал до основания города и возвращался с добычей и пленниками...

Lib., Or., XVIII, 207; пер. С. П. Шестакова

Мы бились все с тем же упорством, но судьба бесповоротно решила исход дела.

Amm., XVIII, 8, 2; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни

После начала войны с Магненцием основные силы восточной армии были уведены Константином на Балканы. Это ставило восточные провинции Империи в крайне опасное положение.

Мир с персами заключен не был, и в течение 10 лет магистр конницы Урзицин защищал, по словам Аммиана, эти территории с армией, которая лишь представляла «подобие военной силы» (Амм., XVIII, 6, 2). За все это время военные действия не прекращались, правда, они приняли характер разбойничьих набегов персидских сатрапов. Но причиной того, что пламя войны не разгоралось с новой силой, было не понесенное под Нисибисом поражение — оно отнюдь не надломило военную мощь Сасанидского государства. Масштабному персидскому вторжению препятствовали войны, которые Шапур по-прежнему вынужден был вести на восточной границе, отражая орды диких племен.

В 357 г. к Констанцию прибыл персидский посол, чтобы вновь требовать возвращения Армении и месопотамских провинций, уступленных Империи царем Нарсесом. Констанций отказал, но в 358 г. в свой черед отправил в Персию посольство с просьбой о мире на условиях сохранения *status quo*. Однако Шапур не хотел и слышать об этом, если не будут выполнены его требования. Вслед за первым в Ктесифон было отправлено второе посольство, которое также не добилося желаемого результата. После того как дипломатия оказалась бессильной урегулировать отношения между двумя державами, новое вторжение персидской армии стало лишь вопросом времени.

Масштабное наступление персов началось в 359 г. Шапуру II к этому времени удалось подчинить некоторые кочевые племена и усилить их контингентами свои войска. Аммиан, который лично наблюдал за движением персидской армии, сообщает, что она насчитывала не менее 100 000 воинов (Амм., XIX, 6, 11). «...Мы увидели, — пишет он, — все окружающее пространство до того, что по-гречески называется „горизонт“, заполненным несчетной массой войск, а во главе — царя, блиставшего пурпуром своего одеяния. Рядом с ним с левой стороны ехал Грумбат, новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед. С правой стороны ехал царь албанов, равный с первым по

месту и почету, а позади — различные командиры, выделяющиеся по уважению и власти, за ними следовали в огромном количестве отобранные люди из отборных сил соседних народов, приученные продолжительными упражнениями переносить всякие тяготы войны» (Amm., XVIII, 6, 22; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

На этот раз персидский царь решил не тратить свои силы под неприступными стенами Нисибиса. Достигнув селения Бебаза (совр. Тель-Беш в 40 км от Дары), находившегося в 100 милях от города Константины, Шапур повернул вправо, намереваясь напасть на крепости Берзалон (совр. Берзель) и Клавдии (находилась между Мелитеной и Самосатой). Это решение было вызвано тем обстоятельством, что вся местность до Константины представляла собой пустыню, практически лишенную воды. Но даже если бы персам удалось пройти этот участок пути, то они не смогли бы форсировать Евфрат вброд, поскольку из-за таяния снегов река широко разлилась. Выбранный персами маршрут хотя и вынуждал их сделать большой крюк, однако гарантировал им изобилие всяких припасов, так как римляне, полагавшие, что враг изберет кратчайшую дорогу, не стали уничтожать имевшиеся запасы продовольствия. К тому же Евфрат в тех местах был узок и мелководен.

Узнав от разведчиков о принятом персами решении, следивший за движением царской армии римский отряд под командованием магистра пехоты Урзицина (в состав которого входил и Аммиан Марцеллин), поспешил в Самосатту, чтобы разрушить мосты у Зевгмы и Каперсаны и таким образом воспрепятствовать персидской переправе. Однако этот план провалился из-за небрежности солдат, которым была поручена охрана этих мест. Две турмы иллирийских всадников оставили ночью свои посты. Воспользовавшись этим, 20 000 персов укрылись в засаде за холмами по соседству с Амидой. Поэтому отряд Урзицина, двигавшийся к Самосате, неожиданно для себя наткнулся на неприятеля. Несмотря на численное превосходство персов, Урзицин принял решение сразиться с врагом. Но еще до того, как произошло столкновение, рим-

ляне обнаружили у себя в тылу отряд персидских катафрактов, летевший на них во весть опор. Произошла беспорядочная схватка. Урзицину с одним трибуном и конюшним удалось уйти от погони в ближайшие отроги Тавра. Сам Аммиан должен был помочь раненому товарищу, а затем во весь опор скакать по направлению к Амиде. В город вела только одна очень узкая дорога, поэтому она очень быстро оказалась забитой большим количеством всадников обеих враждующих сторон. «Здесь, смешавшись с персами, которые одновременно с нами бросились на эти высоты, — пишет Аммиан, — мы простояли без движения до восхода солнца в такой тесноте, что трупы убитых, сжатые столпившимися людьми, не могли найти места, чтобы упасть на землю, и один солдат передо мной, которому удар меча разрубил голову на две половины, стоял на месте, сжатый отовсюду, словно столб. Множество снарядов из всяких метательных орудий летели с зубцов стен, но наша близость к стенам спасала нас от опасности. Наконец я проник через боковой вход в город и обнаружил, что он переполнен множеством людей обоих полов, пришедших из окрестностей. Случайно как раз в эти дни в предместье была обычная ежегодная ярмарка, и, кроме приезжих купцов, было множество съехавшихся сюда крестьян. Страшный шум стоял повсюду: одни оплакивали погибших, другие стонали, будучи ранены насмерть, а многие просто звали кого-то из своих близких, кого не могли найти в тесноте» (Амм., XVIII, 8, 11; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Прежде чем осадить Амиду, Шапур подошел к Реману и Бузану — двум римским укреплениям, находившимся неподалеку. Стоявшие там гарнизоны не оказали сопротивления врагу и открыли ворота. Спустя некоторое время персы силой взяли еще одну римскую крепость — Зиату.

Когда царь подошел к Амиде, в ее стенах находилось 7 пехотных подразделений,³ отряд конных лучников комитов,⁴ отряд туземной кавалерии, а также множество горожан и беженцев, всего около 20 000 человек.

Прежде чем приступить к штурму города, персы попытались склонить защитников к капитуляции. Для переговоров

был отправлен царь хионитов Грумбат. Однако когда он со своим отрядом приблизился к стенам Амиды, то его сын был тут же поражен стрелой баллисты (Amm., XIX, 1, 7). Смерть царевича положила конец любым попыткам ведения переговоров. В течение 10 дней персы пировали, провожая в последний путь павшего принца. После этого еще 2 дня они готовились к решительному штурму. Амида была окружена пятью линиями щитов; укрепления города были разделены на несколько участков, на каждом из которых должен был сражаться один из союзных персам народов. Восточная часть стены досталась хионитам, северная — албанам, западные ворота — сегестанцам, которых Аммиан называет самыми храбрыми воинами в армии царя; в помощь сегестанцам был придан отряд боевых слонов.

На рассвете нового дня персы пошли на штурм. Римляне ответили им градом камней, кидаемых онаграми, стрелами и другими метательными снарядами, выпущенными из баллист, луков или просто бросаемыми руками. Однако персы развернули против римлян машины, захваченные ими 10 лет назад в Сингаре, и также наносили защитникам города чувствительные потери. Бой продолжался до наступления ночи, но персам не удалось добиться какого-либо заметного успеха. На следующий день ситуация повторилась.

Не прошло и десяти дней после начала боев под стенами Амиды, как ситуация в городе стала катастрофической. Аммиан Марцеллин словами очевидца рисует страшные картины происходивших тогда событий, воспоминания о которых не поблекли в его памяти спустя десятилетия после пережитого ужаса персидской осады: «...Непрерывный труд и бессонница истощили остаток наших сил, а кроме того, нас терзали своим видом кровь и бледные лица умиравших товарищей. Теснота не позволяла даже отдать им последний долг погребения... Каждый по возможности лечил свои раны сам или при помощи врачей; некоторые, получившие тяжкие увечия, боролись со смертью и испускали дух от потери крови, другие, пронзенные насквозь, лежали ничком на земле, и, когда они испускали дух, их отбрасывали в сторону; некото-

рые были так страшно изранены, что сведущие во врачебном искусстве не позволяли касаться их, чтобы не усиливать еще более их страдания безо всякой пользы; у иных извлекались из тела стрелы, и при этой рискованной процедуре они терпели страдания более тяжкие, чем сама смерть» (Amm., XIX, 2, 14—20; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Большое количество умерших от ран, чьи непогребенные тела быстро разлагались под лучами неумолимо палящего солнца, привело к тому, что в городе вспыхнула эпидемия чумы. К счастью для солдат и жителей города, дождь, выпавший на одиннадцатую ночь осады, освежил воздух и губительная болезнь похитила жизни лишь немногих, в основном тех, кто оказался в местах наибольшей скученности.

После первых неудачных атак персы решили взять город с помощью подвижных башен. Они начали строить сразу 4 башни, на каждой из которых предполагалось установить по одной баллисте. Передняя сторона башен обивалась железными листами, не только защищавшими их от метательных снарядов противника, но и исключавшими любую возможность поджога. К этому времени персидские пехотинцы уже возвели два огромных вала, превосходившие высотой стены города.

Пока шли все эти приготовления к генеральному штурму, Амида чуть было не попала в руки врага в результате предательства. Один из жителей города перебежал к неприятелю и сообщил ему, что на южной стене города, обращенной к Тигру, есть башня, нависшая над бездонной пропастью; с самого низа пропасти внутри скалы пробит подземный ход, который ведет в башню. Этот ход был сделан для того, чтобы осажденные тайком от врагов могли спускаться за водой. Перебежчик пообещал персам провести их по этому ходу, оставшемуся почти без охраны, в город. В полночь 70 отборных персидских лучников из «царского отряда» проникли в башню и, поднявшись до третьего этажа, вывесили плащ пурпурного цвета как сигнал к началу боя.

Вся персидская армия пошла на приступ. В то время, как к стенам уже были приставлены штурмовые лестницы, луч-

ники в башне стали расстреливать с тыла защитников города. Тогда один отряд римлян (в составе которого, судя по всему, находился и Аммиан) повернул против засевших в башне врагов 5 легких баллист и в течение короткого времени всех их уничтожил. Затем машины были возвращены на свои места, и все солдаты объединили усилия в отражении натиска неприятеля, уже поднимавшегося на парапеты стен. К полудню персидская атака захлебнулась. Понеся большие потери, войска Шапура были отброшены и вернулись в свой лагерь. Оставшуюся часть дня утомленные защитники Амиды использовали для отдыха и сна.

На рассвете следующего дня перед Амидой появились толпы пленников из захваченной Зиаты, которых персы гнали в свой лагерь. Возмущенные этим зрелищем, солдаты из галльских ауксильев, *Магненциак* и *Деценциак*, потребовали, чтобы им было разрешено ночью напасть на вражеский лагерь. Когда им отказали в этом, солдаты не пожелали подчиняться приказам командиров и даже грозились их убить. «И, как зубастые звери в клетках, разъяренные запахом еды, бьются в надежде выбраться о вращающиеся прутья, так и они рубили мечами ворота, которые, как я сказал, были заперты. Их тревожило опасение, что они погибнут после взятия города, не совершив никакого блестящего дела; или, если он спасется от опасности, то не будет упомянуто, что они совершили нечто достойное галльской отваги, хотя и прежде часто во время своих вылазок, когда они делали попытки помешать сооружению валов, неся смерть в ряды врага, совершали они достойные галльской славы подвиги» (Амм., XIX, 6, 4; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Поскольку удерживать галлов в стенах города было невозможно, то им разрешили напасть на сторожевые посты неприятеля. Основная же масса защитников Амиды принялась за возведение насыпей, которые должны были по высоте равняться валам, созданным персами.

Безлунная ночь облегчила галлам задачу, и они смогли приблизиться к персидскому лагерю незамеченными. Затем они бегом бросились на передовые вражеские посты и, пере-

бив стражу, ворвались в неприятельский лагерь, намереваясь дойти до ставки царя. Однако от произведенного ими шума, стонов и криков раненых враги проснулись и, собравшись в отряды, бросились на римлян. Окруженные со всех сторон, *Магненциак* и *Деценциак* отчаянно отбивались, постепенно отступая за лагерьный вал.

В городе уже готовились принять храбрецов: ворота были открыты, а метательные машины стояли наготове. Незадолго до рассвета галлы вернулись в Амиду. Их потери были очень серьезными: 400 погибших, многие были ранены. Что касается персов, то наутро их лагерь наполнился стенаниями тех, кто оплакивал погибших, среди которых оказались знатные вельможи и сатрапы.

По обоюдному соглашению стороны заключили трехдневное перемирие. За это время персы закончили строительство своих башен и основательно подготовились к штурму, который должен был стать последним для обреченной Амиды.

По окончании перемирия на рассвете персы двинулись на приступ. Но, когда они подошли ближе к городским стенам, то стали сильно страдать от летевших в них различных снарядов. Первыми не выдержали катафракты и, нарушив боевой порядок, отступили с поля боя. Однако обстрел римских позиций, который персы вели со своих башен, наносил римлянам большие потери. К тому же персы ввели в сражение своих слонов: лучники, находившиеся на их спинах, не давали солдатам возможности выглянуть из-за крепостных зубцов.

Тогда римляне перенесли со своих позиций онагры и установили их напротив башен. Огромные камни, полетевшие из онагров, очень быстро разрушили вражеские башни. Что касается слонов, то против них было применено испытанное еще в эпоху Пунических войн средство — огонь: «...На них, — пишет Аммиан, — мы со всех сторон бросали брандеры. Когда огонь коснулся их тела, они попятились назад, и вожаки не могли их сдержать» (Амм., XIX, 7, 7; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Огонь же был использован

и против остальных персидских осадных приспособлений, которые были все успешно сожжены.

Тем не менее, как и при последнем штурме Нисибиса, Шапур не желал признать своего поражения. Окруженный телохранителями, он бросился в толпу персидских воинов («Неслыханный дотоле случай!» — восклицает Аммиан (Amm., XIX, 7, 8)), подбадривая их своим личным примером и перестраивая их колеблющиеся ряды. Римляне, видевшие царя с высоты стен, направляли выстрелы против него и убили многих людей из его свиты, но даже это не устрасило Шапура, и только ночь развела сражавшихся.

На следующее утро персы вновь бросились на штурм. Потеряв в предыдущем столкновении все свои осадные сооружения, они стали вести сражение с возведенных ими валов. Римляне должны были отражать их атаки с высоты насыпей, которые были построены ими внутри стен.

Долгое время бой продолжался на равных, несмотря на подавляющее численное превосходство врага. Однако римское оборонительное сооружение, не выдержавшее тяжести людей, находившихся на нем, рухнуло, задавив при обвале большую часть защитников. Увидев это, многие солдаты в изнеможении прекратили борьбу.

Пространство между персидскими валами и стеной оказалось завалено землей от развалившейся постройки. Теперь уже ничто не препятствовало персам ворваться в Амиду. Горожане в отчаянии пытались остановить врага, толпами сбегаясь к месту обрушения. Однако персидские отряды уже ворвались в город. Бой продолжился на улицах. «Дрались лицом к лицу на мечах, с той и другой стороны кровь лилась целыми потоками, рвы заполнились телами убитых, и таким образом образовали более широкий путь. Город наполнили стремительно хлынувшие силы неприятеля, исчезла всякая надежда на бегство и всякая возможность отпора, и персы избивали, как скотину, всех вооруженных и безоружных без различия пола» (Amm., XIX, 8, 4; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Когда наступил вечер, последние защитники Амиды все еще продолжали сражаться, не ради победы, а лишь потому,

что предпочли смерть с оружием в руках унижению и мукам плена, молодой офицер в ранге domestica вместе с двумя товарищами сумел под покровом темноты выйти через боковые ворота из захваченного врагом города. Пользуясь знанием местности, беглецы достигли десятого милевого столба, а оттуда добрались до Евфрата и, наконец, прибыли в Мелитену (совр. Малатья). Этим domestиком был Аммиан Марцеллин.

Захватив Амиду, Шапур в ярости приказал распять на крестах всех трибунов, в том числе и комита Элиана, столь успешно руководившего обороной города (Amm., XIX, 9, 2).

За свою победу персы заплатили жизнями 30 000 воинов. К тому же осада Амиды длилась 73 дня и закончилась только в конце сентября. Поэтому Шапур должен был отказаться от всех далеко идущих планов, прекратить поход и с пленниками и добычей вернуться восвояси.

В 360 г. царь, пополнив ряды своей армии, снова вторгся в римские пределы, надеясь, пока Констанций все еще находился на Балканском полуострове, овладеть всей Месопотамией. Персидские войска захватили и разрушили Сингару. Затем ими была взята Безабда (совр. Джебзире-ибн-Умар), где был оставлен персидский гарнизон. После ухода персидской армии в свои пределы Констанций попытался вернуть Безабду, но безуспешно.

ГЛАВА 5

КАТАБАСИС¹ ЮЛИАНА

Война с персами представлялась Констанцию предприятием намного более опасным и трудным, нежели войны с придунайскими варварами. Поэтому он решил усилить свои войска отборными подразделениями галльской армии. Дважды Юлиан отправлял на восток требуемые контингенты, однако, когда в феврале 360 г. ему пришел третий аналогичный приказ, то это вызвало открытое возмущение солдат, не желавших покидать родину. Своего командующего, сумевшего завоевать у них любовь и уважение, мятежники провозгласили августом.

Из мятежников в императоры

Его счастье было чрезвычайным: как бы на плечах самой Фортуны, которая некоторое время была доброй направительницей его судьбы, он преодолел в победном шествии невероятные трудности.

Аmm., XXII, 7, 9; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни

...И среди чужих племен пошла о нем молва, как о государе, выделяющемся своей храбростью, умеренностью, знанием военного дела и всякими достоинствами.

Аmm., XXII, 7, 9; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни

Быть под владычеством царя таких достоинств — высочайшее счастье, а лишившись его, снадобьем от печали надо принять его славу...

Lib., Or., XVIII, 164; пер. С. П. Шестакова

После произошедшего переворота Юлиан старался сохранить мирные отношения с Констанцием, чтобы без помех завершить войны с германцами и полностью восстановить положение на границе. Прежде чем двинуться во Виенну, откуда он мог бы контролировать дороги, ведущие в Италию, Юлиан, который наверняка предполагал скорое начало гражданской войны, решил упрочить положение обеих Германий на территории от низовья Рейна до Равраков (возле совр. Базеля). Поэтому, отправив на восток посольство с изложением своей версии событий, он двинулся к границам Германии Второй. Подойдя к городу Трикенсимы (совр. Клеве), Юлиан в четвертый раз переправился через Рейн и вторгся во владения аттуарийских франков, находившиеся между реками Иссель и Липпе. Официальным основанием для этой операции были неоднократные набеги этого племени на окраины Галлии. Однако, возможно, что в действительности Юлиан желал обеспечить сохранение договоров, заключенных в 358 г. с их соседями — салическими франками и хамавами.

Аттуарийские франки совершенно не ожидали нападения римлян, поэтому не смогли оказать никакого сопротивления. Большое количество варваров было преребито или взято в плен. Оставшиеся в живых отправили к Юлиану послов с просьбой о мире. С ними было заключено такое соглашение, которое должно было обеспечить интересы пограничного римского населения. Быстро завершив войну с франками, Юлиан перешел на римский берег Рейна и, двигаясь к Равракам, уделил большое внимание восстановлению пограничных укреплений (*castella*), находившихся на отвоёванной у варваров территории. После этого через Безанцион (совр. Безансон) он отправился на зимние квартиры во Виенне.

В конце зимы 361 г. Юлиан получил неожиданное известие, что аламанны из владений Вадомария грабят пограничные с Рецией области. Чтобы изгнать варваров, он отправил комита Либинона, командовавшего *Кельтами* и *Петулантами*. Либинон подошел к Санкциону (совр. Секинген). Здесь он вступил в бой с превосходящими силами герман-

цев и первым был убит уже в самом начале боя. Несмотря на ожесточенное сопротивление, римляне потерпели поражение и вынуждены были отступить, понеся незначительные потери.

Из перехваченного письма Вадомария Юлиан узнал, что аламаннский царь действует по указанию Констанция. Поэтому цезарь задумал силой захватить Вадомария: он приказал нотарию Филагрию встретиться с аламаннским царем на римском берегу Рейна. Вадомарий, не зная, что его тайная переписка уже раскрыта, прибыл к римлянам без опаски, был схвачен и отправлен к Юлиану, который препроводил его в Испанию.²

Теперь Юлиан решил расправиться с теми варварами, которые убили комита Либинона. Ночью, приказав солдатам оставить всю поклажу, он переправился через Рейн и окружил спавших германцев. Утром римляне неожиданно напали на аламаннов и многих перебили. Тех, кто просил пощады и обещал вернуть захваченное, Юлиан принял в качестве подданных, с остальными, обещавшими сохранять мир, он заключил договор.

Успешные военные кампании Юлиана позволили восстановить рейнскую границу и обеспечили на некоторое время безопасность галльским провинциям. «После его ухода из западной половины империи, — пишет Аммиан Марцеллин, — и пока он был в живых, все народы пребывали в спокойствии, как будто жезлом Меркурия успокоил весь мир» (Амм., XXV, 4, 14; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

После окончания последнего похода Юлиан открыто объявил перед армией о своем отпадении от Констанция и потребовал, чтобы солдаты принесли ему присягу на верность. Когда армия присягнула, он отдал приказ выступить в Паннонию, стараясь опередить возможные действия своего противника.

Пока Юлиан вел борьбу с германцами, в Антиохии Констанций деятельно готовился к войне — как внутренней, так и внешней. Он увеличил количество конных подразделений и пополнял свои легионы новобранцами-провинциалами.

Люди всех сословий обязаны были доставлять для армии одежду, оружие, метательные машины, провиант и транспортные средства.

Опасаясь с наступлением весны нового нашествия персов, Констанций отправил к царям и сатрапам за Тигром посольства с богатыми дарами. Главные усилия были направлены на то, чтобы укрепить дружеские отношения с царями Армении и Иверии.

После долгих раздумий и совещаний со своими военачальниками император решил сначала совершить поход через Иллирик и Италию, чтобы захватить ничего не ожидающего Юлиана, «как дичь» (Амм., XXI, 7, 1). В Африку был послан императорский агент Гауденций, который передал комиту военных дел Крециону и остальным командирам приказ императора собрать лучшие войска и обеспечить охрану побережья, лежащего напротив Аквитании и Италии. Принятые меры не позволили сторонникам Юлиана высадиться в Африке из Сицилии, где было сосредоточено достаточное для этого количество войск.

Однако Констанцию пришлось отказаться от прежнего плана, когда с восточной границы пришли тревожные донесения о приближении к берегам Тигра армии Шапура. Император оставил Антиохию и, поспешно собрав войска, бросился к Евфрату. Переправившись через реку по понтонному мосту близ Каперсаны, Констанций скоро достиг Эдессы, где стал ждать новых донесений от разведчиков.

Понимая, что нельзя в преддверии похода на запад оставить открытой границу в Месопотамии, Констанций хотел вернуть Безабду. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали выполнению этого плана: Шапур со своей армией не переходил Тигр, ожидая благоприятных предзнаменований. Поэтому, как утверждает Аммиан, если бы Констанций отважился переправиться через Евфрат, то до Тигра он смог бы дойти, не встречая сопротивления. Однако император не желал в преддверии неминуемой гражданской войны рисковать жизнями своих солдат, осаждая сильно укрепленные вражеские крепости.

Пребывая в сомнениях, какое решение ему надлежит выбрать, Констанций, тем не менее, отправил магистра пехоты Арбециона и магистра конницы Агилона с большими силами к Тигру, чтобы они следили за тем, в каком направлении двинется персидский царь. При этом Констанций поручил магистрам, в случае если враги начнут переправу, не вступать с ними в бой, а поспешно отступить. Сам император с основными силами остался в Эдессе, готовясь дать в случае необходимости генеральное сражение.

В это время были получены донесения, что Юлиан уже занял Сукки и ждет лишь подхода подкреплений, чтобы устремиться во Фракию. Тогда Констанций приказал части армии выступить налегке и двигаться на запад, воспользовавшись повозками государственной почты. Но на следующий день пришло известие, что Шапур, не получив благоприятных знамений, отказался от вторжения на римскую территорию и ушел от границы.

Таким образом руки Констанция оказались развязаны. Оставив в Месопотамии только ее обычный гарнизон, ускоренными переходами он прибыл в Антиохию. Закончив все необходимые приготовления, в конце сентября Констанций выступил в поход. Однако, достигнув Мобсукрены — приграничной станции, находившейся у подножия гор Тавра, император почувствовал себя настолько плохо, что не смог ехать дальше. Ощущая приближение смерти, Констанций назначил своим преемником Юлиана и умер спустя недолгое время после того (5 октября). К Юлиану были отправлены *комиты* Теолайф и Алигильд, которые должны были объявить ему о произошедшем и просить его принять власть над восточной половиной Империи.

Во время войн с германцами Юлиан активно пополнял имевшиеся у него воинские силы новыми рекрутами и добровольцами. Кроме того, он вербовал вспомогательные отряды варваров (франков, квадов и батавов). Благодаря этому к 361 г. ему удалось увеличить свои силы до 23 000 солдат. Однако даже этого было явно недостаточно для того, чтобы противостоять всей военной мощи Востока. Это была одна

из причин, по которой он до самого последнего момента старался избежать разрыва с Констанцием. Даже когда гражданская война уже стала неизбежна, Юлиан все еще надеялся, что дело можно будет решить без кровопролития: «Да будут мне свидетелями Гелиос, которого я прежде всего молил помочь мне, и владыка Зевс, — никогда я не хотел убивать Констанция, я скорее хотел, чтобы он остался в живых, — писал Юлиан в письме своему дяде, тоже Юлиану, объясняя свои действия. — Почему же я прибыл сюда (то есть на Восток. — *А. Б.*)? Потому, что боги совершенно ясно повелели мне это и обещали мне спасение, если я буду им послушен; если бы я остался там (то есть в Галлии. — *А. Б.*), то никто из богов не стал бы этого делать. А я, уже объявленный врагом, хотел только припугнуть его и договориться с ним, возможно, более мирным путем. Однако если бы пришлось решать дело в открытом бою, то я, представив все воле Тяхэ и богов, стал бы ожидать их решения, угодного их милосердию» (Iul., Ep. 12; пер. М. Е. Грабарь-Пассек).

Поняв, что Констанций не согласен идти ни на какие компромиссы, Юлиан решил действовать с максимально возможной быстротой, парализуя своим внезапным появлением любое сопротивление, которое могли оказать ему местные власти, сохранявшие верность Констанцию. Для этого он разделил свои войска: одну часть под командованием Иовина, назначенного им магистром конницы Галлии, и квестора Иовия он направил в Италию, другую, под командованием магистра конницы Невитты, — в Рецию. Появление галльских отрядов в разных местах должно было создать обманчивое впечатление о многочисленности армии, собранной Юлианом.

Сам Юлиан двинулся через Марциев лес (совр. Шварцвальд), намереваясь выйти к Дунаю и воспользоваться дорогами, проложенными вдоль берега реки. Дойдя до того места, где Дунай был судоходен, он посадил 3000 солдат на суда, приказав им спускаться вниз по течению. С остальными войсками он шел, обходя города и крепости, и поэтому очень долго оставался незамеченным. План Юлиана вполне удался.

По Иллирику распространились слухи, что, одержав блестящие победы над варварскими народами, Юлиан ведет за собой огромную армию.

Войсками Иллирика командовал в это время магистр конницы Луциллиан. Как только он получил известие о движении неприятельских сил, то тут же попытался стянуть свои силы к Сирмию (совр. Сремска-Митровица), где была его ставка. По его приказу в город прибыли 2 *Констанциевых* легиона и когорта конных лучников. Однако Юлиан, двигавшийся ускоренными переходами, успел помешать действиям магистра. Достигнув Бононии, отстоявшей от Сирмия на расстоянии 19 миль, он неожиданно вышел к берегу реки Савы и послал вперед комита доместиков Дагалайфа с отрядом солдат, приказав привести к нему Луциллиана. Магистр был пленен, а Юлиан без боя занял Сирмий. Не рассчитывая на верность сосредоточенных в городе войск, император счел целесообразным отправить их в Италию. Проведя в городе всего один день, Юлиан двинулся по государственной дороге вперед и без сопротивления занял Сукки. Охрану этого горного прохода Юлиан поручил Невитте. После этого он двинулся в Наисс (совр. Ниш).

Вышедшие из Сирмия *Констанциевы* легионы и кавалерийский отряд достигли Аквилеи. Однако, опасаясь возможного участия в войнах с германцами, солдаты подняли бунт, во главе которого встал трибун когорты всадников Нигрин. Городское население поддержало восставших.

Юлиан получил известие об этих событиях, находясь в Наиссе. Отпадение Аквилеи могло привести к тому, что мятежники овладели бы проходами в Юлиевых Альпах и отрезали бы Юлиана от галльских провинций, откуда он ждал подкреплений. Ко всему прочему, стало известно, что комит Марциан уже собрал войска, расквартированные во Фракии, и идет к Суккам. В этих сложных обстоятельствах Юлиан стал стягивать отовсюду иллирийские войска, готовые выступить на его стороне, и послал приказ Иовину, который уже перешел Альпы и вступил в Норик, вернуться в Италию и взять Аквилею.

Спустя недолгое время в Наисс пришла новость о смерти Констанция. Юлиан быстро пересек Фракию и вступил в Константинополь. После этого он отозвал Иовина из-под Аквилеи, рассчитывая поручить ему более важные дела, а осаду города поручил комитам во главе с Иммоном.

Комиты окружили Аквилею двойным кольцом осадных щитов, после чего попытались убедить восставших сложить оружие. Однако переговоры ни к чему не привели, поэтому на рассвете следующего дня было решено начать штурм. Осаждающие пошли на приступ, двигая вперед плутеи, рассчитывая подойти к стенам, чтобы ломами и кирками подкопать их основание, другие несли лестницы, соответствовавшие высоте стен. Однако осажденные встретили этот натиск градом камней, стрел и дротиков. Передние ряды наступавших заколебались и начали отступать, увлекая за собой всех остальных.

После этой неудачи осаждающие решили прибегнуть к помощи осадных орудий. Поскольку расположение Аквилеи не давало возможности в каком-либо месте придвинуть к ее стенам таран или сделать подкоп, то решено было использовать реку Натисон (совр. Натизоне), протекавшую поблизости. С этой целью были построены превосходившие высотой городские укрепления деревянные башни, которые были поставлены на трех соединенных друг с другом судах. Когда башни были подведены к Аквилее, то стоявшие на верхних этажах тяжеловооруженные солдаты стали обстреливать защитников, пытаясь согнать их со стен, в то же время легковооруженные, находившиеся ниже, внутри башен, старались взойти на стены по перекидным мосткам. Однако эта затея окончилась полным провалом: осажденные забросали башни зажигательными снарядами, и, когда огонь объел громадные сооружения, то стоявших наверху солдат охватила паника. Стараясь спастись, они расшатали башни, и те, потеряв равновесие, рухнули в воду.

Несмотря на неудачу, пыл осаждающих не угас, и на рассвете следующего дня они опять пошли на приступ, снова используя передвижные щиты и штурмовые лестницы.

И вновь атака оказалась безуспешной: понеся потери, сторонники Юлиана вынуждены были отступить. Осада затягивалась. Поэтому Иммон и его коллеги отправили в Константинополь донесение о происходящем. Император решил отправить в Аквилею магистра пехоты Агилона, пользовавшегося большим уважением в армии, с тем чтобы он уговорил мятежников сложить оружие. Между тем осаждавшие решили отвести от города реку, лишив таким образом гарнизон воды. Однако в городе оказалось достаточно колодцев, чтобы его защитники могли как-то бороться с жаждой.

Наконец прибыл Агилон и, поклявшись в правдивости того, что собирался сообщить, рассказал восставшим солдатам и жителям Аквилеи о смерти Констанция. Этого оказалось достаточно, чтобы ворота города были открыты. Нигрина и других предводителей мятежа выдали в качестве искупительной жертвы. Спустя несколько дней после судебного разбирательства Нигрин был сожжен живьем. Казнены были также и члены городского совета, поддержавшие бунт.

Подготовка персидского похода

Сам он готовился между тем к походу против персов, который в своих широких замыслах задумал уже давно... Его снедала жажда брани по двум причинам: во-первых, потому что он не выносил вообще покоя и бредил боевыми сигналами и сражениями, во-вторых, потому что, будучи в годы ранней юности послан на битву с дикими народами, теперь... он горел желанием присоединить к своим славным военным отличиям титул Парфянского.

Амм., XXII, 12, 1—2; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни

Персидский поход Юлиана... На него возлагалось так много надежд! Аммиан Марцеллин, который уже оставил военную службу и собирал в Антиохии материал для своего будущего

исторического труда, не смог избежать соблазна стать свидетелем финального, как ему могло показаться весной 363 г., этапа борьбы Римской империи с Персидским царством и полным надежд вступил в ряды готовящейся к кампании армии. Думается, таких, как он, было тогда немало — веривших, что Юлиан пробудит римский мир от векового летаргического сна и вернет ему былое величие.

Впрочем, далеко не все были, подобно Аммиану, опьянены предчувствием грядущих славных деяний, сопоставимых с подвигами древних. Многие, напротив, находили затею Юлиана несвоевременной и опасной. Даже в среде высшего руководства Империи по этому вопросу не было единой позиции. Особенно негативно относились к идее персидского похода на Западе, поскольку считали, и вполне обоснованно, надо заметить, что варвары могут скоро оправиться от нанесенных им поражений и, воспользовавшись уходом основных римских сил на Восток, вновь начать свои грабительские рейды на территорию Галлии. Хуже всего, что к планам императора с затаенным недоброжелательством относилась часть офицерского корпуса и значительная часть рядового состава армии. Однако это проявилось только позже, когда выяснилось, что предприятие может оказаться более длительным и трудным, чем это предполагалось ранее.

Решение вторгнуться в персидскую Месопотамию созрело у Юлиана, по всей видимости, сразу же, как только он овладел верховной властью. Однако первое время ему было нужно уделить внимание решению проблем, оставшихся в наследство от предыдущего правления. Но уже 18 июля 362 г. император прибыл в Антиохию, и с этого момента началась активная фаза подготовки к предстоящей кампании.

Появление Юлиана в Антиохии во главе армии должно было внушить страх персидскому царю и удержать его от продолжения агрессивных действий в отношении Империи. И действительно, мы ничего не слышим о наступлении персидских войск в 362 г. Напротив, если верить Либанию, Юлиан получил письмо от Шапура, просившего его при-

нять персидское посольство и путем переговоров урегулировать все спорные вопросы. «Итак, — пишет Либаний, — мы, все прочие, скакали, рукоплескали, кричали, чтоб принять предложение, а он, приказав швырнуть письмо с бесчестием, сказал, что нет ничего возмутительнее, как переговоры, в то время как города лежат поверженными, и отправил ответ, что нимало не нуждается в послых царя, так как в скором времени увидит его» (Lib., Or., XVIII, 164; пер. С. П. Шестакова; ср. XII, 76; XVII, 19).

Подготовка к походу заняла 9 месяцев. Юлиан был охвачен пылким желанием вступить в войну с персами, намереваясь как отомстить им за прежние поражения, так и прибавить к своим прежним титулам³ титул «Персидского» («Парфянского»). Однако каковы бы ни были личные качества императора, организацию любой войны следует рассматривать с позиции целесообразности, а не под углом зрения героических фраз. Нет нужды доказывать, что вторжение римской армии в персидскую Месопотамию в наименьшей степени было следствием непомерного славолюбия Юлиана. Сама обстановка, сложившаяся на восточных рубежах, требовала именно радикального решения вопроса. Юлиан, мысленный взор которого был постоянно обращен в глубины героического прошлого, отлично осознавал, что до тех пор, пока застарелый конфликт между Римом и Восточной монархией будет существовать только в форме обороны, он никогда на деле разрешен не будет. Результат может получиться только один: с каждым десятилетием Империя будет терять одну за другой все новые и новые позиции. Как гиена добровольно не расстанется с падалью, так и персы не перестанут терзать римские провинции, если будут пребывать в полной уверенности, что им не воздастся равной мерой. И, следовательно, жизненная воля Римской державы не должна ограничиваться лишь пассивной обороной. Если уж нельзя решить дело миром, то всегда лучше воевать там, чем ждать здесь. Поэтому Юлиан вполне обоснованно решил собрать все силы для активной борьбы, для решительного боя с Персией.

Принципиально важный вопрос: каким Юлиан видел желаемый результат столкновения с восточным соседом? Хотел ли он и считал ли возможным уничтожить Сасанидское государство или же его планы были гораздо более скромными и реалистичными? Анализ высказываний и поступков Юлиана, как до начала кампании, так и во время нее, в конце концов, самый характер военных действий показывают, что император не был оторванным от жизни мечтателем и идеалистом, чтобы увлечь свою армию, значительная часть которой весьма неохотно последовала за ним (и не зная этого он не мог) к границам Ойкумены.

При планировании вторжения в Персию в римском генеральном штабе решили отказаться от идеи решить судьбу кампании, вступив с противником в генеральное сражение. Несмотря на то что к участию в походе были привлечены лучшие подразделения галльской армии, неудачи предыдущих лет, постоянно преследовавшие римлян в столкновениях с персами, заставляли стратегов Юлиана проявлять в своих расчетах сдержанность и осторожность. Поэтому ими был придуман искусный отвлекающий маневр, который должен был заставить Шапура уйти из Месопотамии, позволив основным силам римской армии стремительно продвигаться вниз по Евфрату и подойти к стенам персидской столицы раньше, чем царь понял бы свою ошибку. Финальным актом кампании должен был стать захват Ктесифона — достойное воздаяние Шапуру за уничтожение Амиды и других римских пограничных городов и крепостей.

Для реализации задуманного предприятия собранные войска предполагалось разделить на две группировки: в то время как одна из них, остававшаяся под командованием императора, должна была наступать в Месопотамии, вторая, представлявшая собой отдельный корпус, двинулась бы от Нисибиса в сторону Тигра, отвлекая на себя внимание персов. Командование корпусом Юлиан передал своему родственнику Прокопию и комиту Себастиану.

Важной частью разработанного плана было участие в предстоящей кампании армянского царя. Юлиан приказал

ему собрать армию и ждать дальнейших распоряжений относительно того, что надлежит предпринять (Amm., XXIII 2, 2). Предполагалось, что армянский царь будет действовать совместно с корпусом Прокопия-Себастиана. «Надлежало и армянскому правителю поступить подобным образом, — передает Либаний, — так как враг, прошедши с огнем, конечно, по лучшей части его территории, должен был встретиться с императором, и, соединившись, надлежало или изгнать врагов из страны в случае их бегства, или, в случае, если бы они оставались, потоптать их» (Lib., Or. XVIII, 215; пер. С. П. Шестакова).

Чтобы обеспечить максимальную мобильность войскам, которые должны были под командой Юлиана двигаться в направлении Ктесифона, создавался огромный грузовой флот, перевозивший не только продовольствие,⁴ но также и необходимое снаряжение, военные машины и большой запас каменных ядер. Кроме того, предполагалось построить достаточное количество мелких судов, которые можно было бы использовать для быстрого наведения понтонных переправ.

Согласно Аммиану Марцеллину, Юлиану удалось собрать 1000 грузовых кораблей, 50 боевых и 50 кораблей, предназначенных для возведения понтонных мостов (Amm., XXIII, 3, 9; 5, 6; XXIV, 1, 4). Зосим пишет, что всего было сделано 600 деревянных судов, 500 судов, имевших кожаную обшивку, 50 военных кораблей и какое-то количество понтонных (Zos., III, 13, 2). Малала сообщает о 1250 кораблях, ничего не говоря об их типах (Malal., XIII 329, 15). Наконец, Зонара пишет о 700 триерах и 400 грузовых судах (Zon., XIII, 13). Три источника дают практически одну и ту же цифру для общего количества судов: Аммиан — 1100; Зосим — 1150; Зонара — 1100. При этом можно отметить, что Зосим не уточняет, сколько было понтонных судов.⁵ Учитывая небольшие размеры последних, можно допустить, что число их было весьма значительным. Поэтому вполне вероятно, что цифра, которую приводит Малала, — это общее количество

судов всех типов, подготовленных для похода. Для управления всеми этими судами потребовалось 20 000 солдат (Амм., XXIV, 7, 4).

Относительно численности армии, собранной Юлианом, высказываются различные предположения. Зосим передает, что, находясь в Каррах, Юлиан провел военный смотр, показавший, что под знаменами у него собрались 65 000 человек (Zos., III, 13, 1). Проблема заключается в том, что из этого сообщения не понятно, относится ли указанная Зосимом цифра ко всей армии, включая корпус Прокопия-Себастиана, а также солдат, находившихся на кораблях, или же это только те войска, во главе которых император намеревался продвигаться сухим путем в глубь Месопотамии. Поэтому у историков существуют различные точки зрения в вопросе оценки наличных сил, имевшихся в распоряжении у Юлиана в начале кампании. Так, Ф. Пашу приходит к выводу, что всего Юлиану удалось собрать 105 000 человек, из которых 65 000 участвовали на смотре, 20 000 солдат образовывали корпус Прокопия-Себастиана и 20 000 находились на кораблях. Ф. Ришардо полагает, что римская армия составляла 83 000 человек. Но он только суммирует те данные, которые содержатся у Зосима (65 000 солдат на смотре в Каррах плюс 18 000 солдат в корпусе Прокопия-Себастиана), не учитывая сведения Аммиана и Малалы. Наиболее высокая из предложенных исследователями цифр — 95 000, куда входят 65 000 солдат, присутствовавших на параде в Каррах, и 30 000, образовывавших корпус Прокопия-Себастиана, в соответствии с тем, что сообщает Аммиан (Амм., XXIII, 3, 5).⁶ Если добавить к этому числу солдат, размещенных на кораблях, которых, как уже указывалось выше, было 20 000, то мы получим в итоге 115 000 человек. Согласно мнению сторонников малых цифр, 65 000 человек, участвовавших на смотре, — это численность всей армии, включая корпус Прокопия-Себастиана.

На Ктесифон!

И что персидский царь потерпел поражение, когда император уже явился, этому нельзя особенно удивляться, хотя и то поразительно, что трепетал тот, кто привык наводить ужас...

Lib., Or., XVIII, 165; пер. С. П. Шестакова

К началу весны 363 г. все приготовления к предстоящей кампании были окончены. Юлиан выступил из Антиохии 5 марта 363 г. и вечером 9 марта прибыл в Гиераполь, где собрались все войска, которым предстояло принять участие в походе.

12 марта Юлиан оставил Гиераполь и двинулся через Батны к Каррам (совр. Харрану). Пребывание Юлиана в Каррах продолжалось несколько дней, в течение которых он продолжал заниматься сбором необходимого для армии провианта. И тогда же Юлиан тайно передал Прокопию овеществленные символы верховной власти на тот случай, если сам он неожиданно погибнет в Персии.

Чтобы дезинформировать персидскую разведку и скрыть от неприятеля направление главного удара, Юлиан приказал обустроить продовольственные склады вдоль дороги, ведущей к Тигру. Через некоторое время римская армия действительно выступила из Карр к Тигру, получая на складах заготовленную провизию, только командовал ей не Юлиан, а Прокопий и Себастиан. А вот эту немаловажную деталь персидским шпионам удалось выяснить далеко не сразу.

После того как все приготовления были закончены, где-то в окрестностях города с удобного для обзора места император устроил смотр, пожелав увидеть все собранные им войска. Очевидно, только после этого торжественного мероприятия Прокопий и Себастиан оставили Карры и двинулись со своими войсками к Нисибису и далее к Тигру. Сведений о действиях вверенной им группировки в античных источниках практически не сохранилось. Согласно Малале, Шапур, обманутый диверсией корпуса и полагавший, что на него идет сам Юлиан, выступил навстречу со всеми своими сила-

ми. Однако спустя некоторое время царь получил известие, что император находится уже у него в тылу и один за другим захватывает приевфратские города. Как утверждает Малала, Шапур, испугавшись, что может оказаться в окружении врагов, предпочел отступить в Персармению (Malal., XIII, 330, 22—331, 3). Впрочем, вряд ли персидский царь испугался сил, имевшихся в распоряжении Прокопия и Себастиана, а также их армянских союзников. Шапур мог продолжить свое наступление и выйти к Нисибису. Но в этом случае он оставлял бы на произвол судьбы свою столицу... В действительности Шапур испугался не окружения. Он понял, что Юлиан, перенеся военные действия в Нижнюю Месопотамию, как это сделали в свое время Траян, Луций Вер, Кар и Гордиан III, одержал над ним стратегическую победу и близок к тому, чтобы добиться решительного успеха. Осознав свою ошибку, царь забыл о Прокопии и Себастиане и, повернув назад, со всей возможной поспешностью бросился на помощь своей столице.

20 или 21 марта Юлиан также оставил Карры и взял направление на Каллиник (около совр. Ракки), в который его армия вошла 27 марта. Задержавшись здесь на сутки, император продолжил путь, все так же держась берега Евфрата, и в начале апреля вступил в Керкусий — последний римский город, находившийся на границе с Персией.⁷ Сюда же подошел и его флот. Юлиан приказал навести через Абору понтонный мост, по которому армия переправилась на другой берег реки и вступила на персидскую территорию. Видя, что солдаты охвачены энтузиазмом и рвутся в бой, император в окружении высших военачальников взобрался на земляное возвышение и обратился к ним с напутственной речью. Он напоминал солдатам о славе римского оружия и о нанесенных персами обидах, призвал забыть о корысти и мужественно сражаться с врагом. Еще не испытывавшие трудностей похода войска были воодушевлены словами Юлиана: солдаты потрясали щитами и кричали, что преодолеют все опасности под командой столь доблестного вождя.

Переправившись на персидский берег, Юлиан построил войска в походный порядок, поручив командование кавале-

рией комиту Аринфею и персидскому царевичу Хормизде, перешедшему на римскую службу еще при Константине Великом; командование пехотой было возложено на комита Виктора.⁸

Выслав вперед три турмы разведчиков, которые должны были следить, чтобы противник не произвел неожиданного нападения, Юлиан разделил армию на четыре больших каре. Невитта с несколькими подразделениями пехоты шел по берегу Евфрата на правом фланге, в центре с основными силами пехоты — сам Юлиан, на левом фланге находилась кавалерия под командованием Аринфея и Хормизды, арьергард вели Дагалайф и Виктор, и замыкали армию отряды дукса Осроены Секудиана. Обоз Юлиан приказал поместить между флангами армии, чтобы он не мог быть захвачен внезапным набегом неприятеля. Вьючные животные, перевозившие тяжелое вооружение и остальное военное снаряжение, находились впереди обоза вместе со своими погонщиками. Флот должен был сопровождать сухопутные войска, двигаясь так, чтобы, несмотря на изгибы реки, не отставать и не уходить вперед.

Пройдя 60 стадий (около 10,7 км), римляне достигли местечка, называвшегося Зайта,⁹ неподалеку от которого находилась могила (кенотаф) Гордиана III. Здесь Юлиан принес этому обожествленному государю жертвы, после чего армия двинулась дальше и 6 апреля достигла Дуры-Европос. Город лежал в руинах и был оставлен жителями.¹⁰

Первым персидским городом, встретившимся на пути римской армии, была Анафа. Юлиан уже приготовился к ее штурму, однако, увидев вблизи крепостные стены, понял, что подобное предприятие может быть сопряжено с большими потерями, и решил склонить защитников к капитуляции. После недолгих переговоров гарнизон предпочел сдаться. Его командир получил звание трибуна, а впоследствии — должность дукса Египта; все жители Анафы со своими пожитками были отправлены в сирийский город Халкиду. «Среди них, — пишет Аммиан Марцеллин, — оказался один римский солдат, оставшийся в тех местах по болезни во время

вторжения в персидские пределы Максимиана; в ту пору он был, по его словам, юношей с первым пушком на щеках. По обычаю племени (т. е. персов), он взял себе много жен, а теперь, согбенный уже старец с огромным потомством, немало содействовал сдаче крепости и, будучи приведен в лагерь, ссылаясь на свидетелей в том, что он давно знал и предсказывал, что почти столетним стариком будет похоронен на римской земле» (Amm., XXIV, 1, 10; пер. Ю. А. Кулаковского А. И. Сонни).

Не желая тратить силы и время на захват всех персидских крепостей, лежавших у него на пути, Юлиан, стремительно продвигаясь вперед, вел свою армию мимо них, ограничиваясь обещанием гарнизонов сдаться, как только станет ясно, что успех сопутствует его предпрятию.

27 апреля римляне достигли стен Перисаборы или Пероз-Сабура¹¹ — второго по величине города в персидской Месопотамии, находившегося в 50 милях от Ктесифона. Перисабора была окружена со всех сторон рекой наподобие острова и была защищена гораздо сильнее, чем остальные крепости, встречавшиеся до сих пор на пути римской армии. Город был окружен двойным кольцом стен. Его центр занимал акрополь, который находился на плоской вершине крутой горы. Подняться от внутренней стены к акрополю можно было по единственному крутому пути. С запада и юга от города сползали извилистые дороги. Ко всему прочему, с северной стороны Перисаборы был прорыт широкий канал, защищавший жителей от нападений неприятеля и снабжавший их водой, а с восточной стороны — глубокий ров, вдоль которого шел мощный деревянный частокол и стояли большие башни, построенные из обожженного кирпича; их нижняя половина была залита асфальтом, а верхняя дополнительно покрыта гипсом.

После отказа жителей Перисаборы вступить в переговоры была произведена рекогносцировка местности. Построив армию вокруг города тремя кольцами, Юлиан приступил к штурму. Бой за Перисабору продолжался 2 дня,¹² прежде чем командир гарнизона Мамерсид согласился на капитуляцию. В захваченном акрополе Перисаборы римляне обнару-

жили большие запасы зерна, оружия и всякого военного снаряжения. Зерно было погружено на корабли. Оружие, пригодное для римского способа ведения войны, было роздано солдатам, а остальное уничтожено.

На другой день после падения Перисаборы (1 мая) три турмы римской разведки столкнулись с отрядом сурены, подстерегавшим их в засаде. Среди римлян потери были невелики, но пал один из трех трибунов, и врагам удалось захватить одного римского «дракона». Юлиан пришел в негодование из-за этого инцидента и сам во главе конницы бросился вдогонку за персами. В результате неприятель был наголову разбит, а захваченный штандарт возвращен. Двух оставшихся в живых трибунов, командовавших разведчиками, Юлиан отправил в отставку,¹³ а 10 солдат из числа проявивших трусость на поле боя были преданы смерти.

После захвата Перисаборы римская армия, продвигавшаяся до этого вдоль Евфрата, свернула на восток и пошла по правому берегу Наармальхи («Царской реки») — каналу, соединявшему Евфрат с Тигром. Наармальха служила не только для ирригации, но и для навигации, поэтому римский флот беспрепятственно вошел в воды канала и по-прежнему сопровождал армию, обеспечивая ее всем необходимым.

Пройдя за день 14 миль, римская армия подошла к Фисени (1 мая). Чтобы воспрепятствовать движению неприятеля, персы открыли шлюзы каналов. Разлившиеся воды превратили почву в труднопроходимое болото. Юлиан приказал армии разбить лагерь и дал солдатам один день на отдых. Сам же он с инженерными командами отправился вперед, чтобы из мехов и кожаных лодок навести понтонные мосты и сделать гати из нарубленных палым. Согласно Либанию и Зосиму, после того как эта работа была закончена, римляне без особых трудов перешли через затопленный участок. «И тотчас, — пишет Либаний, — на земле много поваленных палым, и много мостов, из них сооруженных, и удобство переправы для массы войска. Он (Юлиан. — *А. Б.*) проявил много ревности и в том, чтобы опередить идущего по мосту, сам вошедши в воду. Так сильное средство врагов было ули-

чено в слабости, и вода, на победу коей рассчитывали, была преодолена» (Lib., Or., XVIII, 234; пер. С. П. Шестакова; ср. Zos., III, 19, 4). Аммиан, напротив, утверждает, что переправа потребовала много усилий (Amm., XXIV, 3, 11), и это гораздо больше походит на правду. К тому же у самого Либания есть описание трудного перехода по затопленной местности, правда, очевидно, вследствие ошибки этот эпизод у него предшествует захвату Перисаборы. «Итак, когда войско наше напало, открыв току воды все входы, они наполнили каналы, и путем их наводнили прочую страну. Эта беда была для них самою тяжкою, причем и всюду наводнение удручало, а в каналах подъем воды одним доходил до груди, другим до лица, некоторых даже покрывал с головою. Итак, делались крайние усилия, чтобы и себя спасти, и доспехи, и провиант, и выючных животных.

Умевающим плавать помогало их искусство, а для тех, кто не умел, беды было больше. И вот одни наводили мосты, другие, не желая медлить, пускались на авось. Тем, кто двигался по высокому, узкому берегу, удавалось выходить сухими, но скользок был узкий путь, а избегавшие такого следовали в воде, и раб протягивал руку хозяину, раба вытаскивал хозяин» (Lib., Or., XVIII, 223—224; пер. С. П. Шестакова).

Совершив переправу, армия двинулась дальше. Уничтожая все, что встречалось им на пути, римляне вырубали пальмы, вырывали виноградные лозы, разоряли брошенные жителями кладовые, в которых они в изобилии находили вино и другие припасы. Враги оказали лишь слабую попытку сопротивления, когда персидские лучники атаковали неприятеля из засады. Однако и этот демарш не остался неотмщенным.

8 мая¹⁴ римляне подошли к Майозамальхе¹⁵ — большому городу¹⁶ с мощными двойными стенами, находившемуся на расстоянии 90 стадий (16.6 км) от персидской столицы. На следующий день Юлиан с небольшой свитой отправился пешком, чтобы провести рекогносцировку местности. В это время через потайные ворота вышли 10 персидских воинов и внезапно бросились на римский отряд. Двое из нападавших

устремились к самому императору. Однако одного из них поразил мечом сам Юлиан, а второго зарубили его телохранители. Оставшиеся в живых враги обратились в бегство.

Как только выяснилось, что гарнизон Майозамальхи глух к предложениям о капитуляции, Юлиан приказал окружить город тройным кольцом осадных щитов. Однако сделать это оказалось непросто, поскольку на подступах к городу располагались обрывы или же скалы, с крутыми выступами. Для преодоления возникших препятствий римлянам пришлось провести масштабные подготовительные работы, во время которых там, где это было необходимо, были воздвигнуты валы, прокопаны траншеи, засыпаны овраги. Невитта и Дагалайф руководили установкой виней и рытьем подкопов (*cuniculos*). Сам император взял на себя защиту осадных сооружений от поджога и атак неприятеля. Комит Виктор был отправлен с войсками вперед, чтобы подготовить для остальной армии дорогу на Ктесифон, строя, где было необходимо, укрепления и мосты.

Когда трубы дали сигнал к началу штурма, римляне построились черепахой и, двигая перед собой осадные щиты, старались подойти как можно ближе к стенам. В то же время метательные машины, установленные на подготовленных позициях, начали непрерывный обстрел противника всевозможными метательными снарядами. Защитники, стоя на стенах, осыпали атакующих градом камней и различных зажигательных снарядов, стараясь разрушить вражеские осадные сооружения. Римляне предприняли несколько приступов, но все они были отражены. Из-за страшной жары, выматывавшей силы солдат, в полдень был дан сигнал прекратить бой. На следующий день повторилась та же ситуация. Но римляне упорно продолжали осаду города. Они подвели к стенам тараны и разрушили одну из крепостных башен, при падении которой обвалилась также и часть крепостной стены. Осаждавшие ринулись в образовавшуюся брешь и вступили в рукопашную схватку с защитниками. Жестокий бой, продолжавшийся с большими потерями для обеих сторон, был прекращен только после захода солнца.

День еще не был завершен, когда Юлиану, бдительно следившему за происходившим сражением, было доложено, что подкоп под фундамент стены закончен. Тогда было решено всеми силами предпринять ночной штурм. После полуночи римляне пошли в атаку с двух сторон, отвлекая внимание персов от того места, под которое был проведен подземный ход.

Задуманное предприятие было с успехом исполнено. В то время как защитники города поднялись на стены для отражения вражеской атаки, три римских подразделения — *Ланциарии*, *Маттиарии* и *Викторы* — проникли в город через тоннель. Первым из подкопа выскочил Экссуперий,¹⁷ солдат из подразделения *Викторов*, вслед за ним — трибун Магн и примицерий нотариев Иовиан. Поднявшись наверх, солдаты бросились к центру Майозамальхи, убивая всех, кого встречали на пути. «Пробитые во многих местах стены не давали более защиты обреченному на гибель городу, а вступившие в него разгневанные победители рубили всех, не различая ни пола, ни возраста; некоторые жители в страхе перед неминуемой гибелью, под угрозой огня с одной стороны и меча — с другой, оплакав свой конец, сами бросились вниз со стен и, совсем разбившись, сохраняли некоторое время жизнь, более жалкую, чем смерть, пока не приканчивал их меч победителя» (Amm., XXIV, 4, 25; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Командир персидского гарнизона Набдат¹⁸ сдался на милость победителя со всеми своими 80 телохранителями. Юлиан, радующийся своей победе, даровал жизнь ему и его людям. Майозамальха была полностью разграблена, укрепления и дома разрушены до такой степени, что ничто не напоминало более, что на этом месте стоял когда-то большой и многолюдный город.

На следующий день армия уже выступила в путь. Оставив позади какое-то количество небольших персидских укреплений, римляне достигли окрестностей города Мейнас Сабата, расположенного на расстоянии 30 стадий (ок. 5.5 км) от руин Селевкии (Кохи),¹⁹ лежавших на левом берегу Наармальхи. Дав войскам двухдневный отдых, Юлиан послал лег-

ковооруженных всадников-разведчиков вперед, чтобы захватить Мейнас Сабату. Сам же он с другим отрядом переправился на противоположный берег канала, желая осмотреть развалины Селевкии. Здесь он увидел распятых на крестах родственников Мамерсида, сдавшего Перисабору, и там же был сожжен живьем Набдат, командовавший гарнизоном Майозамальхи.

В окрестностях Мейнас Сабаты римские разведчики столкнулись с отрядом персидских всадников. Пока шло это кавалерийское сражение, другой персидский отряд переправился с противоположного берега Наармальхи и, воспользовавшись тем, что римский лагерь охранялся не очень бдительно, напал на прислугу, присматривавшую за выючными животными, и фуражиров. В результате многие из обозных были убиты, а некоторых увели в плен.

Юлиан был сильно раздражен этим происшествием и решил захватить Мейнас Сабату, которая была сильно укреплена и располагалась на труднодоступной возвышенности. Когда император с отрядом телохранителей, будучи, очевидно, на безопасном расстоянии от вражеских стен, производил рекогносцировку местности, то он едва не погиб, поскольку персы стали обстреливать римский отряд из метательной машины, обозначенной Аммианом как *tormentum murale*. Так называли машины, применявшиеся во время осад для разрушения вражеских стен. Вероятно, персы воспользовались крупной баллистой, что стало полнейшей неожиданностью для римлян.

Гарнизон города был настроен очень решительно, поскольку получил известие, что Шапур скоро подойдет со всеми своими силами. К тому же судьба тех, кто сдал римлянам введенные им города, должна была отбить у защитников любую охоту вступать в переговоры с неприятелем. Однако римляне со всей энергией принялись за осаду. Приступы следовали один за другим до тех пор, пока наконец защитники не заключили с нападавшими тайное соглашение и не сдали крепость.

После всех последних событий, произошедших под Мейнас Сабатой, римская армия находилась в подавленном со-

стоянии и чувствовала себя уставшей от перенесенных трудов. Очевидно, именно в этот момент, чтобы взбодрить своих солдат, поблизости от персидской столицы Юлиан устроил конские ристания. «Он же... выровнял ипподром, — пишет Либаний, — созвал всадников на состязание, назначил призы коням; зрителями же состязаний стали, таким образом, сверх своих, враги, причем первые сидели внизу, вокруг места состязания, а вторые смотрели с парапетов стен...» (Lib., Or., XVIII, 249; пер. С. П. Шестакова).²⁰

Отдохнув, армия продолжила свой путь и вышла к «каналу Траяна», соединявшему Наармальху с Тигром. Несмотря на свое название, канал, несомненно, был прокопан Селевком Никатором во время строительства Селевкии на Тигре. В эпоху Траяна он был перегорожен и осушен. Траян не пытался воспользоваться им, поскольку опасался, что в результате соединения Тигра с Наармальхой уровень воды в последней понизится, так как канал находился на более высоком уровне, чем река. Поэтому он приказал перетащить свои корабли до Тигра посуху, благо расстояние было не слишком большое.

«Канал Траяна», длина которого составляла 30 стадий (5.31 км), был уже давно засыпан персами, когда Юлиан со своей армией подошел к Селевкии. Император знал о его существовании благодаря изученным им книгам. Однако для того, чтобы отыскать его, пришлось допрашивать туземцев. Когда, наконец, месторасположение канала было установлено, Юлиан распорядился расчистить его, после чего римский флот смог беспрепятственно войти в Тигр. Сухопутная армия переправилась на левый берег Наармальхи по наведенным мостам и двинулась к Тигру. Дойдя до Кохи, Юлиан приказал сделать привал и стал готовиться к переправе через Тигр.

На противоположном берегу Тигра персы сосредоточили большую армию. «Появилась самая испытанная часть персидского войска, — сообщает Либаний, — и заняла берег сверкающими щитами, ржущими конями, луками тонкой отделки, громадами слонов, которым не труднее топтать ряды

войска, чем колосья» (Lib., Or., XVIII, 248; пер. С. П. Шестакова). Во главе этих сил стояли высшие персидские военачальники: Пигран, Нарсей²¹ и сам сурена. Берег, на котором находилась персидская армия, был очень крутым и высоким. Кроме того, как утверждает Зосим, вдоль него шла стена, которая огораживала царский парк, где содержались различные животные, однако она была укреплена для отражения вражеской атаки (Zos., III, 25, 2). Поэтому, казалось, что любая попытка римлян высадить десант будет обречена на провал. Аммиан Марцеллин, Либаний и Зосим единодушны в том, что идея Юлиана форсировать реку и вступить с противником в бой вызвала сопротивление как в рядах офицерского, так и рядового составов (Amm., XXIV, 6, 5; Lib., Or., XVIII, 250; Zos., III, 25, 2). Согласно Либанию, офицер, командовавший большей частью армии (имени его он не называет),²² высказался против переправы, указывая на неприступность берега и численное превосходство противника. В ответ на это Юлиан отстранил его от командования, передав руководство предстоящей операцией Виктору (Lib., Or., XVIII, 250—251).

Из всех античных авторов Либаний — единственный, кто дает правдоподобное объяснение причин, заставивших Юлиана отважиться на это опасное предприятие. «Таким образом, — пишет Либаний, — враги были перед ними, лицом к лицу, река с обеих сторон, одна вблизи, та, чье течение направлено искусственно, другая дальше, и другое персидское войско, позади же все пространство страшно опустошено, не позволяя идти назад тем же путем» (Lib., Or., XVIII, 248; пер. С. П. Шестакова; ср. Soz., VI, 1). Коротко говоря, у римлян не было альтернативного варианта, и, не имея возможности отступить, они должны были во что бы то ни стало переправиться через Тигр и выйти к Ктесифону.

Император распорядился разгрузить самые крупные транспортные суда и посадить на них по 80 тяжеловооруженных солдат. Затем он разделил флот на 3 части: две из них он оставил при себе, а одну, в составе пяти кораблей,²³ под командованием Виктора с наступлением ночи²⁴ отправил для

высадки десанта на вражеском берегу. Но когда эта небольшая эскадра уже почти пересекла реку, персы обрушили на нее ливень зажигательных снарядов, и недолгое время спустя все суда оказались в объятиях пламени. Наблюдавшие с берега за происходящим римские солдаты были охвачены страхом, но Юлиан пошел на хитрость и возвестил, что десант уже достиг цели, а горящие корабли — это условный знак, поданный им для остальной армии. После этого император приказал начать переправу. Охваченные воодушевлением солдаты поднялись на корабли, многие бросались в воду и, ложась на свои щиты, переплывали бурный, пенящийся в водоворотах поток. Добравшись до мелководья, римляне вступили в бой с врагом, овладели берегом и спасли десантные команды, пребывавшие в крайне опасном положении на полуобгоревших судах.

Юлиан выстроил свои войска в три боевых линии и вступил в сражение. Персы также образовали три линии: первая состояла из катафрактов, вторую образовывали пехотинцы, а позади них находились слоны. Бой продолжался с полуночи до полудня. Наконец первая линия персидского боевого порядка стала отступать, сначала медленно, сохраняя порядок, однако через некоторое время под напором противника обратилась в бегство. Это послужило сигналом для остальной массы персидского войска. Римляне при поддержке союзных готских отрядов преследовали врага до самых ворот Ктесифона. По утверждению Аммиана, они могли, смешавшись с бегущими, ворваться в персидскую столицу, однако Виктор, испугавшись, что солдаты окажутся запертыми среди врагов, приказал остановить преследование (Amm., XXIV, 6, 13).

Победа римлян была более чем убедительной: они потеряли всего 70 человек, а их противник — 2500.²⁵ Персидский лагерь, разбитый на берегу Тигра, был захвачен. В нем была обнаружена огромная добыча: большое количество золота и серебра, всевозможные виды украшений, серебряные ложки и столики. Достигнутый успех был несколько омрачен тем, что Виктор, сыгравший выдающуюся роль в этом бою, был ранен в плечо (или в руку) стрелой, выпущенной из катапульты.²⁶

Но какой бы впечатляющей ни была одержанная победа, нельзя не отметить, что, если бы у Юлиана оказались под рукой свежие резервы или же его солдаты меньше уделяли бы внимания грабежу вражеского имущества,²⁷ в руках победителей мог оказаться не только персидский лагерь, но и персидская столица, ради захвата которой и затевалось все предприятие. Впрочем, по-видимому, нельзя было требовать большего от людей, которые в сложнейших условиях переправились через беспокойный поток Тигра и в течение многих часов вели бой с противником, занимавшим очень хорошо укрепленную позицию. Ведь если операция была начата с приходом ночи, а закончилась к концу дня, то это значит, что армии пришлось без перерыва вести активные действия в течение 12 часов! Думается, что Юлиан не был настолько наивен, чтобы рассчитывать на то, что в сложившейся ситуации Ктесифон будет захвачен с ходу.

По следам Александра?

Согласно с мнением Пифагора и Платона о переселении душ, он вообразил, что в нем живет душа Александра или, лучше, что он сам Александр в другом теле.

Согр., III, 21; пер. под ред. И. В. Кривушина

После одержанной победы армия разбила лагерь на левом берегу Тигра, в селении под названием Абузата, и стояла здесь в течение пяти дней (8.06—12.06). Это был определяющий момент для всей дальнейшей судьбы кампании. Довольно длительное бездействие армии вблизи персидской столицы объясняется тем, что римское командование должно было решить, как действовать дальше. До этого все передвижения и военные операции армии проводились в соответствии с заранее разработанным планом. Следующий этап похода определялся исключительно сложившимися обстоятельствами. И у Юлиана, очевидно, не было готового ответа на вопрос, как действовать дальше.

Есть основания полагать, что в это время персидский царь (несомненно, лишь для того, чтобы затянуть время) пытался вступить с Юлианом в переговоры. Либаний несколько раз (Lib., Or., I, 133; XVIII, 256—259; XXX, 41) сообщает о прибытии царского посланника, который, благодаря посредничеству Хормизды, должен был встретиться с императором и оговорить условия мирного соглашения. Сократ Схоластик также пишет о попытках персидского царя заключить мир, даже ценой уступки некоторых территорий (Socr., III, 21).

Юлиан собрал военный совет, на котором были обсуждены различные предложения, касавшиеся будущего кампании. Может показаться удивительным, но, дойдя до Ктесифона — главной цели похода, римское командование вынуждено было признать, что в сложившихся обстоятельствах осада города сделалась невозможной. Некоторые исследователи полагают, что отступление Юлиана от стен персидской столицы было ошибкой. Примеры Траяна, Септимия Севера и Кара демонстрируют, что Ктесифон не был таким уж неприступным и вряд ли его укрепления в 363 г. стали более мощными, чем во втором или третьем веках. Но отказ от осады был вызван не тем, что город был сильно укреплен, а в его стенах находился многочисленный гарнизон. Последний был в значительной степени деморализован поражением, понесенным в произошедшей накануне битве, поэтому, какой бы толщины стены ни окружали город, рано или поздно римляне все равно овладели бы им.

Внесение изменений в первоначальный план было спровоцировано куда более важным обстоятельством: когда римляне дошли до Ктесифона, Шапур со всей своей армией был уже где-то рядом и защитники столицы ждали его скорого появления. Таким образом, если бы дело затянулось, то осаждавшие сами могли бы оказаться на положении осажденных.

Одним из центральных вопросов, разбиравшихся на совете, был, очевидно, вопрос, касавшийся корпуса Прокопия-Себастиана, не сумевшего подойти в намеченное время к Ктесифону. Каковы были причины, помешавшие римским

командующим сделать это, можно только гадать. Из отдельных указаний источников становится ясно, что между армянским царем и римскими полководцами произошел разрыв и царь увел домой свои войска. Оставшись в одиночестве, Проконий и Себастиан не смогли выработать совместный план действий: в то время как один из них настаивал на необходимости двигаться вперед, другой считал это несвоевременным (Lib., Or., XVIII, 260).

Второй вопрос мог касаться подосланных персами проводников и перебежчиков, о которых сообщают нам некоторые античные историки. Нет ничего невероятного в том, что римская армия столкнулась с подобной проблемой, правда, определить, в чем заключалась роль изменников, достаточно сложно. Согласно Аммиану, именно поверив «дурным проводникам» (*infaustis ductoribus*), Юлиан сжег свои корабли и двинулся в глубь Персии (Amm., XXIV, 7, 3; 5). Но здесь в тексте Аммиана содержится явное противоречие: подавившись уговорам предателей-проводников, император сжигает свой флот и принимает решение идти на северо-восток; когда же злой умысел был раскрыт, то он тщетно пытается потушить пылавшие суда (Amm., XXIV, 7, 5), после чего все равно идет в направлении, указанном ему проводниками. Различные попытки объяснить это противоречие неубедительны. По всей видимости, в тексте произошла какая-то путаница.

Таким образом, получив сведения о том, что корпус Прокония-Себастиана задерживается, и будучи вынуждено отказаться от штурма Ктесифона, римское командование теоретически могло обсуждать 4 варианта дальнейшего развития кампании:

- 1) отступать назад вдоль Наармальхи к Евфрату и далее в римскую Месопотамию;
- 2) заключить мирное соглашение с персами;
- 3) возвращаться, поднимаясь на юг вдоль Тигра, в надежде встретить Прокония и Себастиана;
- 4) наконец, выступить против Шапура и дать ему генеральное сражение.

В действительности, первый из предложенных вариантов вряд ли мог выноситься на рассмотрение даже в качестве альтернативного: если бы римляне двинулись к Евфрату, им пришлось бы идти по самими же опустошенной территории. Кроме того, почти все собранные Юлианом суда были грузовыми.²⁸ Судя по имеющимся изображениям, конструкция подобных кораблей подразумевала в лучшем случае наличие нескольких пар весел, расположенных в кормовой и носовой частях, для облегчения управления судном, идущим вниз по течению. Двигаться самостоятельно вверх по реке они не могли. В таком случае их пришлось бы тащить, используя бурлацкую тягу, а учитывая бурное течение Тигра, это потребовало бы мобилизации очень большого количества людей. Жара, от которой и без того страдали римляне, сделала бы подобный труд вдвойне изнурительным, не говоря о том, что при таком раскладе не хватало бы сил для проведения крупных военных операций.

О мирном договоре с персами (если такие предложения, конечно же, поступали) Юлиан не хотел и слышать и даже не пожелал встретиться с персидским посланцем, а отправил его восвояси.

Решение, которое было первоначально принято на совете, Аммиан называет «лучшим» (*sententia melior*) (Amm., XXIV, 7, 2). Что это было за решение, он не поясняет. Мы можем лишь предположить, что большинство военачальников Юлиана высказалось за то, чтобы прекратить кампанию и двигаться в южном направлении, имея Тигр с левой стороны. Тем не менее Юлиан неожиданно отказался от принятого на совете плана. «Но потом, — передает Аммиан, — император поддался своему стремлению идти вперед, не стал обращать внимания на предостережения и упрекал своих командиров в том, что они из трусости и желания спокойствия советуют ему отказаться от завоеванного уже Персидского царства» (Amm., XXIV, 7, 3; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Стараясь объяснить эту внезапную перемену, античные авторы приписывают Юлиану амбициозные надежды повторить поход Александра Великого. Так, согласно Сократу

Схоластику, император поверил предсказаниям прибывшего к нему философа Максима, обещавшего, что поход завершится победой. Эти слова будто бы так сильно повлияли на него, что он намеревался превзойти Александра своими подвигами (Socr., III, 21). Либаний утверждает, что император «возгорелся желанием и узреть Арбелу, и пройти через нее, без битвы или с боем, так, чтобы вместе с победой Александра воспевалась и эта победа» (Lib., Or., XVIII, 262; пер. С. П. Шестакова), и что он помышлял о Гиркании и Индии (Lib., Or., XVIII, 262).

Впрочем, подобные толкования действий Юлиана могут быть всего лишь попыткой найти логическое объяснение постигшей его неудачи. В действительности желание Юлиана идти в глубь Персии было продиктовано не его стремлением дойти до Инда, а надеждой как можно быстрее встретиться с Шапуром и вступить с ним в генеральное сражение. Если бы ему удалось одержать решительную победу, то не только участь Ктесифона была бы решена, но и война, длившаяся со времен Константина, окончилась бы подписанием мирного договора на самых выгодных для Империи условиях. Однако Юлиан не знал точно, где находится персидский царь со своими войсками. Ему было известно только то, что он приближался.

Продвижение в восточном от Ктесифона направлении, которое предпринял Юлиан, было весьма недолгим. И когда стало ясно, что персы уклоняются от крупного столкновения, император вернулся к первоначальному решению, принятому на совете.

Намерение Юлиана уйти от берегов Тигра поставило вопрос о судьбе римского флота, который более уже не мог быть полезен для армии. Аммиан считает роковой ошибкой приказ императора уничтожить основную часть кораблей (Amm., XXIV, 7, 4). В отличие от Аммиана, Либаний совершенно верно объясняет логику действий Юлиана: «...Суда, согласно раньше принятому решению, были преданы огню; это было лучше, чем передавать их врагам. Так же, конечно, поступили бы и тогда, если бы первого решения не состоя-

лось, а восторжествовало бы решение вернуться. Дело в том, что напор на корабли с носа сильного и быстрого течения Тигра вызвал потребность большого числа рук для кораблей и сверх половины войска потребовалось бы для волока их» (Lib., Or., XVIII, 262; пер. С. П. Шестакова).

Важно отметить, что принятое Юлианом решение о дальнейшей судьбе кампании не было поддержано его генералитетом. Солдаты с еще меньшим энтузиазмом отнеслись к намерению императора идти в отдаленные области Персии. По мере того как трудности похода возрастали, их неудовольствие только увеличивалось, грозя перерасти в открытый бунт.

Из всех кораблей Юлиан оставил лишь несколько небольших судов, которые погрузили на телеги, с тем чтобы в случае необходимости использовать для наведения понтонных мостов, как пишет Аммиан. Когда римская армия возвратилась к Тигру и продолжила свой путь вдоль его берега, большая часть этих судов была вновь спущена на воду и образовала небольшую флотилию.²⁹

Солдаты из команд сожженных судов были присоединены к сухопутной армии, что было немаловажно, ввиду предполагаемого столкновения с главными силами персов. Собрав воедино все имевшиеся в наличии силы, Юлиан сначала двинулся, как и предполагал, во внутренние области Сасанидской державы, рассчитывая здесь найти территории, богатые продовольствием и фуражом.

Оставив Ктесифон, Юлиан двинулся на северо-восток к Ноорде. Этот город был занят римлянами 15 июня. По Созомену, римская армия совершила трехдневный переход и оказалась в пустынных и лишенных какой-либо растительности местах, куда была заведена по злему умыслу проводника-перса (Soz., VI, 1).³⁰ Аммиан сообщает, что персы специально подожгли траву вместе с уже созревшим хлебом на пути у римлян. Задержанная этим пожаром армия была вынуждена остановиться и разбить лагерь. Но даже если римляне были с умыслом заведены в пустынную местность, то большой беды в произошедшем не было, поскольку расстоя-

ние по прямой от Ноорды до Тигра составляет приблизительно всего 25—30 км.

Тем не менее неопределенная ситуация вместе с возросшей опасностью привели к тому, что усилилось раздражение среди тех, кто не желал дальнейшего продолжения похода. Солдаты продолжали жалеть о сожженных кораблях и выражали свое возмущение сложившейся ситуацией. Юлиан попытался успокоить недовольных. Для этого он приказал привести персидских пленников и, показав их своим солдатам, сказал: «Смотрите вы, которых делает мужами отважный дух, на безобразных и грязных козлов, которые, как мы узнавали это не раз на деле, обращаются в бегство, бросив оружие прежде, чем дело доходит до рукопашного боя» (Аmm., XXIV, 8, 1; пер. А. Ю. Кулаковского, А. И. Сонни). Впрочем, очевидно, этот эффектный демарш не возымел того гальванизирующего действия, какое он оказал на греческих наемников Кира Младшего.³¹ Солдаты не хотели идти за своим предводителем, и в этот момент им было неважно, насколько слаб или силен был их предполагаемый противник. Победа обычно достается той армии, которой командуют лучшие военачальники и которая состоит из солдат более дисциплинированных и более привыкших к слепому послушанию. К последней категории солдаты Юлиана явно не принадлежали, а их командиры уже давно были не на стороне императора.

В войсках в любой момент мог вспыхнуть мятеж. Если Констанций опасался бунта из-за затянувшегося стояния под Безабдой, то Юлиан, имея под своим командованием тех же самых солдат, рисковал намного больше, увлекая их за собой в дремучие глубины Азии. Главное правило на войне, о котором должен помнить любой военачальник, какой бы славой ни было овеяно его имя, — никогда не отдавать приказа, если не уверен, что его выполнят. Что делать: какими бы заманчивыми и перспективными ни были провозглашенные идеи, какими бы впечатляющими и убедительными ни казались примеры предшественников, проделавших тот же путь, они мало что стоят для тех, кто утратил веру. Люди гото-

вы жертвовать собой лишь тогда, когда они действительно ждут успеха, а не тогда, когда бессмысленность жертв очевидна.

Видя, что предел терпения армии уже исчерпан, Юлиан вновь собрал военный совет. Вероятно, только теперь, не получив никаких вестей от Прокопия и Себастиана, император был вынужден смириться с произошедшим: не имея надежды на то, что ему удастся в скором времени встретить армию Шапура, и, учитывая общее настроение армии, он не имел причин продолжать движение в выбранном направлении.

При обсуждении, как передает Аммиан, были высказаны различные мнения, однако в это время возмущение солдат достигло своего предела, и они стали кричать, требуя, чтобы их вели назад тем же путем, по которому они шли раньше. Император, как и многие члены совета, решительно воспротивился этому желанию, доказывая, что невозможно было двигаться по опустошенной местности, лишенной подножного корма и хлеба, которая к тому же стала трудно проходима из-за рек, вышедших из берегов в результате таяния снегов в горах.

«К трудностям общего положения, — пишет Аммиан, — присоединилось и то, что в тех местах в жаркое время года все кишит роями мух и комаров, которые закрывают свет солнца днем и блистание звезд ночью. Так как человеческий разум не указывал нам выхода в этих колебаниях и сомнениях, то, устроив жертвенники и принеся жертву, мы испрашивали совета богов, идти ли нам через Ассирию, или же, медленно продвигаясь у подошвы гор, неожиданно вторгнуться в Хилиоком близ Кордуэны» (Amm., XXIV, 8, 3—4; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Наконец, после долгих раздумий и сомнений было решено идти вдоль Тигра на Кордуэну.

Не исключено, что для Юлиана изменение маршрута движения армии не было еще свидетельством окончательного крушения его завоевательных планов. Отказавшись от возможности встретиться с Шапуром в бою, император все еще рассчитывал, что, повернув на север и поднявшись вдоль

Тигра, он встретит корпус Прокопия и Себастиана, после чего сможет продолжить опустошение персидской территории к востоку от Тигра.

Шестнадцатого июня римляне снялись с лагеря и начали отступление, а к вечеру того же дня они достигли Барсафты, располагавшейся недалеко от Тигра. Здесь они снова обнаружили, что весь фураж сожжен неприятелем.

Продолжая свое отступление, римляне сильно страдали от жары и от непрестанных нападений неприятелей, что сильно замедляло их движение. Персы пока не вступали с римлянами в генеральное сражение, но их кавалерийские отряды, состоявшие как из персидских всадников, так и из сарацин, постоянно нападали на римский арьергард.

20 июня римляне достигли области под названием Маранга,³² где и разбили лагерь. На следующий день они сделали еще один переход, продолжавшийся, возможно, не только в течение дня, но и даже какую-то часть ночи. А на рассвете 22 июня перед римским лагерем появились персидские войска под предводительством начальника конницы Мерена³³ и двух сыновей Шапура. Завязалось ожесточенное сражение, в котором победа оказалась на стороне римлян.

После этого столкновения римская армия продолжала свой путь, медленно продвигаясь вдоль Тигра на север. Вечером 25 июня она дошла до Туммары, находившейся, вероятно, в 40 км от Маранги, немного южнее Сумеры. В Туммаре, не найдя никакой провизии, поскольку персы заблаговременно собрали все свои запасы и укрыли в хорошо защищенных крепостях, римляне стали острее ощущать нехватку съестных припасов. Поэтому солдатам раздали значительную часть продовольствия, которое везли обозные лошади трибунов и комитов, а сам император приказал распределить по беднейшим контуберниям все, что было запасено для его собственного стола.

Утром 26 июня римляне оставили свой лагерь и двинулись в путь. Аммиан сообщает, что персы неотступно следовали за ними, идя по холмам, справа и слева (Amm., XXV, 3, 1). Это указывает на то, что отступающая армия отклони-

лась немного к востоку от берега Тигра, несомненно, только потому, что этот маршрут был более удобен для ее движения.

Утро подходило к концу, римская армия уже находилась в нескольких километрах к югу от Сумеры (Сумы), в местечке, называвшемся Фригия, когда Юлиан получил известие о неожиданном нападении противника на римский арьергард. Император бросился на помощь, не надев панциря, схватив лишь щит. В это время ему сообщили, что персы ударили на авангард римского походного порядка. Тогда Юлиан кинулся на помощь войскам на этом участке и ворвался в первые ряды сражавшихся, оторвавшись от своих *кандидатов*. Внезапно отряд персидских катафрактов врвался в центр римской армии. Левое крыло римлян подалось. Персы ввели в бой слонов и отряды, вооруженные различным метательным оружием, и стали окружать противника. Однако легковооруженным римским подразделениям удалось повернуть слонов вспять. Юлиан, подбадривая своих солдат, кричал им, что враг уже отступает...

Было около двух часов пополудни, когда внезапно брошенное кем-то кавалерийское копье³⁴ оцарапало Юлиану руку и, пройдя между ребер, поразило его в печень. Император безуспешно попытался вырвать копье из раны, но лишь порезал пальцы острыми краями наконечника и упал с коня.³⁵ Подбежавшие к Юлиану солдаты подняли его на щит и вынесли с поля битвы. Для раненого императора была тут же разбита палатка, где ему была оказана медицинская помощь. Первое время Юлиан пырвался подняться и вернуться в бой, однако кровотечение из раны не останавливалось, и он был вынужден отказаться от своего намерения.

Либаний, безмерно превозносящий подвиги Юлиана, утверждает, что персидский царь уже не верил в возможность победы и боялся, что, захватив плодородные земли, римляне останутся зимовать в его стране. Поэтому он снова помышлял вступить с императором в переговоры о мире, назначил послов и приготовил соответствующие дары. Однако в тот день, когда посольство должно было отправиться во

вражеский стан, строй движущейся римской армии из-за частых нападений противника на какое-то время оказался разорван. К тому же начавшийся вдруг сильный вихрь поднял клубы пыли, препятствуя тем самым восстановить порядок.³⁶ Именно в этот момент, когда Юлиан в сопровождении одного лишь слуги помчался к месту разрыва, он получил смертельную рану копьем и упал с коня (Lib., XVIII, 268—269).

После того, как раненого Юлиана унесли в лагерь, сражение приобрело еще более ожесточенный характер. Построившись фалангой, римляне перешли в контратаку на левом фланге. Персы осыпали их тучей стрел, а впереди снова пустили слонов, но, несмотря на это, были отброшены (Amm., XXV, 3 10—11). На правом фланге, напротив, персы оказались сильнее, и отступить пришлось римлянам. Здесь был убит магистр официй Анатолий, командовавший императорской гвардией, а префект претория Саллюстий упал с коня и также неминуемо погиб бы, если бы кто-то из его свиты не спешился и не помог ему бежать. Вместе с ним с поля боя бежало 2 подразделения skutariев, входивших в состав гвардейских схол. Шестьдесят человек, вероятно, из тех же гвардейских отрядов, заняли пустовавшее укрепление, которое персы использовали, чтобы напасть на римлян. После чего они были осаждены неприятелем и защищались в течение 2 дней, последовавших за битвой. Лишь на третий день они смогли соединиться с остальной армией.

Беспощадный и яростный бой шел до того момента, пока ночь не развела враждующих. Потери были большими с обеих сторон. Среди высших персидских командиров пали 50 знатнейших вельмож (*optimates*) и сатрапов. Погибли и персидские верховные военачальники Мерена и Ногодар. Сколько персы потеряли рядовых воинов, Аммиан не сообщает, ограничиваясь лишь замечанием, что их было огромное количество (Amm., XXV, 3, 13).

Юлиан умер в полночь.³⁷ Его последними словами была фраза: «О, Гелиос, ты погубил Юлиана!» (Malal., XIII, 332, 29). Это была невосполнимая потеря. «...В то время как все прочее оставалось по-прежнему, — восклицает Либаний, —

мужи, оружие, кони, командиры, отряды, пленники, казна, провиант, с одной перемены личности царствующего все пошло прахом» (Lib., Or., XVIII, 276; пер. С. П. Шестакова). Великих людей нельзя заменить никем. Как нельзя заменить великого художника, не успевшего закончить свою картину, так нельзя заменить и великого мыслителя, великого государственного лидера или великого военачальника, ибо деятельность этих людей — искусство, их способности — дар, ниспосланный свыше, ибо несомненно, что подлинная гениальность — качество врожденное, ее нельзя просто воспитать в человеке, а тем более научиться ей. Весь прогресс и культура человечества покоятся исключительно на врожденных гениальности и энергии личностей, это не продукт усилий большинства. Юлиан — один из тех немногих, кто своими жизнью и смертью наглядно продемонстрировал это.

Уже в древности ходили различные версии того, кому принадлежало копье, нанесшее императору смертельную рану. Симптоматичным может считаться тот факт, что убийцей называли не только персидского или сарацинского всадника, но и кого-то из римских солдат. Аммиан сообщает о перебежчиках, рассказавших персам, что император был убит римским копьем (Amm., XXV, 6, 6). Либаний ничуть не сомневается в подлинности подобной версии гибели Юлиана: «Кто же был его убийцей, стремится услышать иной. Имени я не знаю, но что убил его не враг, явным доказательством является то, что ни один из врагов не получил отличия за нанесение раны. А между тем персидский царь через бирючей вызывал убившего для отличия, и, явившись, таковому предстояло получить великую награду. Но никто, даже из любви к отличиям, не был столь тщеславен» (Lib., Or., XVIII, 274; пер. С. П. Шестакова; ср. Or., XXIV, 6). Убийцей Юлиана Либаний называет некоего сарацина-таинца, который был нанят кем-то из римского лагеря (Lib., Or., XXIV, 6; ср. 8; 11). Ритор убежден, что императора погубили христиане за его попытку возродить языческую религию (Lib., Or., XVIII, 275). «...Некоторые скажут, что я сочиняю убийство, кото-

рого не было, что умертвил его один из врагов. Я же стану говорить о том, что перс не дерзнул бы пробраться в центр войска с намерением умертвить и что, если бы их было большое число, они и истребили бы большое число, на самом же деле умирает один, и никто из находившихся вблизи и телохранителей не пострадал нисколько, да и намерения к тому не было, ведь целью подвига, на который он был послан, был этот человек» (Lib., Or., XXIV, 17; пер. С. П. Шестакова). Созомен считает такое объяснение вполне правдоподобным (Soz., VI, 2).

Филострогий также передает, что в окружении Юлиана многие считали произошедшее делом рук кого-то из приближенных к императору, «так как рана была нанесена стремительно и внезапно и не успели даже заметить, откуда последовал удар» (Philostr., VII, 15; пер. В. А. Дорофеевой). Небезынтересной может показаться также деталь, сообщаемая тем же Филострогием, что после того, как из тела императора извлекли наконечник копья, один из телохранителей бросился на сарацина, нанесшего роковой удар, и отрубил ему голову. Возможно, таким образом осведомленные о заговоре лица устраняли ставшего опасным свидетелем исполнителя задуманного ими преступления. С другой стороны, этот факт объясняет, почему никто не откликнулся на призыв персидского царя и не пришел к нему за наградой.

Убийцей Юлиана не обязательно должен был стать христианин. Скорее всего, религиозная политика императора не имела к произошедшей трагедии никакого отношения. Если вспомнить, с каким нежеланием армия продолжила поход, уходя из-под стен Ктесифона, то станет ясно, насколько высока была степень раздражения солдат против Юлиана в тот момент, когда в настоящем они не могли ждать ничего, кроме трудностей, опасностей, лишений и смерти. Существует даже мнение, что в армии мог созреть заговор против Юлиана. Это вполне вероятно, если учесть то, что еще до начала похода военные предприняли попытку насильственного устранения императора (Lib., Or., XVIII, 199). Поэтому слова Созомена, что виновником трагедии был римский всадник,

бросивший свое копье в порыве гнева за то, что из-за безрассудства императора армия оказалась в столь бедственном положении (Soz., VI, 1), могут иметь под собой реальную основу. Впрочем, молчание авторов, принимавших участие в походе (Евтропия, Аммиана и, несомненно, Оривазия и Магна), относительно личности убийцы императора наглядно свидетельствует о том, что этот человек остался неизвестным.

Да, доблесть (*virtus*) Юлиана была равна его счастью (*felicitas*). Но счастье изменчиво, и поэтому, принимая судьбоносные решения, опасно постоянно полагаться на него. Юлиан слепо верил в бывшее величие Римского мира, не отдавая себе отчета в том, что оно давно уже превратилось в гниль. Поэтому его, алчущего подвигов и воинской славы, раздирало противоречие между амбициями, подогретыми победами над германцами, и возможностями для удовлетворения этих амбиций. Юлиан, несомненно, был полным кипучей энергии одаренным молодым человеком, для которого никакое разочарование было не в силах умерить желание сравняться с самыми знаменитыми героями древности. Это желание пропитывало все его поступки, окрашенные в красно-черные цвета жертвенности и фанатизма, он не умел признавать поражения и отступать перед явной невозможностью осуществления своих планов. Подобная целеустремленность может порой привести к самому блестящему результату. Но она будет лишь приманкой, которую жестокая в своей расчетливой изобретательности судьба оставит опьяненному жаждой славы мечтателю на пути, в конце которого его неизбежно будет ждать бездонная пропасть...

Во всех своих делах, и как государственный деятель, и как полководец, Юлиан обнаружил гораздо больше рвения, нежели умения. Его предшественник, проигравший персам как минимум два крупных сражения, тем не менее, официально не отказался ни от одной провинции. Не желавший или бывший не в состоянии понять, что со времен Александра и Цезаря мир сильно изменился, Юлиан расплатился за свои иллюзии жизнью, а Римской державе они стоили сильнейших потрясений.

Мир необходимый, но...

О, великое войско, о сколько повергнутых городов, сколько трофеев, о кончина, недостойная такого духа.

Lib., Or., XVIII, 282; пер. С. П. Шестакова

Смерть Юлиана заставила римское командование немедленно позаботиться о выборе нового императора. Это было нужно хотя бы для того, чтобы иметь возможность вступить в переговоры с персами. Высшие офицеры не решились взять на себя всю ответственность за принимаемое решение и пригласили на совет всех командиров пеших и конных подразделений. На рассвете 27 июня собравшиеся попытались назвать имя того, кто станет во главе армии и всей Империи. Те, кто служил под началом Констанция (Аринфей, Виктор и другие), хотели, чтобы императором был человек из их среды. Представители западных войск (Невитта, Дагалайф и знатнейшие галлы) желали выдвинуть одного из своих соратников. После долгих споров все сошлись на кандидатуре комита домашних Иовиана (Amm., XXV, 5; Zos., III, 30, 1). Аммиан, порицая это поспешное решение, считает, что дело решило «слепое счастье». Однако представляется, что в ситуации, когда основная часть как старшего, так и младшего офицерского состава не желала продолжения похода, наиболее подходящим был именно тот кандидат, который был склонен вступить в переговоры с неприятелем и заключить с ним мирный договор. К тому же, будучи выходцем из Иллирика, Иовиан стал компромиссной фигурой, устраивавшей как представителей галло-германской, так и восточной частей армии.

Утром 28 июня римляне продолжили движение. Пройти удалось немного: в окрестностях Сумеры, то есть в лучшем случае на несколько километров севернее того места, где произошла последняя для Юлиана битва, римская армия вновь столкнулась с неприятелем. Согласно Зосиму, на правом фланге персы нанесли удар силами панцирной кавалерии, поддержанной большим количеством слонов. Легионы

Иовианов и *Геркулианов* не выдержали этого натиска и обратились в бегство, во время которого потеряли много людей. Однако когда они были оттеснены к обозу, на помощь им пришли обозные служители, которые стали закидывать врага различными метательными снарядами. При этом было ранено несколько слонов. Пришедшие в ярость животные повернули назад, сея смятение и хаос среди собственных войск. Некоторые из них были убиты преследовавшими их римлянами (Zos., III, 30, 1—3).

Аммиан иначе излагает этот эпизод, ничего не говоря об отступлении *Иовианов* и *Геркулианов*, которое не вписывалось в героический образ римской армии, старательно создаваемый им. Согласно его версии, персы напали, пустив слонов впереди кавалерии. Однако *Иовианы* и *Геркулианы* убили несколько гигантских зверей и отбросили персидских катафрактов. Тем не менее враг продолжал сильно теснить их до тех пор, пока на помощь к ним не подошли *Иовии* и *Викторы*, которые убили еще двух слонов и наконец заставили персов отступить (Amm., XXV, 6, 2—3).

О том, что происходило на левом фланге, ни Аммиан, ни Зосим не сообщают. Аммиан ограничивается лишь сообщением, что здесь погибли трибуны Юлиан, Макробий и Максим, командиры подразделений, считавшихся сильнейшими в армии (Amm., XXV, 6, 3).

Продвигаясь с боями далее вверх по Тигру, 1 июля римляне достигли Дуры (совр. Дур Арабайя) — города, одноименного тому, что находился на берегу Евфрата. К этому времени всадники арьергарда были вынуждены идти пешком, поскольку из-за бескормицы их лошади совершенно выбились из сил. Сарацины, увидев беспомощное состояние римских всадников, в большом числе неожиданно напали на них, окружили и готовы были всех перебить, однако вовремя подоспевшая легкая римская кавалерия отогнала неприятеля.

Со 2 по 5 июля армия смогла продвинуться лишь на очень небольшое расстояние, потому что всякий раз, когда римляне продолжали свой путь, противник атаковал их, принуждая остановиться и выстроиться в боевой порядок.

Но вместо того, чтобы завязать правильное сражение, персы медленно отступали, изматывая своих врагов мучительным ожиданием. На четвертый день после того, как римляне оставили Дуру, среди них распространился слух, что граница находится уже совсем близко. Тогда солдаты стали требовать немедленной переправы через Тигр. Командиры пытались их отговаривать, указывая на то, что река в эту пору особенно полноводна, а ее берега заняты вражескими сторожевыми отрядами. Однако солдаты не желали слушать их объяснений. Видя, что в войсках может вспыхнуть открытый бунт, Иовиан отдал приказ отряду в 500 человек, составленному из галлов и германцев, форсировать Тигр вплавь. В ночь с 5 на 6 июля отобранные для намеченного дела добровольцы благополучно достигли противоположного берега и, перебив ничего не ожидавших персов, оставленных там для охраны, подали остальным сигналы, извещавшие об успехе предприятия. После этого всех солдат охватило неодолимое желание последовать их примеру, и только обещание инженеров построить из мехов и шкур понтонный мост удержало их от немедленной переправы.

Два дня, 6 и 7 июля, римляне пытались возвести переправу, но стремительное течение реки не давало им никакой возможности сделать это. Последние запасы продовольствия подошли к концу, и армия начала серьезно страдать от голода. «Мучимые голодом солдаты приходили во все большее раздражение и готовы были к гибели скорее от меча, чем от голода, этого подлейшего рода смерти» (Амм., XXV, 7, 4; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Аммиан Марцеллин считает великим счастьем, что персы, «вопреки ожиданиям», первыми прислали в римский лагерь послов с предложениями мира (Амм., XXV, 7, 5). Жалкое утешение! Одна эта мысль наглядно демонстрирует, в каком бедственном положении оказались римляне.

Аммиан наивно пытается объяснить мотивы, заставившие Шапура отправить своих послов в римский лагерь: «Сапор, как прежде, пока он был еще далеко, так и теперь, когда подошел поближе, получал точные известия от своих разведчиков,

а также и перебежчиков, о храбрых действиях наших войск, постыдных поражениях своих, убийстве стольких слонов, чего он не помнил никогда раньше. Он видел, что римская армия, закаленная в непрерывных трудах, думает после гибели своего славного вождя не о своем спасении, а лишь о мести и о том, чтобы покончить со своим трудным положением или великой победой, или достославной смертью. Он учитывал многие тревожные обстоятельства: в обилии рассеянные по провинциям войска могут быть безо всяких затруднений собраны простой рассылкой приказа; он испытал на опыте и знал, что его подданные после столь страшных потерь запуганы и деморализованы, а вместе с тем он узнал, что в Месопотамии оставлена армия, немного меньшая числом, чем та, что была в Персии. Кроме того, его тревожные опасения усиливало и то, что 500 человек разом благополучнейшим образом переплыли через вздувшуюся реку, перебили сторожевые посты и поощряли своих товарищей к проявлению отваги» (Amm., XXV, 7, 1—3; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

В действительности все эти аргументы ничего не значили для царя, который был готов нести гораздо большие потери ради достижения намного менее важных целей. Теоретически Шапура могло беспокоить только внезапное появление корпуса Прокопия и Себастиана. Но, думается, что он знал гораздо лучше римского командования, где находится корпус, и, следовательно, действовал так, как позволяли ему обстоятельства.

В конечном итоге персидскому царю были не важны внешние формы, за которые так настойчиво пытается ухватиться Аммиан. Шапур просто понял, что настал момент, когда он сможет извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации без каких-либо дополнительных затрат. И поэтому начал переговоры первым.

8 июля в римский лагерь прибыл сурена вместе с одним из царских вельмож и изложил условия, на которых Шапур был согласен отпустить римлян из своих владений. Как бы ни превозносили римские авторы победы, одержанные во время этого похода над персами, те требования, которые

предъявил Шапур, наглядно свидетельствуют о том, что он не чувствовал себя побежденным. «Царь настаивал, — пишет Аммиан Марцеллин, — на возвращении ему, как он выражался, его владений, отнятых у него Максимианом, и, как выяснилось на деле, требовал в качестве выкупа за нас пять областей за Тигром: Арзакена, Моксоэна, Забдицена, а также Регимена и Кордуэна с 15 крепостями, а кроме того, города Нисибис, Сингара и Кастра Маврурум (Лагерь Мавров) — эта весьма важная по своему расположению крепость» (Амм., XXV, 7, 9; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Римляне также должны были отказаться от поддержки армянского царя и не оказывать ему помощь против персов, если бы он стал просить о ней.

В итоге был заключен мир на 30 лет. Чтобы не было совершено каких-либо действий, противоречивших достигнутому условиям, был произведен обмен заложниками. От римлян ими стали трибуны подразделений, отмеченных боевыми заслугами; от персов — три знатных сатрапа и Бинез — один из высокопоставленных вельмож при дворе Шапура.

Переговоры длились 4 долгих дня (с 8 по 11 июля). Согласно Либанию, персидский царь умышленно затягивал их, желая, чтобы римляне извели весь свой провиант (Lib., Or., XVIII, 277). В течение этого времени некоторые солдаты, мучимые голодом, оставляли армию и, пройдя немного дальше на север, пытались вплавь пересечь Тигр. Одни из них тонули в пучине, а тех, кому удавалось достичь противоположного берега, персы или сарацины убивали или захватывали в плен.

Критикуя действия Иовиана, Аммиан замечает, что четырех дней, пока велись переговоры, хватило бы для того, чтобы уйти с персидской территории и добраться до сторожевых постов Кордуэны, до границы которой было всего 100 миль (Амм., XXV, 7, 8). Впрочем, здесь Аммиан явно грешит против истины: пройти 100 миль (147.87 км) за 4 дня для армии, последние переходы которой не превышали 3—4 мили, было совершенно невозможно. В сложившейся ситуации персам нужно было просто продолжать свою тактику непрерывных нападений, которую они стали успешно использовать после

двух кровопролитных и неудачных для них сражений. Тогда лишенным продовольствия римлянам ничего не оставалось бы делать, как сдаться или в отчаянии попытаться форсировать Тигр. К тому же Кордуэна, которую Аммиан считает римской территорией, на деле была персидской провинцией, хотя управлявший ей сатрап и был тайным сторонником Империи (Amm., XVIII, 6, 20).

«Нам следовало десять раз сразиться, прежде чем выполнить хотя бы одно из этих требований», — пишет Аммиан, давая оценку заключенному с персами соглашению (Amm., XXV, 7, 10; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Однако Зосим утверждает, что лишь после заключения мирного соглашения персы *позволили* римлянам уйти домой (Zos., III, 31, 2). Еще более определенно говорит о мире с персами Евтропий: «...Побежденный персами в нескольких сражениях, он (Иовиан — А. Б.) заключил мир с Шапуром, необходимый, но бесславный» (Eutr., X, 17, 1).

Вряд ли у Иовиана был выбор, принимать или не принимать условия мира, продиктованные персидским царем. Римская армия оказалась в полном окружении. Солдаты были совершенно деморализованы и ни о каком вооруженном сопротивлении врагу не могло быть и речи. Продвигаться к границе она могла только с очень большим напряжением сил, и по мере того, как у нее заканчивались запасы продовольствия, это напряжение могло лишь возрастать. Мы не знаем, каковы были потери римлян после всех испытаний, через которые им пришлось пройти. Конечно же, Филострогий, утверждающий, что в живых оставалась лишь десятая часть, чрезмерно сгущает краски (Philostr., VIII, 1), однако это не меняет положения дел — убыль личного состава, вызванная причинами самого различного характера, могла быть весьма ощутимой. Как бы там ни было, солдаты думали уже не о сражениях, а лишь о собственном спасении. Любой неосторожный приказ, который, как им казалось, отдалял окончание военных действий или препятствовал их немедленному прекращению, мог повлечь за собой открытый бунт. Пройти 100 миль такой армии было бы просто не под силу.

Поэтому приходится согласиться со словами Евтропия: мир был необходим.

Мир был необходим в настоящем, вот только цена, которую платили римляне за свое спасение, многократно возрас- тала в будущем. Без расширения своих территорий великий народ обречен на гибель. Если же под влиянием неблагоприятных обстоятельств народ готов идти на территориальные уступки, то он вступает на путь политики, которая, по вся- кому человеческому разумению, неизбежно должна будет од- нажды привести его к полному подчинению врагу. Согласив- шись на предложенные условия мира, римляне отдавали пер- сам первенство в определении ситуации в регионе, при этом никакая юридическая казуистика не могла бы обеспечить Империи стабильность на ее восточной границе: сделанные уступки были лишь первыми из тех, что в дальнейшем по- требуют победители.

После подписания договора римское командование отка- залось продолжать путь на Кордуэну и приняло решение пе- реправиться через Тигр и идти к Нисибису. Аммиан мотиви- рует это тем, что местность вдоль реки была очень гористой и неудобной для движения армии (Amm., XXV, 7, 14).

12 июля римляне начали переправу через Тигр в том ме- сте, в котором до этого его форсировал галло-германский отряд. «Когда громко раздавшийся звук труб дал сигнал для переправы через реку, — передает Аммиан, свидетель и участник этого драматического события, — все с дикой и неудержимой стремительностью кинулись, не разбирая опас- ности. Каждый, забывая о других, думал только о себе, спе- шил уйти от всех этих ужасов: одни бросились на кое-как скрепленные плоты, держа за повод там и сям плывущих лошадей, другие сели на мехи, некоторые прибегли в затруд- нительном положении к разным другим способам, и вся эта толпа поплыла наискось через реку. Сам император с неболь- шой свитой переправился на малых судах, которые остались, как я о том упоминал, после сожжения флота, и приказал, чтобы они ходили с берега на берег, пока не перевезут всех нас. Наконец мы все, кроме утонувших, оказались на дру-

гом берегу, спасенные в тяжких бедствиях милосердием бога вышнего от опасности» (Аmm., XXV, 8, 2—3; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Оказавшись на другом берегу, римляне двинулись дальше на север. Когда они достигли Хатры — города, расположенного посреди пустыни, приблизительно в 165 км по прямой от Сумеры, то узнали, что им предстояло пройти еще 70 миль по голой пустынной равнине, лишенной пресной воды и растительности. Готовясь к этому испытанию, солдаты наполнили водой все имевшиеся в наличии сосуды и зарезали верблюдов и других вьючных животных, мясо которых было использовано в качестве провианта. Шесть долгих дней продолжался переход через пустыню, который стал для многих последним. Наконец армия подошла к персидской крепости Ур, где ее встретил дукс Месопотамии Кассиан, привезший продовольствие, которое было заготовлено в Нисибисе для корпуса Проконпия-Себастиана. Однако его оказалось явно недостаточно. Поэтому пришлось забить на мясо всех лошадей. После чего, бросив значительную часть поклажи и оружия, римляне двинулись к Нисибису. Либаний рисует наглядную картину того, в каком бедственном положении оказалась к этому времени армия: «Когда же они, побросав оружие..., как после кораблекрушения, возвращались налегке, большинство — попрошайничая, и кто шел один с половиной щита, другой — с третьей копья, третий с одной из поножей на плечах, тот сходил за Каллимаха...» (Lib., Or., XVIII, 280; пер. С. П. Шестакова).

Передав персам все, что требовали условия мирного договора, Иовиан двинулся в Сирию. 27 сентября он прибыл в Эдессу, а через несколько дней пути достиг Антиохии. Здесь он задержался лишь на недолгое время, после чего в разгар зимы поспешил дальше, направляясь в Константинополь. 16 февраля 364 г. Иовиан прибыл в Дадастану, находившуюся на границе Галатии и Вифинии. Здесь его жизнь неожиданно оборвалась: в ночь на 17 февраля его нашли мертвым. Следствия по делу о его смерти произведено не было. Его останки были отправлены в Константинополь, а армия продолжила свой путь и достигла Никеи.

ГЛАВА 6

ПОСЛЕДНИЕ ПОБЕДЫ

После смерти императора Иовиана соперничество двух армий возобновилось с новой силой. 26 февраля императором был избран еще один выходец из балканских провинций — Валентиниан, который был вынужден, идя навстречу сепаратизму военных, провозгласить августом своего брата Валента. Единство Империи исчезло вместе с династией Константина.

И снова аламанны

В это время по всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к ним границы.

Amm., XXVI, 4, 5; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни

Скифы, савроматы и кельты, и все те варвары, что предпочитали жить в мире, снова заострив мечи, совершают походы, переправляются через реки, грозят, действуют, преследуют и забирают в плен, преследуемые одолевают, как неверные слуги, по смерти господина, восставая на его сирот.

Lib., Or., XVIII, 282; пер. С. П. Шестакова

В конце 364 г. во фракийском городе Нессе Валентиниан I (364—375 гг.) и Валент (364—378 гг.) разделили армию, собранную Юлианом. После чего Валентиниан отправился

в Галлию. К этому времени ситуация на всех границах резко обострилась. Практически все западные пограничные провинции Империи подверглись нападениям варваров: аламанны опустошали Галлию и Рецию, сарматы и квады вторглись в обе Паннонии, пикты, саксы, скотты и атакотты — в Британию, а мавры — в Африку.

Основные противники на рейнской границе были те же самые, что и раньше — аламанны и франки. Однако появились и другие, например бургунды, вышедшие к Рейну, а также гунны, о которых становится известно с 360 г. Продвигаясь к римским границам, гунны гнали впереди себя готов.

В начале правления Валентиниана в наиболее тяжелом положении оказалась Галлия, которую снова опустошали аламанны, недовольные тем, что врученные им в соответствии с обычаем дары (*munera*) оказались меньшими по сравнению с предыдущими годами.

Первый набег аламаннов произошел уже в 364 г. В конце октября Валентиниан находился еще на пути в Парижи, когда получил известие о восстании Прокопия. Подумав, что аламанны представляют для Империи большую угрозу, нежели мятеж на востоке, Валентиниан решил не покидать Галлии. Против аламаннов император отправил магистра Дагалайфа, однако варвары, опустошив близлежащие местности, успели отойти, не потеряв ни одного человека.

Намного более серьезное вторжение аламанны предприняли зимой 365 г. Первого января они перешли Рейн южнее Аргентората (этот сектор был оставлен Юлианом без укреплений) под руководством Витикабия,¹ сына и наследника Вадомария.

Им навстречу выступил комит обеих Германий (*comes per utramque Germaniam*) Хариеттон вместе с комитом Северианом, командовавшим находившимися в Кабиллоне (совр. Шаллон-на-Саоне) *Дивиденсами* и *Тунгриканами*. Произошедшее сражение оказалось неудачным для римлян. Оба римских предводителя пали в бою. Германцы захватили знамя *Геру-*

лов и Батавов и, торжествуя свою победу, время от времени поднимали его вверх. Однако после продолжительного боя оно все-таки было отбито.

Варвары проникли вплоть до границ Белгики Первой. Узнав об этом, Валентиниан поспешно направился в Лютецию, избрав ее своей штаб-квартирой, как это ранее сделал Юлиан. Несомненно, император хотел иметь возможность контролировать франков и охранять Белгику Вторую в то время, как Дагалайф с частью его комитатенсов при поддержке галльских отрядов магистра конницы в Галлиях Иовина будет вести военные действия против аламаннов. Однако аламанны рассеялись по разным местам, а потому у Дагалайфа не было возможности вступить с ними в правильное сражение.

Спустя некоторое время Дагалайф был отозван, чтобы принять консульские отличия, а командование перешло к Иовину, который весной 366 г. стал магистром конницы при особе императора (*magister equitum praesentalis*). Иовин неожиданно напал на одну из групп варваров, разбойничавших близ города Скарпонны (Шарпень-на-Мозеле), и всю ее уничтожил. Затем он штурмом взял лагерь другой группы аламаннов и также всех их перебил. Последняя часть войска аламаннов была настигнута у города Каталауны (совр. Шалон-на-Марне). Римлянам, уступавшим противнику численностью, пришлось дать варварам правильное сражение, затянувшееся до наступления ночи. Аламанны потеряли 6000 убитых и 4000 раненых. Поражает масштаб этого нашествия: дважды понеся поражение, варвары все еще превосходили римлян числом и даже, потеряв практически 10 000 человек, все еще представляли собой силу, которая могла противостоять Иовину. Однако новой битвы не произошло. Воспользовавшись темнотой, аламанны бежали, бросив умирать на снегу своих раненых.

Прежде чем предпринять крупную карательную экспедицию против аламаннов, Валентиниан должен был изгнать из Белгики Второй франков и саксов, опустошавших побережье Галлии и Британии, страдавшей к тому же от нападений пик-

тов и скоттов. В 367 г. во время военных действий в районе Амбиан (совр. Амьен) Валентиниан тяжело заболел, и многие в его окружении уже строили планы относительно того, кому можно будет передать верховную власть после его смерти. Но император неожиданно выздоровел и, чтобы пресечь на будущее подобные интриги, решил предоставить ранг августа своему сыну Грациану, который еще не достиг совершеннолетия. 24 августа в окружении высших сановников Валентиниан взшел на трибунал и обратился к солдатам с речью, объявив о своем намерении. Получив одобрение армии, он надел на сына облачение, соответствовавшее его новому положению.

Вместе с Грацианом Валентиниан выступил из Амбиан осенью и направился на зимние квартиры в Треверы, где он рассчитывал подготовиться к предстоящей кампании против аламаннов. Однако, находясь еще в пути, он получил известие, что в Британии саксы убили комита морского побережья Нектарида, а дукс Фуллофавд был захвачен в плен северными варварами. Эта новость настолько испугала Валентиниана, что он отправил на остров магистра пехоты Севера,² чтобы тот, если будет возможно, исправил ситуацию. Впрочем, он вскоре отозвал Севера, заменив его Иовином. Сам же Валентиниан решил приложить все усилия к тому, чтобы собрать как можно более многочисленную армию для предстоящей в следующем году военной кампании. Но ввиду того, что донесения, приходящие с острова, по-прежнему не внушали оптимизма, император был вынужден отправить в Британию комита Феодосия Старшего во главе небольшого экспедиционного корпуса, состоящего из элитных галльских подразделений.³

В конце зимы 368 г. Феодосий прибыл в Бононию (совр. Булон-сюр-мер) и, переправившись через пролив, отделившийся остров от континента, высадился в Рутупе (совр. Ричборо).⁴ Высадившись в Британии, Феодосий двинулся к Лондинию (совр. Лондон). Разделив свои силы на несколько отрядов, он напал на грабившие страну вражеские шайки и уничтожил большую их часть. На следующий год он вы-

ступил из Лондиния и полностью изгнал варваров с римской территории, после чего восстановил пограничные укрепления и обеспечил их гарнизонами. За столь удачно проведенную операцию Валентиниан сделал Феодосия преемником Иовина, назначив его магистром конницы (368 г.).

Валентиниан планировал напасть на аламаннов с более многочисленной армией, чем обычно. На помощь себе он призвал Себастиана, командовавшего войсками, размещенными в Италии и Иллирике. За зиму были заготовлены необходимые запасы оружия и провианта. В конце марта (после весеннего равноденствия) римляне выступили в поход. Очевидно, к действующей армии были присоединены многие гарнизоны городов прирейнской области. Воспользовавшись этим, аламаннский царек Рондон на Пасху совершил разбойничий набег на оставшийся без защиты Могонциак, захватил большую добычу и увел с собой множество пленников. Чтобы избежать повторения подобных инцидентов впредь, было решено устранить Витикабия, который, по всей видимости, действовал сообща с Рондоном. Витикабий был убит, преданный одним из своих слуг, польстившимся на римское золото. После этого набеги аламаннов на римскую территорию на какое-то время прекратились.

Только летом 368 г., когда были закончены все приготовления и собраны все войска, Валентиниан наконец-то получил возможность перейти Рейн напротив Могонциака. Переправившись на вражескую территорию и не встречая никакого сопротивления, Валентиниан разделил свою армию на три части: магистры Иовин и Север командовали фланговыми колоннами, а император — центральной. Армия двинулась в южном направлении, весьма вероятно, в земли, принадлежавшие Витикабию. В течение нескольких дней римляне продвигались, не находя никого, кто хотел бы вступить с ними в бой. Наконец они подошли к месту, называвшемуся Солициний (совр. Швецингер). Только здесь разведчики доложили, что заметили неприятеля. Полагаясь на знание местности, германцы заняли близлежащую гору и приготовились дать бой римлянам.

Склоны занятой аламаннами горы были со всех сторон крутыми и неприступными. Лишь с северной стороны склон был отлогим и удобным для подъема. В римском штабе был наспех принят план предстоящего сражения. Было решено, что Себастиан со своими войсками поднимется на гору с северной стороны, чтобы перерезать аламаннам путь отступления. Сам Валентиниан, объявив, что есть и другой путь, чтобы подняться на гору, с немногими телохранителями отправился на рекогносцировку подножья горы. Неожиданно на его отряд напали находившиеся в засаде аламанны. Сам Валентиниан едва избежал смерти или позорного плена, погнав коня во весь опор через болото. Насколько серьезной была опасность, можно понять из того, что спальник (*cubicularius*), у которого находился шлем императора, пропал и не был потом найден ни живым, ни мертвым.

После короткого отдыха был дан сигнал к битве. Римская армия двинулась на штурм вершины. Впереди нее шли *скутари* Сальвий и Лупицин из школы *Гентилов*, которые были выбраны для того, чтобы завязать бой и увлечь своим примером остальных. Они первыми бросились на скалы и, отбивая удары аламаннов, начали подниматься наверх по терновым зарослям. За ними последовали остальные. Римлянам удалось подняться на вершину горы. Построившись в боевой порядок, они атаковали аламаннов своими флангами. Стороны вступили в ожесточенное столкновение. Некоторое время сражение шло на равных и не было ясно, на чью сторону склонится победа. Наконец, германцы дрогнули и обратились в бегство. Большое количество бегущих было истреблено преследователями на поле боя. Другая часть была перебита льдами Себастиана, стоявшего со своим отрядом за горным хребтом. Некоторым удалось скрыться в лесах. Потери победителей также были немалыми. В числе павших были Валериан, старший офицер domestikов (*domesticorum omnium primus*) и скутарий Натуспардо, «выдающийся воин» (*exsertus bellator*), сопоставимый с героями прошлых времен. Это сражение положило конец походу. Армия вернулась на зимние квартиры, а император отбыл в Треверы.

Победа в Солицинии позволила Валентиниану принять титул *Аламаннский Величайший* (*Alamannicus Maximus*), однако она не имела решающего значения. Вернувшись в Треверы, император уделил повышенное внимание укреплению левого берега Рейна выше по течению от Могонциака. «Валентиниан, строивший обширные и полезные планы, — пишет Аммиан, — укреплял все течение Рейна от начала Реции и до океанского пролива большими плотинами, надстраивал стены крепостей и укреплений, ставил на подходящих и удобных местах сторожевые башни по всему пространству Галлии, а кое-где и за рекой воздвигал сооружения на самых границах с варварами (Амм., XXVIII, 2, 1; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Валентиниан укреплял не только левый берег Рейна. Он также решил возвести форт на правом берегу реки на горе Пире, находившейся на землях аламаннского царя Макриана, сохранявшего заключенный им с Империей мирный договор. Старейшины германцев пробовали уладить дело мирным путем, но им не удалось убедить римлян отказаться от своего решения. Тогда аламанны неожиданно напали на безоружных солдат, работавших на строительстве, и всех их перебили. В живых остался только руководивший работами нотарий Сиагрий, который и принес печальную новость в штаб-квартиру императора. Разгневанный из-за этой неудачи Валентиниан лишил Сиагрия звания. В это время иллирийские и итальянские войска разошлись по местам своей постоянной дислокации, а из Британии еще не вернулся корпус Феодосия Старшего. Поэтому Валентиниан не имел возможности продолжать свое наступление на германские территории, и карательную экспедицию пришлось пока отложить. Воспользовавшись тем, что мирный договор оказался расторгнут, Макриан стал беспокоить римлян постоянными набегами.

В том же 369 году Феодосий Старший разбил франкских пиратов, опустошавших побережье Белгики Второй. Однако уже на следующий год в Галлию попытались вторгнуться саксы, к которым, несомненно, присоединились и франки.

В большом количестве варвары переправились по морю и устремились к римским границам. Однако их первый натиск был отражен комитом Нанниеном, а когда на помощь ему прибыл магистр пехоты Север, саксы были вынуждены просить мира. После того как они предоставили римлянам множество молодежи для службы в армии, саксам было позволено удалиться в свои пределы. Однако римляне, не желая отпускать врагов живыми, устроили им засаду и всех до одного перебили.

Чтобы расправиться с Макрианом, Валентиниан решил призвать на помощь бургундов и отправил к ним своих посланников, которые передали бургундским вождям его собственноручные письма. Император предложил бургундам напасть на аламаннов в установленное время, обещая перейти Рейн и обрушиться на общего врага со всеми своими силами.

Отборные отряды бургундов, как и было условлено, напали на аламаннов. Согласно Орозию (Oros., VII, 32), нападавших насчитывалось 80 000 человек.⁵ Сея повсюду ужас, бургунды дошли до Рейна. Однако неожиданное и опасное вторжение саксов и франков удержало Валентиниана в Треверах вплоть до сентября 370 г. Поэтому, занятый строительством укреплений, император не успел собрать войска. В результате недовольные отсутствием обещанных подкреплений бургунды ушли восвояси.

Валентиниан, опасаясь, очевидно, что либо возмущенные бургунды, либо отступающие перед ними аламанны вторгнутся в римские пределы, приказал Феодосию Старшему напасть на аламаннов через Рецию Первую, чтобы прикрыть дороги, ведущие в Италию. Феодосий исполнил приказ императора и перебил многих аламаннов, разбежавшихся в страхе перед бургундами. Те из аламаннов, кто попал в плен, были по приказу Валентиниана поселены в качестве колоннов в Италии, на берегах Пада.

Волнения, произведенные в аламаннских землях бургундами, побудили Валентиниана после вторжений саксов и франков отказаться от наступательных операций на правом

берегу Рейна и еще большее внимание уделить укреплению границы.

В 371 г. Валентиниан попытался захватить Макриана в результате неожиданного нападения. Узнав через перебежчиков, где его можно застать, император тайно переправился по понтонному мосту на правый берег Рейна. Однако шум, поднятый солдатами, которые, вопреки приказам, принялись грабить и жечь имущество аламаннов, позволил Макриану ускользнуть. Валентиниан в гневе опустошил все земли, принадлежавшие его врагу, до пятнадцатого милевого столба и вернулся в Тревёры.

Война с Макрианом продолжалась до 374 г. В этот год Валентиниан снова форсировал Рейн и опустошил несколько германских областей, после чего с Макрианом было заключено соглашение о союзе.

Дунайский фронт находился под совместным контролем Валентиниана и Валента. Первый отвечал за его западный участок, второй — за восточный. В 373 г. квады, мстя за убийство своего царя Габиния, совершили опустошительный набег на Паннонию. К квадам присоединились сарматы, которым удалось нанести поражение римским войскам, отправленным им навстречу. В то же время сарматы попробовали вторгнуться в Мезию, но были отражены дуксом этой провинции — будущим императором Феодосием.

Весной 375 г. Валентиниан во главе армии двинулся в Иллирик. Заняв город Карнунт, он в течение всего лета готовился к предстоящей кампании. Поход в земли квадов был начат только в конце лета. Вперед был послан Меробавд с приказом сжигать поселки варваров. Сам император двинулся к городу Аквинку (совр. Будапешт) и, переправившись здесь через Дунай с другой стороны, напал на врага. Опустошив земли квадов, не осмелившихся вступить в бой с императорской армией, Валентиниан осенью вернулся назад. В императорскую ставку прибыли послы варваров, просившие о заключении мира. Во время переговоров с ними пришедший в гнев Валентиниан был сражен апоплексическим ударом и через некоторое время умер.

Феодосий против Фирма

Несомненно, непобедимо то государство, чей император, овладев военным искусством, делает боеспособным войско любой численности.

Veg., II, 4; пер. С. П. Кондратьева

...Кто хочет мира, пусть готовится к войне; кто хочет победы, пусть старательно обучает воинов; кто желает получить благоприятный результат, пусть ведет войну, опираясь на искусство и знание, а не на случай. Никто не осмеливается вызывать и оскорблять того, о ком он знает, что в сражении он окажется сильнее его.

Veg., III, 13; Praef., пер. С. П. Кондратьева

Положение в Африке обострилось в 368 г., когда племя австо-рианов произвело набег на провинцию Триполис. Не встретив никакого сопротивления, варвары опустошили область вокруг города Лептиса и ушли домой с богатой добычей. Во время своего следующего набега они уже попытались взять этот город штурмом. В 370 г. в Африке вспыхнуло восстание под предводительством сына мавретанского царя Фирма. Будучи оклеветанным в глазах императора комитом Романом, возглавлявшим римскую администрацию в Африке, Фирм отпал от Империи и, собрав многочисленные войска, стал опустошать римские провинции. На подавление этого опасного мятежа в 372 г. был отправлен Феодосий Старший. «То был человек, доблести которого в ту пору выделялись своим блеском среди других как недостижимые. Он был подобен из древних — Домицию Корбулону и Лузию; первый из них при Нероне, а второй в правление Траяна прославились многими славными деяниями» (пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни) — так характеризует магистра Аммиан Марцеллин (Amm., XXIX, 5, 4).

Имея под своим командованием небольшой экспедиционный корпус, Феодосий выступил из Арелата (совр. Арль) и, переправившись по морю, высадился на побережье Ситифенской Мавритании. После этого он поспешил в город

Ситифис и приказал взять под стражу Романа и его приближенных.

Когда Фирм узнал о прибытии в Африку римских войск, то отправил Феодосию письмо, в котором сообщал ему все причины, толкнувшие его к открытому восстанию. Магистр пообещал не начинать военных действий, если Фирм предоставит ему заложников. После этого, присоединив к своим войскам местные гарнизонные отряды, Феодосий выступил в поход. Около города Тубусупта его ждало второе посольство вождя мятежников, принять которое Феодосий отказался, поскольку ему не были предоставлены заложники. Это стало сигналом к началу открытых военных действий. Сначала Феодосий быстрым маршем двинулся в земли тиндензи-ев и масиниссензи-ев, которыми правили братья Фирма Масцизель и Дий. Хотя у этих племен не было тяжелого вооружения, они вступили в бой с римлянами. «Когда эти быстрые враги были уже на виду, — пишет Аммиан Марцеллин, — с той и с другой стороны понеслись сначала тучи стрел, а затем завязалась жесточайшая сеча. Среди стонов умирающих и раненых слышались воюющие вопли пленных варваров» (Амм., XXIX, 5, 11; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Одержав победу, римляне разграбили и сожгли множество селений, принадлежавших восставшим, после чего Феодосий занял город Ламфокту, который находился на границе между землями побежденных племен. Здесь магистр разместил большой запас продовольствия, которое можно было бы подвезти, если бы он задумал продвинуться в глубь страны.

Между тем Масцизель подкрепил свои войска отрядами соседних племен и второй раз вступил в бой с римлянами. Однако он снова потерпел поражение и спасся только благодаря проворности своего коня.

Фирм, удрученный поражениями своих сторонников, отправил к Феодосию посольство, состоящее из христианских священников, чтобы просить мира. Послы привели с собой заложников и обещали доставить римлянам необходимый провиант. Поэтому они получили от магистра благосклонный ответ. Сам Фирм, отправив римскому командующему

дары, явился к нему для заключения мирного соглашения. «Когда он приблизился, то блеск знамен и грозное лицо Феодосия поразили его: он соскочил с коня и, склонив шею, почти пригнулся к земле, порицал в слезных выражениях свою опрометчивость и молил о мире и прощении. Феодосий встретил его ласково и облобызал, так как это входило в его планы, и Фирм совершенно приободрился, доставил провиант в достаточном количестве и, оставив несколько своих близких в качестве заложников, удалился, чтобы, согласно договору, возвратить пленных, которых он захватил в самом начале волнений» (Амм., XXIX, 5, 15—16; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Выполняя условия достигнутых соглашений, через два дня Фирм вывел свои войска из города Икозия, возвратил захваченные римские знамена и остальную добычу.

Продолжая свое наступление, Феодосий занял город Типозу, куда к нему пришли послы мазиков, также поддержавших Фирма. Мазики просили прощения и мира, но Феодосий ответил, что пойдет на них войной, чтобы наказать их за измену. Двинувшись дальше, он дошел до развалин Кесарии — некогда большого и процветавшего города, разрушенного в результате восстания. Здесь он получил сведения, что Фирм готовит нападение на ничего не подозревавшие римские войска. Поэтому, оставив Кесарию, Феодосий направился к городу Сугабарриту. Там он обнаружил римские подразделения, перешедшие на сторону мятежников. Жестоко покарвав изменников, Феодосий выступил из Сугабаррита и подошел к мавританскому селению Гайонатису, окруженному мощной стеной. После того как стена была разбита римскими таранами, селение сровняли с землей, а всех жителей перебили.

После этого римляне подошли к крепости Тингису, возле которой произошло сражение с мазиками. Варвары были наголову разбиты и вынуждены вновь просить Феодосия о прощении. Магистр пошел на заключение мира и направился в область племени музонов — верных сторонников Фирма.

Дойдя до города Адды, Феодосий получил сведения, что различные племена объединились в желании вступить в вой-

ну с римлянами. Феодосий оказался в очень тяжелой ситуации, поскольку у него было всего 3500 солдат. Несмотря на это, магистр решил вступить в бой. До непосредственного столкновения дело, однако, не дошло, поскольку варвары, увидев впереди римского корпуса вспомогательный отряд мазиков, вообразили, что на них идет большая армия, и в панике обратились в бегство.

Феодосий прибыл со своими людьми в Мазук, где обнаружил несколько римских дезертиров, которые были тут же преданы жестокой казни.

В феврале 373 г. Феодосий занял Типату и стал готовиться к генеральному сражению с Фирмом. Деньгами, угрозами и угрозами магистр стал привлекать на свою сторону туземные племена, которые отправляли ему свои воинские контингенты.

Видя, как возрастают силы римского командующего, Фирм бросил собранные им войска и попытался скрыться в неприступных Капрариенских горах. Оставшись без предводителя, отряды Фирма разбрелись в разные стороны. Воспользовавшись ситуацией, римляне совершили нападение на лагерь мятежников и, перебив тех, кто попытался оказать им сопротивление, опустошили окрестные территории.

Это неожиданное нападение так напугало Фирма, что он обратился в бегство в сопровождении нескольких рабов, бросив весь свой багаж и сокровища. Феодосий двинулся за Фирмом. Во время этого марша он столкнулся с капрариензиями и абаннами, которые были разбиты и бежали. Продолжая свое наступление, Феодосий оказался в местности, со всех сторон окруженной горами. Разведка сообщила, что горы уже заняты варварами. Феодосий предпочел приостановить военные действия, дав тем самым противнику усилиться за счет вспомогательных войск, присланных соседними племенами. Тогда вся масса варваров обрушилась на римлян, заставив их отступить. Феодосий предпочел отойти к городу Конто, в котором Фирм держал римских пленников. Заняв Конто, магистр освободил пленников и расправился со сторонниками мятежников.

Спасаясь от неумолимого врага, Фирм бежал к племени исафлензиев. Когда сообщение об этом было доставлено Феодосию, то он тут же вступил в пределы исафлензиев, намереваясь добиться выдачи Фирма, его брата Мазуки и других его родственников. Однако эти требования остались неуслышанными варварами. Собравшись с силами, они решили встретить римлян с оружием в руках. Между противниками произошла яростная битва. Исафлензии были разбиты, Мазука ранен и взят в плен, а Фирм спасся благодаря своему коню, привычному взбираться по скалам и утесам. Восстание исафлензиев было подавлено, его зачинщики преданы смерти.

Феодосий продолжил свое продвижение в глубь страны и достиг границ племени юбаленов, из которых происходил отец Фирма. Он напал на варваров и перебил многих из них. Поскольку территория была очень гористой, Феодосий, опасаясь засад, отступил в Авдиенскую область, не потеряв ни одного человека. Дикое племя иезалензиев, обитавшее в этих местах, сдалось Феодосию, обещая прислать ему провизию и вспомогательный отряд.

Преследуя Фирма, Феодосий подошел к крепости Медиан, рассчитывая, вступив в переговоры с местными жителями, убедить их выдать ему зачинщика мятежа. Но в этот самый момент он получил известие, что Фирм вернулся к исафлензиям и те снова взяли за оружие. Магистр без промедления повернул назад и снова вступил во владения восставшего племени. Навстречу ему выехал Игмазен, царь исафлензиев. «Из какого ты места и за каким делом ты сюда явился? Отвечай», — спросил он римского командующего. «Я комит Валентиниана, владыки круга земного, и послан я, чтобы уничтожить зловердного разбойника. Если ты мне его не выдашь тотчас, то, согласно повелению непобедимого императора, ты погибнешь вместе с твоим племенем» (Amm., XXIX, 5; 46; пер. А. Ю. Кулаковского, А. И. Сонни), — ответил ему Феодосий. На этом переговоры были закончены. Царь разразился бранью и в гневе усакал прочь.

На рассвете следующего дня противники выстроились для генерального сражения. Варвары стояли на горе. Их бы-

до 20 000 человек; кроме того, в тылу у них размещались вспомогательные отряды, которые должны были окружить римлян, когда те мало-помалу взойдут на гору. На помощь исафлензиям в большом количестве пришли иезалензии, ранее обещавшие выступить на стороне Феодосия.

Произошедшая битва оказалась очень упорной и продолжалась до конца дня. Римляне построились фульком и стойко отражали атаки варваров. Когда уже приближался вечер, на поле боя верхом на коне в пурпурном плаще появился сам Фирм. Громким голосом он стал призывать римских солдат подумать о спасении своих жизней, выдать им своего жестокого вождя и прекратить сражение. Эти слова действительно заставили некоторых оставить строй и вернуться в лагерь. Наступившая ночь развела враждующие стороны. Феодосий ушел в Дуодиенское укрепление, где находился его лагерь. Здесь он устроил смотр войскам и предал жестокой казни тех солдат, кто послушался Фирма и бросил своих товарищей.

Ночью варвары попробовали неожиданно напасть на римский лагерь, но были успешно отражены. Наутро Феодосий ускоренным маршем двинулся в пределы вероломных иезалензиев и подверг их земли страшному опустошению. Затем он вступил на территорию Кесарийской Мавритании, пройдя которую прибыл в Ситифис.

Спустя недолгое время победоносный магистр оставил город и продолжил войну с исафлензиями. В первой же битве варвары потерпели серьезное поражение, стоившее им больших потерь. Царь Игмазен понял, что если не прекратит поддерживать Фирма, то может потерять не только власть, но и жизнь, поэтому он решил выдать главаря мятежников римлянам. Тайно покинув свой лагерь, он встретился с Феодосием и вступил с ним в переговоры. Игмазен указывал, что его соплеменники весьма преданы Фирму, однако если римляне будут тревожить их постоянными нападениями, то, истомленные тяготами войны, они отвернутся от него. Феодосий последовал совету царя и стал избивать его подданных, как скотину. Фирм, видя, что его дело погребло,

попытался бежать в недоступные отдаленные места, однако был схвачен Игмазеном. Тогда Фирм решил предпочесть добровольную смерть мучительной казни. «...Напоив допьяна своих сторожей, когда те крепко уснули в ночной тишине, сам он, не смыкая очей в ужасе перед неизбежной катастрофой, неслышными шагами покинул постель. Ползя на руках и коленях, он ушел подальше, закрепил на гвозде, вбитом в стену, случайно найденную веревку, которую послала ему судьба для прекращения жизни, засунул голову в петлю и испустил дух, избежав тем самым мучений, в которых ему предстояло окончить жизнь» (Амм., XXIX, 5; 54; пер. А. Ю. Кулаковского, А. И. Сонни).

Игмазен был опечален тем, что не смог передать римлянам своего пленника живьем. Получив гарантии личной неприкосновенности, он приказал погрузить тело Фирма на верблюда и отправился к Субикаренскому укреплению, где тогда был расположен римский лагерь. У лагеря он переложил труп на выючную лошадь и доставил его Феодосию. Римский командующий собрал своих солдат и спросил, узнают ли они в умершем Фирма, и, когда те подтвердили, что видят вождя мятежников, Феодосий выступил в Ситифис, где был встречен как триумфатор. Так закончилась смута в Африке.

Порфира — лучший саван

...Самый счастливый человек от одного поворота колеса Фортуны может стать к вечеру самым несчастным.

Амм., XXVI, 8, 13; пер. Ю. А. Кулаковского,
А. И. Сонни

Положение дел на востоке Империи осложнилось из-за неожиданно вспыхнувшего восстания Прокопия, который приходился двоюродным братом Юлиану.⁶

«Прокопий происходил из знатной фамилии, — передает Аммиан, — родом он был из Киликии, где и получил воспи-

тание. Родство с Юлианом... помогло его выдвижению, и уже с первого своего выступления на общественном поприще он был на виду. В частной жизни и характере он отличался сдержанностью, был скрытен и молчалив. Он долго и превосходно служил нотарием и трибуном и был уже близок к высшим чинам. После смерти Констанция во время переворота он, как родственник императора, возымел надежды на высшее положение и был включен в число комитов. Уже и тогда было очевидно, что, если когда-нибудь представится такая возможность, он выступит как возмутитель общественного спокойствия» (Amm., XXVI, 6, 1; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

После смерти Юлиана распространилась молва, что на смертном одре император пожелал, чтобы бразды правления государством были переданы Прокопию. Этот ложный слух, а затем и жестокое убийство первого нотариуса Иовиана, которого, как указывалось выше, кое-кто из высокопоставленных военных посчитал достойным высшей власти, внушили Прокопию страх за свою жизнь, и он счел за лучшее при первой же возможности искать спасения в бегстве, и о нем не было никаких известий вплоть до того момента, пока он не объявился в Константинополе, облаченный в императорский пурпур.

По поручению императора Иовиана Прокопий должен был сопровождать тело Юлиана в Тарс. Сразу после похорон Прокопий скрылся и прятался в пустынных и диких местах от усердно разыскивающих его императорских агентов. В конце концов, страдая от голода, окольными путями он добрался до Халкедонской области, где жил его старый друг Стратегий, у которого он нашел приют.

Спустя некоторое время Прокопий стал тайно наведываться в Константинополь, желая узнать настроение его жителей. В сильно исхудавшем и обросшем бородой человеке никто не мог признать родственника Юлиана, поэтому Прокопий, действуя как опытный разведчик, смог беспрепятственно собирать интересовавшие его сведения из самых различных источников.

Иовиан к этому времени уже умер, и верховная власть перешла к Валенту. Жители города с нелюбовью относились к новому императору, понося его за жестокость и страсть к грабежу. Эта неприязнь особенно усилилась в 365 г. Ее проявлением стали появлявшиеся повсюду подметные грамоты антиправительственного содержания. Чтобы пресечь это, Валент вынужден был издать специальный указ, грозивший смертью всякому, кто будет уличен в написании подобных прокламаций или их хранении.

В конце лета 365 г. император намеревался отправиться в Сирию, поскольку, несмотря на заключенное с Иовианом соглашение, персы продолжали совершать набеги на римские владения. Вместе со своей армией он уже вступил в пределы Вифинии, как вдруг получил известие, что многочисленные готские отряды собираются напасть на приграничные области Фракии. Не желая прерывать поход, Валент приказал военачальникам собрать в необходимом числе пехоту и конницу и двинуть их к угрожаемому участку границы. Войска оставили места своей постоянной дислокации и направились во Фракию. Некоторые из этих подразделений останавливались на отдых в Константинополе. Этим и решил воспользоваться Прокопий, уже давно вынашивавший план государственного переворота. Узнав, что Валент находится уже далеко, он решил действовать, полагая, как пишет Аммиан Марцеллин, что «даже жестокая смерть легче тяготивших его бедствий» (Амм., XXVI, 6, 12; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

25—26 сентября в Константинополь вошли легионы *Дивитенсов* и *Тунгриканов*, которые, вероятно, во время последней войны с Персией были частью корпуса, находившегося под командованием Прокопия. Тогда последний вознамерился склонить солдат к возмущению. 27 сентября он тайно прибыл в столицу и встретился с евнухом Евгением, незадолго перед тем по неизвестным причинам получившим отставку при дворе. Евгений предоставил Прокопию денежные средства для привлечения к задуманному предприятию необходимых людей. В тот же день Прокопий раскрыл свой замы-

сел нескольким знавшим его офицерам *Дивитенсов* и *Тунгриканов*. Те, соблазненные обещаниями больших наград и повышений, поклялись, что окажут ему всестороннюю поддержку.

В ночь с 27 на 28 сентября состоялась тайная сходка, на которой заговорщики раскрыли свои намерения легионерам, и те согласились перейти на сторону узурпатора. Наутро Прокопий прибыл в Анастасьевы бани, где квартировались оба легиона. Там он был провозглашен императором. «И вот стоял он бледный, как выходец с того света, — передает Аммиан Марцеллин. — И так как не удалось нигде найти пурпурного плаща, то он был одет в вышитую золотом тунику, как придворный служитель, от пяток до пояса на манер благородного отрока, а ноги были обуты в пурпурные башмаки; в левой руке он держал копье, украшенное также куском пурпурной материи, — точно так же как на сцене в театре внезапно появляется блестяще убранное видение из-за занавеса или при помощи какого-нибудь театрального приспособления. Поднятый на это посрамление всякой почести, он обратился с рабской речью к виновникам своего возвышения и, пообещав им большие богатства и всякие саны в связи с началом своего правления, вышел на улицу, окруженный тесным строем вооруженных солдат» (Амм., XXVI, 6, 15; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

Аммиан, как ясно из этого описания, не испытывает особой симпатии к Прокопию, наделяя его малогероической внешностью, показывая лжецом, лицемером и популистом, то есть личностью деструктивной, заботящейся прежде всего о собственных интересах, а не о благе Римского государства. В чем причина такой неприязни к двоюродному брату Юлиана, перед которым так благоговел историк, непонятно. Возможно, это его месть за то, что, командуя корпусом в последней войне с персами, Прокопий не пришел на помощь императорской армии. Но, как бы ни относился Аммиан лично к предводителю мятежников и к затеянному им перевороту, нельзя отрицать того факта, что это движение получило самый широкий резонанс.

Восстание очень быстро распространилось по всей Фракии, а также охватило некоторые территории в Малой Азии. Во Фракии поддержку Прокопию оказали различные слои населения: большое количество ремесленников, торговцев, поставщиков провианта, придворных служителей, монетариев, которые стали чеканить монету с его изображением, а также солдат и ветеранов перешли на сторону узурпатора. Объясняется это прежде всего тем, что население этой важнейшей провинции оказалось в правление Валента в очень тяжелом положении. «...Всюду бедность и нищенство, и слезы, — с горечью повествует Либаний об этом времени, — и земледельцам представляется удобнее просить милостыни, чем обрабатывать землю, и тот, кто сегодня мог дать, завтра нуждается в том, кто подает» (Lib., Or., XVIII, 289; пер. С. П. Шестакова). Восточные провинции с неменьшим желанием ждали перемен, «возмущаясь из-за тяжелого режима, который в них держался» (Amm., XXVI, 8, 14).

Провинциалы видели в Прокопии продолжателя внутренней политики Юлиана, проводшего ряд реформ, направленных на облегчение положения различных социальных групп. Юлиан много сделал для возрождения муниципального самоуправления и укрепления сословия куриалов. Благодаря ему, утверждает Либаний, курии вернули прежние силы (Lib., Or., XVIII, 148). Юлиан возвратил имущество и земли языческим храмам, в результате чего языческие жречество и интеллигенция вновь заняли в обществе привилегированное положение.

Приход к власти Валента знаменовал собой изменение внутривосточного курса, который принял ярко выраженный антиюлиановский характер и был направлен на расширение власти чиновно-бюрократического аппарата. Города и храмы вновь лишились значительной части земель, предоставленных им при Юлиане, а куриалы потеряли полученные от него налоговые послабления.

Стремление Валента назначать на командные посты своих земляков-паннонцев вызвало сильное неудовольствие и у части офицерского корпуса. Религиозная политика импера-

тора, придерживавшегося арианского курса, вызвала неприятие не только у язычников, но и в среде христиан, сторонников никейского символа веры.

Все эти слои населения с готовностью присоединились к Прокопию, который, благодаря своим связям и влиянию в армии, был подходящим для всех кандидатом в императоры. Для одних он стал знаменем возвращения к политике Юлиана, а для других — возможностью добиться установления такого режима, который бы действовал в их собственных интересах.

Первым шагом Прокопия был арест всех высокопоставленных чиновников Валента, находившихся в Константинополе. Среди прочих были брошены в тюрьму префект претория Небридий, префект города Кесарий и многие другие. Сенаторы, из числа которых были устранены сторонники Юлиана, в массе своей отнеслись крайне враждебно к произошедшим событиям и предпочли бежать из столицы.

После захвата Константинополя Прокопию удалось быстро организовать управление городом. При этом он постарался опереться на офицеров, служивших ранее в галльской армии, приведшей к власти Юлиана: префектом столицы он назначил Фронтемия, а главой двора — Евфрасия, которые занимали при Юлиане видные военные посты, но при Валенте находились в опале.

Выступая как защитник интересов дома Константина, Прокопий привлек на свою сторону вдову Констанция Фаустину и окружил ее большим почетом. Командование своей формирующейся армией он вручил Гомоарию и Агилону — двум старым полководцам Констанция, вынужденным уйти в отставку.

Восставшим удалось заманить в Константинополь командующего военными силами Фракии комита Юлия и взять его под стражу. После этого вся Фракия, вместе с находившимися здесь войсками, без пролития крови перешла на сторону Прокопия. Войска, которые были переброшены на защиту дунайской границы от готов, поддавшись на щедрые обещания, также присягнули Прокопию.

Фракия стала центром восстания и дала Прокопию значительные воинские силы. Зосим утверждает, что к узурпатору присоединились отряды из римлян и варваров (очевидно, поселенных на римской территории) (Zos., IV, 7, 1). Утвердившись во Фракии, Прокопий обратился за помощью к жившим за Дунаем готам, которые, согласно версии Зосима, отправили ему на помощь отряд в 10 000 воинов (Zos., IV, 7, 2) или 3000 — согласно Аммиану Марцеллину (Amm., XXVI, 10, 3). Помощь Прокопию оказали и другие варварские племена.

Чтобы укрепить свои позиции, Прокопий отправил в Иллирик своих сторонников, которые попытались подкупить тамошних военачальников. Однако комит Эквиций, стоявший во главе вооруженных сил Иллирика, приказал схватить эмиссаров узурпатора и казнить их. Тем не менее угроза распространения восстания в Иллирике продолжала, по-видимому, оставаться вполне реальной. Поэтому Эквиций приказал войскам занять три горных прохода, через которые можно было проникнуть на вверенную ему территорию, и таким образом помешал восстанию распространиться на северо-западные провинции. После этого единственным направлением, в котором могли действовать сторонники Прокопия, оставалась Малая Азия.

Валент находился в Кесарии Каппадокийской и намеревался идти в Антиохию, когда до него дошли известия о произошедших событиях. Обдумав сложившуюся ситуацию, он решил вернуться в Галатию. Император был напуган размахом движения, поэтому в первое время рассчитывал лишь на то, что сможет помешать Прокопию захватить восточные провинции. Впрочем, новости, приходящие с Балканского полуострова, казались настолько пугающими, что Валент помышлял даже об отказе от императорского пурпура. Однако, поддержанный своими военачальниками, он послал два подразделения (*Иовиев* и *Викторов*), чтобы напасть на лагерь мятежников.

Прокопий в это время находился уже в Малой Азии, где он встречал поддержку местного населения. Здесь на сторону узурпатора сразу же перешел сильно укрепленный Халкедон.

Прокопий взял с собой *Дивитенсов* и отряды ополченцев, названные Аммианом Марцеллином «пестрой толпой дезертиров» (Амм., XXVI, 7, 14), и поспешил навстречу правительственным войскам. Противоборствующие стороны встретились у города Мигда на берегу реки Сангария (совр. Сакарья). Когда противники уже сходились на поле боя, Прокопий, не обращая внимания на летящие отовсюду стрелы, вышел перед строем своих солдат и обратился к некому Виталиану, которого узнал в строю врагов. Прокопий подал ему руку и сказал: «Вот седая верность римских войск и религией скрепленная клятва! Вы миритесь, храбрейшие мужи, с тем, что за незнакомцев поднялось столько кинжалов своих людей! И для того, чтобы паннонский выродец, который все низвергает и попирает, обладал верховной властью, о которой он не дерзал и мечтать, нам оплакивать свои и ваши раны! Лучше последуйте за отпрыском царского рода, который с полным правом поднял оружие не затем, чтобы похитить чужое, но чтобы восстановить величие предков» (Амм., XXVI, 7, 16 пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Эти слова оказали сильное влияние на солдат Валента, которые перешли на сторону мятежников и присягнули Прокопию.

Казалось, что удача во всем сопутствовала замыслам узурпатора. Трибун Румиталька, поддержавший мятеж и принявший на себя общее управление двором, переправился с войсками в Геленополь, расположенный на азиатском побережье, а оттуда быстро двинулся к Никее и занял этот город. Чтобы вернуть Никею, Валент послал с войсками Вадомария, бывшего царя аламаннов и дукса Финикии, а сам направился в Никомедию, намереваясь осадить Халкедон.

Защитники Халкедона отчаянно сопротивлялись правительственным войскам, к тому же у Валента заканчивалось продовольствие, поэтому он принял решение отступить. Он уже снимал осаду, когда произошло событие, которое могло бы стоить ему не только власти, но и жизни. Гарнизон Никеи под предводительством Румиталька внезапно совершил вылазку и, перебив большое количество солдат противника, бросился к Халкедону, намереваясь зайти в тыл Валенту, ко-

торый все еще находился в окрестностях города. Однако император своевременно получил сведения об этом демарше бунтовщиков и поспешно увел свои войска. Таким образом Вифиния оказалась под властью Прокопия.

Зимой 365 г. военные действия на некоторое время прекратились. Противники готовились к решительному столкновению. Прокопий стал отовсюду призывать под свои знамена сведущих в военном деле людей и собирал денежные средства, необходимые для продолжения войны. Он вдвое увеличил суммы выплат с верхушки константинопольской знати и даже прибег к конфискациям имущества некоторых наиболее богатых враждебных ему сенаторов.

Валент, оставив врагу Вифинию, вернулся в Галатию и занял Анкиру. Здесь он получил известие, что с Востока на помощь ему идет магистр Лупицин. Валент, который уже было совсем утратил надежду одержать победу, снова воспрянул духом и отправил навстречу наступавшим мятежникам комита Аринфея. Когда комит дошел до Дадастаны, то узнал, что против него идут вспомогательные передовые отряды неприятеля под командованием некоего Гиперетия, входившего ранее в штат служителей при императорской ставке.⁷ Считая недостойным воевать с подобным противником, Аринфей, полагаясь на свой авторитет, обратился к восставшим и приказал им самим связать своего командира. И этот «призраку подобный» военачальник, как характеризует Гиперетия Аммиан Марцеллин (Amm., XXVI, 8, 5), был пленен руками собственных солдат.

Прокопий, намереваясь после захвата Вифинии подчинить своей власти также и Геллеспонт, отправил войска для завоевания Кизика. Этот город считался неприступным, благодаря протяженной линии своих укреплений. Его гавань, чтобы в нее не могли войти вражеские корабли, была перегорожена массивной цепью. Гарнизон города командовал комит доместиков Серениан, который должен был охранять находившуюся там казну.

Восставшие отважно пошли на штурм, однако были встречены стрелами и свинцовыми пулями пращей, под гра-

дом которых обращались вспять целые отряды. После нескольких бесплодных штурмов решено было разрубить цепь, закрывающую вход в гавань. Осуществить это предприятие взялся трибун Ализон. «Связав три судна, он соорудил над ними штурмовое прикрытие такого вида: впереди на скамьях гребцов тесно друг к другу стояли вооруженные люди, держа щиты над головами; за ними в следующем ряду стояли люди, несколько пригнувшись, и еще ниже — в третьем ряду, а последние должны были присесть на корточки; таким образом в целом получался вид сводчатой постройки» (Amm., XXVI, 8, 9; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Таким образом, будучи прикрыт от метательных снарядов, Ализон засунул в цепь бревно и при помощи двуострой секиры перерубил ее. После этого город оказался открыт для атаки с моря, и дальнейшее сопротивление было уже бесполезно.

Как только Кизик сдался, туда прибыл Прокопий, даровавший всем защитникам помилование. Только Серениан был в цепях отправлен в Никею.

В начале весны 366 г. Валент собрал все имевшиеся у него воинские силы и двинулся в Пессинунт, расположенный в Галатии. Этот город занимал стратегически важную позицию, поскольку находился на пересечении дорог, ведущих как в Константинополь, так и в глубь Малой Азии. Наскоро подготовив Пессинунт к обороне, император, намереваясь воспользоваться тем, что Прокопий еще не успел собрать свои силы воедино, двинулся в сторону Ликии, чтобы напасть на армию мятежников под командованием Гомоария. Однако здесь он встретил ожесточенное сопротивление. Чтобы ободрить своих приверженцев и подчеркнуть легитимность собственных притязаний, Прокопий держал при себе Фаустину и маленькую дочь Констанция, которых возил в носилках, показывая солдатам.

Тогда Валент придумал вызвать бывшего консула Арбециона, уже давно находящегося в отставке. Арбецион был хорошо известен и пользовался заслуженной репутацией в военной среде. Обращаясь с речами к солдатам противника,

Арбецион говорил, что они обманом были увлечены на путь мятежа, и призывал их сложить оружие.

Очевидно, эти слова не остались неслышанными — в рядах сторонников Прокопия началось брожение. Поэтому Гумоарий, хотя мог уйти от неприятеля, однако замыслил измену и, воспользовавшись тем, что императорский лагерь находился поблизости, притворился пленным и сдался Валенту. Предательство Гумоария привело к капитуляции подчиненных ему воинских сил повстанцев.

Ободренный этой удачей, Валент двинулся во Фракию. К этому времени весть об измене Гумоария уже успела достичь лагеря основных сил приверженцев Прокопия, и многие хотели последовать поданному примеру. Генеральное сражение произошло около города Наколии. В разгар боя командовавший мятежниками Агилон перешел на сторону противника. За ним последовало множество солдат, которые, демонстрируя свое решение, развернули щиты в обратную сторону.

Это поражение лишило Прокопия надежд на благоприятный исход затеянного им предприятия. В окружении всего двух сподвижников, насильно вовлеченного в мятеж трибуна Бархальбы и Флоренция, узурпатор бежал в окрестные горы. Но когда наступила ночь, спутники схватили его, связали и отвели к Валенту.

Чтобы покончить с бунтом, Прокопию тут же отсекали голову (27 мая 366 г.). «Умер Прокопий, прожив на свете 40 лет и 10 месяцев... — сообщает Аммиан Марцеллин. — Достоинно удивления в Прокопии то, что за всю свою жизнь он не обагрил себя кровью» (Амм., XXVI, 9, 11; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Бархальба с Флоренцием не избежали кары за свое предательство: они также были тут же казнены без какого-либо рассмотрения дела.

Когда протектор Марцелл, командовавший гарнизоном Никеи, получил известие об этих событиях, он приказал казнить Серениана, а затем с немногими сторонниками занял Халкедон и объявил себя императором. Главные надежды он возлагал на готов, которые были посланы на помощь восставшим. Будучи родственником Прокопия, Марцелл рас-

считывал за определенную плату привлечь готов на свою сторону.

Комит Эквиций, получив донесения разведки о том, что основные военные действия переместились с Балканского полуострова в Азию, попытался, опираясь на вверенные ему войска Иллирика, самостоятельно расправиться с восставшими. Он рассчитывал захватить Филиппополь — важный стратегический пункт сторонников Прокопия, и после этого идти в направлении Гемимонта на помощь Валенту. Однако Филиппополь оказал Эквицию яростное сопротивление. К тому же комиту вскоре стало известно о действиях Марцелла. Чтобы пресечь на корню все устремления последнего к верховной власти, он отправил нескольких своих доверенных людей, которым было поручено схватить мятежника. Эта задача была с успехом исполнена, Марцелл заключен в тюрьму, подвергнут пыткам и через некоторое время казнен.

После гибели Прокопия восстание прекратилось не сразу. Еще долго оказывал сопротивление правительственным войскам Филиппополь, защитники которого открыли ворота лишь тогда, когда им была показана голова их поверженного вождя. В Азии продолжительное время держался Халкедон. Разгневанный упорством его жителей Валент приказал разрушить городские укрепления, камни которых пошли на общественные константинопольские бани...

После подавления этого движения правительство прибегло к массовым репрессиям. «Палач, орудия пыток, кровавые допросы начали свое шествие, не различая ни возраста, ни сана, — передает Аммиан Марцеллин. — Среди людей всякого положения и всех слоев общества под предлогом установления мира правился ужасный суд, и все проклинали несчастную победу, более тяжкую, чем любая истребительная война» (Амм., XXVI, 9, 9; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни). Особенно жестокие меры были применены к жителям Филиппополя, дольше всех не желавшим подчиниться власти Валента. Множество жителей Фракии, мелких земледельцев, колонов и рабов, спасаясь от преследований, бежало к дунайским варварам.

После заключения договора 332 г. вестготы становятся римскими федератами, и правительство Империи выплачивает им содержание, чтобы они не столько охраняли, сколько не беспокоили Константинову Дакию. Однако начиная с правления Констанция II вестготы возобновляют свои набеги. Сначала они опустошают территории, лежавшие севернее Дуная, а затем уже начинают грабить Мёзию Вторую и Малую Скифию. Возможно, именно эти действия варваров привели к тому, что некоторые области Фракии совершенно обезлюдели. В 343 г. на одной из таких территорий Констанций поселил пленных жителей персидского города Адиабены, взятого римскими войсками.

Занятому тяжелой и безуспешной войной с персами Констанцию II было затруднительно уделять должное внимание защите дунайской границы. Поэтому, вероятно, ему пришлось пойти на какие-то уступки готам, чтобы обезопасить свои тылы и привлечь на помощь военную силу варваров. И ему вполне это удалось.

В своем похвальном слове в честь Констанция и Константа, составленном между 344 и 349 гг., Либаний с удовлетворением отмечает, что варвары пребывают в спокойствии, не угрожают более дунайской границе и почитают римского императора, как если бы тот был их собственным правителем (Lib., Or., LIX, 89—90).

Восстановление дружеских отношений с вестготами позволило Констанцию привлечь их в большом количестве для войны с персами. «Скифское войско, — сообщает Либаний, — выступило с намерением соединиться с римской силой и оказать отпор персидскому войску, и державу римлян сохранить непоколебленную, а владычество персов сокрушить вместе с ними. И, что еще важнее, они совершили свой поход не для того, чтобы соблюсти внешность, и не прояви-

ли в нужде злостных умыслов, и, увидав приближающихся варваров, сами варвары не перешли тотчас на их сторону, изменив при виде их свое решение, как раньше фессалийцы, но, как бы сражаясь за собственную родину, нисколько не отличались от призвавших их рвением к делу» (Lib., Or., LIX, 92; пер. С. П. Шестакова).

После смерти Констанция отношения между Империей и готами снова обострились. Озабоченный этим обстоятельством Юлиан уделил большое внимание дунайской границе, приводя в порядок укрепления фракийских городов и снабжая римские гарнизоны оружием, одеждой и продовольствием.

Локальные столкновения с готами могли происходить и из-за действий римских войск, которые сами грабили готских купцов и приграничное готское население. Взаимоотношения между сторонами настолько накалились, что Юлиан, по-видимому, уже в 362 г. считал войну с готами неизбежной. Однако ему удалось нормализовать ситуацию, возможно, пересмотрев условия федеративного договора с готами. Как бы то ни было, отправляясь в персидский поход, Юлиан не проявлял обеспокоенности состоянием дунайской границы, а отряды готов, вошедшие в состав его армии, могли играть роль не только военной силы, но и заложников, выступавших гарантами мира для фракийских крестьян.

В 364 г. готские отряды вновь вторглись во Фракию несмотря на то, что союзнический договор не утратил своей силы и вплоть до восстания Прокопия готы официально находились с римлянами в федеративных отношениях и считались дружественным народом.

С точки зрения готов, Прокопий принял императорскую власть на вполне законном основании, поскольку он принадлежал к дому Константина, а потому готы сочли себя вправе оказать ему военную помощь. Однако для Валента это был официальный повод начать с ними войну.

Расправившись с приверженцами Прокопия, Валент отправил к готам магистра конницы Виктора, требуя объяснений, на каких основаниях народ, с которым был заключен

федеративный договор, оказал поддержку человеку, поднявшему мятеж против законных императоров. Готы оправдывались, предъявляя собственноручное письмо Прокопия, где он утверждал, что принял власть, по праву принадлежавшую ему как человеку, состоявшему в родстве с Константином.

Возвратившись в Константинополь, Виктор доложил Валенту о результатах своего расследования, однако император не обратил внимания на объяснения готов и начал с ними войну. В начале весны 367 г. Валент собрал все свои силы и разбил лагерь на берегу Дуная, близ крепости, называвшейся Дафна. Наведя понтонный мост через реку, он вторгся на вражескую территорию. Готы отступили, не приняв сражения. Тогда Валент предпринял несколько походов по готским землям, но не встретил никого на своем пути. Не желая, чтобы лето прошло без военного успеха, Валент отправил вперед магистра пехоты Аринфея с легковооруженными отрядами. Аринфею удалось захватить несколько семейств варваров, не успевших перебраться в удаленные горные области. Этот скромный успех стал венцом кампании, завершившейся к концу лета.

На следующий год Валент снова попытался переправиться через Дунай, но не смог сделать этого из-за сильнейшего разлива реки. Поэтому до глубокой осени римская армия простояла в лагере на берегу, а затем вернулась на зимние квартиры в Маркианополь. На третий год возле Новиодуна (совр. Исакча) Валент вновь воздвиг понтонный мост и наконец перешел на вражескую территорию. Одержав победу в нескольких незначительных столкновениях, он встретился с Атанарихом, царем тервингов, самым могущественным готским правителем. В произошедшем сражении готы были разбиты и сам их предводитель бежал, едва спасшись от гибели.

Казалось, три года усилий привели к ожидаемым результатам: появление огромной императорской армии на северном берегу Дуная привело варваров в ужас, а следствием разрыва дружественных отношений с Империей было прекра-

щение всяких торговых связей между готами и римлянами, что ставило готов перед лицом голодной смерти: они не могли жить без импортируемых у римлян товаров.

Готы отправили к Валенту несколько посольств с просьбой даровать им мир. Император тщательно рассмотрел этот вопрос и заключил, что его враг уже получил достойное воздаяние за свои проступки, а тщеславие самого императора вполне удовлетворено добытыми лаврами. Поэтому к готам были отправлены Аринфей и Виктор, которые продиктовали побежденным условия окончания войны. Варварам ничего не оставалось делать, как с покорностью и смирением подчиниться римским требованиям. Поскольку Атанарих был связан клятвой, запрещавшей ему ступить на римскую землю, а римскому императору не подобало подписывать соглашение на чужой территории, то было решено встретиться на середине Дуная, куда Атанарих и Валент в окружении своих приближенных прибыли на гребных судах.

Заключенный договор, знаменовавший по сути разрыв существовавших прежде федеративных отношений, содержал три основных пункта:

1. Обязательство готов не нападать на римскую территорию.

2. Ограничение торговых отношений, которые отныне могли осуществляться только в двух городах.

3. Отмена субсидий, которые прежде выплачивались варварам Империей.

После того как дело было улажено, готы выдали римлянам заложников, и Валент вернулся в Константинополь. Титул «Величайший Готский», принятый императором, стал в глазах римских подданных заслуженным финалом трехлетнего противостояния с грозным врагом.

«Готская победа» принесла Валенту славу, затмившую успехи его брата, который все еще не мог закончить войну с аламаннами. Возможно, и сам Валент верил в значимость своего успеха. И понять его нетрудно, ведь даже самые яркие и незаурядные личности предпочитают самообман в тех случаях, когда истина оскорбляет и унижает их, хотя бы в соб-

ственных глазах. Валент же особой проницательностью не отличался.

И вместе с тем что-то было не так. В воздухе как будто витало тревожное ощущение того, что торжество было преждевременным. Многие приближенные императора, несомненно, отдавали себе отчет в том, что достигнутый мир был весьма хрупким и достаточно было малейшего повода, чтобы готы, забыв о своих клятвах, снова взялись за оружие.

Оратор Фемиций, придворный советник Валента, был из числа тех, кто не поддавался гипнотическому воздействию пышных титулов, славословий и помпезных речей. Он вполне ясно понимал, что, несмотря на все верноподданнические восторги, соотношение сил складывалось не в пользу Империи. Поэтому Фемиций пропагандирует идею мирного сосуществования с варварами и восхваляет Валента за то, что тот не стал уничтожать готов, которым самой судьбой предназначено быть под римской властью (Them., Or., X, 131).

ЭПИЛОГ

Период правления Вторых Флавиев, несомненно, стал одной из наиболее ярких страниц в истории Римской империи. Центральной фигурой этого бурного и насыщенного судьбоносными событиями пятидесятилетия, по-видимому, мы должны считать Константина I. Именно ему династия обязана тем, что ее власть распространилась на всем пространстве римского мира, и именно этим императором был создан государственный организм, обеспечивший ей относительную стабильность перед лицом не только внешних вызовов, но и внутренних катаклизмов.

В результате проведенных Константином военных реформ был завершен процесс создания позднеримской военной системы, который продолжался с той или иной степенью успеха и интенсивности на протяжении всего III в. Военная организация, сформировавшаяся к концу жизни Константина, хотя и подвергшаяся воздействию бесспорной эволюции, порожденной переменчивыми стратегическими условиями, просуществовала без каких-либо радикальных изменений вплоть до правления Феодосия I (379—395 гг.).

Хотя утверждение новых военных структур позволило римлянам достаточно эффективно противостоять внешней агрессии, но вместе с тем важнейшим его следствием стала возрастающая потеря наступательной инициативы со стороны Империи. Это не означает, что римская военная стратегия приобрела исключительно оборонительный характер. На протяжении большей части IV в. Рим сохранял способность

проводить наступательные операции любого масштаба, от кампании превентивного сдерживания до кампании потенциального завоевания. Тем не менее, в отличие от эпохи Ранней Империи, когда подобные предприятия, с некоторыми исключениями, характеризовали целостность римской военной политики, в IV столетии они, как и в III в., были, как правило, реакцией на все более часто повторяющиеся и все более масштабные неприятельские вторжения. В этих условиях концентрация крупных воинских сил в одном месте становилась крайне труднодостижимой, что неизбежно сокращало протяженность потенциального театра военных операций до пограничной полосы, лежащей по обе стороны границы.

25 лет правления Вторых Флавиев, следовавшие за смертью Константина, были ознаменованы возрастанием трудностей, связанных с перемещением варварских племен и поселением их на римской территории. Все реже этот процесс становится результатом победоносных операций римских армий и одностороннего решения римского правительства, и все чаще он был компромиссом, на который вынуждены были идти императоры, стремясь уменьшить давление варваров на границы Империи.

Усилившийся прессинг варваров происходил на фоне заметного ослабления римской военной мощи, которое в значительной степени было связано с процессами, проходившими внутри самой Империи. Если Константин I, отправляясь на завоевание Италии, располагал 100-тысячной армией, то после гражданской войны 351—353 гг. от всех галльских вооруженных сил оставалось 13 000 солдат, в то время как пограничные укрепления на Рейне были оставлены или лежали в руинах. В 361 г. Юлиан после длительной подготовки, объединив восточные и западные войска, смог собрать не более 80 000 солдат, что было меньше того, чем располагали по отдельности Константин и Лициний в 324 г.

Гражданские войны были сопряжены не только с большими, подчас огромными, потерями в рядах армии, следствием их был уход значительной части воинских формирований

с границ. Ослабление пограничной обороны открывало варварам широкие возможности для вторжения в провинции, поставлявшие основное количество рекрутов. Разорение этих территорий лишало армию необходимых людских ресурсов, за счет которых можно было со временем компенсировать понесенные потери.

Победы Юлиана и Констанция II, под каким бы углом зрения мы их ни рассматривали, не имели решающего значения. Благодаря множеству карательных операций этим императорам удалось лишь отразить волну варваров, вторгшихся на территорию Римского государства в 352—357 гг., однако, несмотря на все свои военные успехи (часто очень и очень переоцененные современниками), добиться прочного мира они не смогли. Более того, принятые ими политические решения говорят в пользу медленного, но неуклонного отступления перед варварской угрозой, постоянно нависавшей над римскими рубежами: если Констанций Хлор завоевал Батавию, то Юлиан позволил салическим франкам остаться в Токсандрии; если Диоклетиан и Константин I возводили предмостные укрепления на сарматском берегу, то Константин II поспешил покинуть Банат (359 г.).

Тем не менее в конце 50—первой половине 60-х гг. границы были защищены армией, потери которой, понесенные во время гражданской войны с Магненцием, Константин II и Юлиан смогли до некоторой степени восполнить. И до тех пор, пока эти вооруженные силы были используемы исключительно в пограничных войнах, натиск варваров удавалось сдерживать.

Однако переброска крупных воинских группировок на другой театр военных действий неизбежно должна была провоцировать неприятелей к возобновлению набегов.

Военно-политическая ситуация обострилась еще более с приходом к власти Валентиниана I и Валента. Ощущая катастрофическое ослабление военной мощи Империи, правительство начинает все более и более делать ставку на привлечение в ряды армии чужеземцев. Симптомы величайшего распада! Римский мир сам разрушал тот фундамент, на кото-

ром столетиями стояло нерушимым здание его государственности!

В политической теории получает распространение идея, что одна из главных задач хорошего императора — это получение от варваров рекрутов для армии и рабочей силы для обработки земли. Не случайно уже с эпохи Валентиниана I в придворных кругах утверждается мнение, что варвары были не недолюдьми, которых следовало уничтожать, как вредоносных животных, но необходимым ресурсом, к которому нужно относиться рачительно и мудро. Согласно подобным воззрениям, величие Рима определялось не количеством уничтоженных врагов, но милосердием, позволявшим сохранить жизни побежденным и использовать их труд. В похвальном слове Валентиниану, написанном около 370 г., Симмах хвалит императора за проявленное им милосердие в отношении побежденных аламаннов, поскольку отныне варвары под надзором римских гарнизонов, размещенных на их территории, могут трудиться на благо Империи (Symm., *Laud. Val.*, II, 10—17).

Та же самая мысль прослеживается и в сочинениях авторов восточной половины Империи. Фемиций, о котором упоминалось выше, обращаясь к Валенту, рисует оптимистическую картину будущих отношений римлян с готами. Римский император, по мысли оратора, отец не только одного народа, но и всего человечества. Поэтому его долг не только карать варваров за их дерзость, но и отечески оберегать их с тем, чтобы однажды они добровольно присоединились к Римской державе (Them., *Or.*, X, 131). Распространение подобной идеи в правительственных кругах способствовало тому, что в период, последовавший вслед за заключением мирного договора, наплыв готов в Империю был весьма значительным. В городах и сельской местности находилось множество рабов-готов, в связи с подготовкой к войне с персами на военную службу активно привлекались отряды готских наемников. Все это способствовало тому, что присутствие готов на римской территории стало казаться вполне обычным.

Восстание Прокопия, произошедшее в преддверии драматических событий, которые положат конец правлению Валента, имело для Империи два основных негативных последствия. Об одном из них уже сказано выше: это разрыв федеративных отношений с готами. Последние, лишившись привычных для них средств существования, могли найти их только вооруженным путем, грабя римские провинции. Когда же в политическую игру вмешались гунны, то особого выбора у готов не оставалось — переправа через Дунай была наиболее приемлемой перспективой. Думается, если бы Валент добровольно не дал им своего разрешения сделать это, то его вторая война с готами началась бы на несколько лет раньше. Хотя кто знает?..

Большие людские потери, которые понесла Фракия, подержавшая Прокопия, очень болезненно отразились на военном потенциале восточной армии. Фракия была очень важным в военном отношении регионом. Именно из этой провинции в IV столетии восточные войска получали боеспособных рекрутов. Однако развернувшиеся на ее территории военные действия, а еще более массовые репрессии правительства привели к тому, что к концу 60-х гг. IV в. Фракия оказалась не в состоянии поставлять в армию необходимое количество новобранцев. Уменьшение численности населения провинции подтолкнуло императора Валента к тому, чтобы в 376 г. разместить здесь большое количество готов, выделив им земли для обработки, и таким образом собственными руками выкопать себе могилу под Адрианополем.

В 369 г., когда с готами был заключен мир, Валент, не блиставший особыми полководческими талантами, находился на вершине своей военной славы. К этому времени в войнах с аламаннами наступил перелом, и они уже помышляли не столько о нападениях на Галлию, сколько о поисках безопасных убежищ в своих лесах, таясь от настойчиво и неутомимо преследующего их Валентиниана. В Британии из северных варваров, опустошавших римские владения, в живых остались лишь те, кто успел скрыться от солдат Феодосия. Африка еще не полыхнула восстанием. Казалось, Импе-

рия выстояла и, пройдя еще одну историческую бурю, будет и далее стоять столь же неколебимо, как и прежде.

Неизвестный автор трактата «О военных делах» (*De rebus bellicis*), писавший как раз в это время, возможно, даже не кривил душой, заявляя, что для всего населения Римской державы наступила счастливая пора (Anon., *De reb. bell.*, Praef., 9). Да, Империя окружена со всех сторон врагами, но они ограничиваются только тем, что строят козни, прячась в своих лесах и болотах (Anon., *De reb. bell.*, 5, 1—3). Главным и наиболее страшным врагом римлян Анониму представлялись персы, а не зарейнские или задунайские варвары (Anon., *De reb. bell.*, 19, 4—8). Впрочем, и этот враг скоро будет сокрушен, ведь Аноним предлагает Валенту целый ряд своих хитроумных военных изобретений, которые сделают его армию непобедимой.

Судя по всему, Валент холодно отнесся к техническим инновациям Анонима и, веря в то, что удача уже не изменит ему, стал деятельно готовиться к новой войне с Персией. Вряд ли тогда ему приходила в голову мысль о том, что самые трагические события — впереди...

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ В современной отечественной исторической науке нет единого мнения по поводу того, со строчной или с прописной буквы нужно писать слово «империя», когда оно используется в качестве названия Римской империи. Поэтому автор исследования посчитал возможным употреблять строчную букву, если «империя» служит определением политического режима, и прописную, если это слово играет роль синонима названия государства (точно так же с заглавной буквы, например, надлежит писать слово «Союз» в значении СССР).

² Согласно подсчетам одних исследователей, количество легионов в это время увеличилось с 39 до 59 или 60; другие полагают, что оно возросло более чем вдвое: с 34 до 69. Впрочем, появление множества новых подразделений не обязательно должно свидетельствовать в пользу значительного увеличения численности армии, ввиду того что почти все легионы, сформированные тетрархами, были меньшего состава, нежели легионы принципата.

³ Если мы учтем, что к концу северовской эпохи армия могла насчитывать от 415 000 до 445 000 человек, то получится, что в конце III в. армия была приблизительно такой же, как и во времена Северов. Таким образом, можно допустить, что Диоклетиан стремился восстановить силы армии на прежнем уровне.

⁴ Возможно, не все они появились в правление Диоклетиана.

⁵ Причина отречения Диоклетиана стала предметом споров уже в античное время. Феофан считает, что она заключалась в «безумии» (Theoph., 296; ср. Lact., XVII, 9). Понятно, что Феофан высказывает подобное мнение под влиянием крайней неприязни к императору, последовательно проводившему антихристианскую политику. Языческие авторы в основном дают позитивную оценку принятому Диоклетианом решению. «И хотя люди судят об этом по-разному, — пишет Аврелий Виктор, — и правду нам узнать невозможно, нам все же ка-

жется, что его возвращение к частной жизни и отказ от честолюбия свидетельствует о выдающемся характере [этого человека] (Aug., 39, 48; пер. В. С. Соколова). Аналогичной точки зрения на отречение Диоклетиана придерживается и Евтропий: «Диоклетиан как частный человек состарился в славном покое, в поместье, которое было недалеко от Салон, обнаружив необыкновенное мужество, так как он оказался единственным из всех [правителей] после основания Римского государства, который по собственному побуждению спустился с вершины власти и вернулся к статусу частного человека и гражданина. Итак, случилось с ним то, что ни с кем никогда не случалось со времени появления людей: хотя умер он частным лицом, его причислили к богам» (Eutr. op., IX, 28; пер. Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной). Некоторые исследователи полагают, что Диоклетиан запланировал свой уход после 20-летнего правления еще в 284 г. Однако эта гипотеза не подтверждается имеющимися источниками. Действительно, трудно представить себе, что Диоклетиан мог просчитать ход событий на 20 лет вперед, особенно в конце III в., когда Империя все еще переживала кризис и ни на одной из границ не удавалось добиться устойчивого состояния. Черда венценосных предшественников, потерявших власть (как правило, вместе с жизнью) по прошествии, в лучшем случае, нескольких лет после инаугурации, напротив, должна была внушить Диоклетиану мысль о более скромном сроке правления. На момент отречения Диоклетиану было около 60 лет, и он вполне мог сохранить за собой власть, тем более что к 305 г. удалось наконец-то стабилизировать положение как внутри Империи, так и на ее границах. Возможно, победы, одержанные тетрархами, были куплены дорогой ценой. На эту мысль наводят слова Аврелия Виктора, дающего понять, что к решению об отречении Диоклетиана подвигло неблагоприятное внутреннее состояние государства и, прежде всего, армии: «Итак, силы города [Рима] были как бы подрублены: сокращено было число когорт преторианцев и число солдат под оружием, и большинство полагает, что именно по этой причине он сложил с себя власть. Он хорошо понимал угрожающие опасности и когда увидел, что сама судьба готовит внутренние бедствия и как бы крушение римского государства...» (Aur. Vict., 39, 47—48; пер. В. С. Соколова). Лактанций также замечает, что под конец правления от Диоклетиана «отвернулось счастье» (Lact., XVII, 8). Возможно, что причиной желания стать частным лицом было состояние здоровья императора. Лактанций утверждает, что, покинув Италию суровой зимой, из-за мороза и сильных дождей, Диоклетиан заболел и большую часть пути его несли на носилках. Хотя, когда к августу 304 г. кортеж прибыл в Никомедию, император уже оправился от болезни, однако все еще чувствовал сильную слабость. Судя по всему, его состояние не улучшилось до конца года. А в декабрьские иды (13.12.304 г.) по дворцу даже распространился слух, что Диоклетиан умер и даже уже погребен

(Lact., XVII, 3—6). Тем не менее, на мартовские календы (1.03.305 г.) Диоклетиан появился перед своими приближенными, «едва узнаваемый» после длительной болезни, продолжавшейся почти год (Lact., XVII, 3—9). Однако, думается, не возраст, не болезнь и не осложнение внутри- и внешнеполитического положения Империи заставили Диоклетиана сменить императорский пурпур на овощи в своем огороде. Более убедительной представляется точка зрения, согласно которой Диоклетиан был вынужден уйти, чтобы уступить свое место Максимиану Галерию, чьи амбиции уже не удовлетворяло звание цезаря.

⁶ Из всех античных авторов один лишь Лактанций утверждает, что перед смертью Констанций избрал Константина своим преемником (Lact., 24, 8).

Глава 1

¹ *Notitia Dignitatum*, или *Свод должностей обеих Империй* (*Notitia dignitatum utriusque imperii*) — уникальный документ позднеримской эпохи, представляющий собой перечень всех военных и гражданских должностей, перечни воинских подразделений с указанием места их постоянной дислокации и списки государственных мастерских, в которых изготавливалось оружие для армии. Большинство глав *Notitiae* предваряют миниатюры, на которых представлены знаки отличия должностных лиц, персонифицированные изображения провинций, эмблемы различных воинских отрядов, элементы вооружения, выпускавшегося в военных мастерских, и разнообразные фортификационные сооружения.

² В действительности подобный штандарт не мог существовать в 312 г., поскольку до 317 г. у Константина был только один сын — Крисп. Поэтому все описание — плод литературной авторской обработки. Некоторые исследователи полагают даже, что Евсевий не был автором «Жизнеописания Константина». Согласно их мнению, это сочинение было создано в 337—340 гг. или даже в конце IV в.

³ λάβωρον, λαβάρων, λάυράτα (λαυράτα) и λαβράτα (λαβράτα).

⁴ Если верить сообщению Лактанция, из-за тяжелых условий этого стремительного марша в армии Максимиана погибли все выючные животные (Lact., XLV, 1).

⁵ Одержанная победа дала Константину право принять в 315 г. титул *Готский Величайший* (*Gothicus Maximus*).

⁶ Эта дата была установлена на основании нумизматических данных, позволяющих утверждать, что до апреля 315 г. Константин находился в Треверах.

⁷ Только анонимный автор «Извлечений о жизни и нравах римских императоров» изображает столкновение у Цибала не как сраже-

ние в открытом поле, а как неожиданное ночное нападение Константина на лагерь Лициния, в результате которого последний был разбит и быстрым маршем отступил к Византию (Aug. Vict., 41, 5).

⁸ Нет определенной уверенности относительно того, какое звание получил Валент. Согласно письменным источникам, Лициний сделал его цезарем. Вместе с тем, нумизматические данные свидетельствуют, что Валент изначально был возведен в ранг августа.

⁹ Согласно одной из гипотез, Мардийское поле находилось на дороге Византий-Адрианополь-Филиппополь в месте, где от нее отходит ветка, ведущая на север по направлению к Берое (совр. Харманли, Болгария). По другой версии, битва произошла на Ардинском поле (*campus Ardiensis*) — равнине на берегу реки Арды, притока Гебра (Марицы), немного выше Адрианополя.

¹⁰ В ознаменование одержанной победы в 319 г. Константин принял титул *Величайшего Карпского* (*Carpicus Maximus*).

¹¹ Некоторые полагают, что основной силой этого вторжения были не сарматы, а понтийские готы и Равсимод был их предводителем. Он присоединился к сарматам, жившим на правом берегу Дуная. Доказательством может служить тот факт, что Константин после одержанной победы не взял себе титула *Сарматского Величайшего* (*Sarmaticus Maximus*).

¹² Существует мнение, что вторжение сарматов, которое описывает Зосим, и вторжение готов, о котором рассказывает Аноним, — это одно и то же событие. Однако убедительных доказательств подобной гипотезы нет.

¹³ Зосим утверждает, что моряков и всадников было всего 10 000 человек. Очевидно, имелось в виду, что тех и других было по 10 000, иначе получилось бы, что количество всадников у Константина было очень мало, поскольку только гребцов на 200 триаконтерах насчитывалось бы 6000, а кроме них там, несомненно, должны были находиться еще и солдаты (*эпибаты*, или *классиарии*), принимавшие участие в морском сражении. Предполагается даже, что текст в данном месте испорчен.

¹⁴ Зосим описывает состав флота Лициния в очень архаичной манере: корабли посылают те народы, которые прославились как умелые судостроители и искусные моряки в эллинистический период.

¹⁵ Вряд ли цифры, приводимые Зосимом, можно считать достоверными. Ни один другой источник не сообщает, что Константин собирал когда-либо столь значительную армию.

¹⁶ Зосим утверждает, что построенная в боевой порядок армия Лициния растянулась на 200 стадий (более 35 км) и заняла пространство от горы, возвышавшейся над городом, до места впадения реки Тоноз (совр. Тунджа) в Гебр. Здесь, несомненно, в текст Зосима закралась

ошибка, поскольку слияние Тоноза и Гебра находится недалеко от Адрианополя.

¹⁷ Зосим подробно описывает примененную Константином стратегему, детали которой, однако, не внушают особого доверия. Константин якобы приказал своим солдатам нарубить деревьев и вязать их веревками, чтобы можно было возвести мост. Сам же он поднялся на поросший густым лесом холм, в котором он разместил 5000 лучников и 80 всадников. Зачем был скрыт в лесу этот отряд и какое он принял участие в произошедшем сражении, Зосим не поясняет. Существует предположение, что текст содержит лауну; в утраченном пассаже был рассказ о том, как оставленный в засаде отряд скрытно достиг противоположного берега. Только так можно объяснить перепетии сражения, о которых сообщается далее.

¹⁸ Зосим сообщает о 12 всадниках. Несомненно, что эта цифра недостоверна. Однако все попытки внесения в текст конъюнктур носят произвольный характер.

¹⁹ Валезианский Аноним ничего не сообщает о буре и утверждает, что Крисп уже в первом столкновении уничтожил или захватил корабль противника (Anon. Val., I, 26).

²⁰ Согласно нумизматическим данным, Мартиниан был августом.

²¹ Согласно утверждению Валезианского Анонима, это назначение произошло еще в Византии (Anon. Val., I, 25).

²² Келетом, или келоком (κέλης, *celox*), называлась лодка, которой управлял один человек, гребя единственным веслом. Были и более крупные келеты, имевшие, очевидно, по 5 гребцов с каждого борта. Они могли быть использованы для разведки и курьерской службы. Акатий (ἁκάτιον, *acatium*) представлял собой небольшое легкое судно, которое могло ходить как под парусом, так и на веслах. Неизвестно в точности, сколько мачт было на акатии. Предполагается, что не менее двух, одна из которых несла главный парус, а вторая вспомогательный. Боевой акатий, очевидно, представлял собой легкий ботик; на его борту могло находиться 30 человек.

²³ Зосим объясняет строительство новых кораблей тем, что берега Вифинии были труднодоступны для обычных транспортных судов (Zos., II, 26, 1).

²⁴ Согласно Псевдо-Аврелию Виктору ([Aur.], Epit., 41, 7), пурпур мужа принесла своему сводному брату Констанция.

²⁵ Согласно Зонаре (Zon., XIII, 1, 22—23), осажденный Лициний сначала попробовал торговаться с Константином, надеясь сохранить свой ранг, и согласился отречься от власти только после того, как Константин отказал ему в этом.

²⁶ Кроме Зосима, только Евтропий обвиняет Константина в вероломстве (Eutr., X, 6, 1). Валезианский Аноним дает понять, что Лициний помышлял о том, чтобы снова облечься в императорский пурпур,

и какая-то часть солдат была готова поддержать его (Anon. Val., I, 29). Сократ Схоластик (Socr., I, 4, 3—4) сообщает, что Лициний попытался составить заговор, что и заставило Константина расправиться с ним. По Зонаре (Zon., XIII, 1, 24—26), Константин приказал казнить его по постановлению сената Рима. Другая версия, которую передает Зонара, также говорит о заговоре. Что касается Мартиниана, соправителя Лициния, то, согласно Зосиму, он был казнен еще до отправки Лициния в Фессалонику, а по Валезианскому Анониму, Константин сначала пощадил и его и отправил в Каппадокию. Только потом, когда назревала солдатская смута, Константин казнил его одновременно с Лицинием (325 г.).

²⁷ В 327—328 гг. Константин находился в Фессалонике и Эске.

²⁸ Написано в конце декабря 361 г.

²⁹ В апреле 332 г. Константин находился в Маркианополе, бывшем столицей этой провинции (CTh, III, 5, 4—5).

³⁰ Ганнибалиан был женат на дочери Константина Константине. По-видимому, титул, полученный им в 335 г., не был подкреплён реальной властью. В 337 г., сразу после смерти Константина, Ганнибалиан и его брат были убиты по приказу Констанция II.

³¹ Констанций был сделан цезарем в 324 г., а Констант — в 333 г.

Глава 2

¹ *Comitatus* — по-латыни свита.

² *Candidus* по-латыни значит «ослепительно белый, белоснежный».

³ Только в 230 г. префекты стали получать сенаторское достоинство, пожалованное им Александром Севером.

⁴ Тиберий оставил только одного префекта претория. При Антонинах и Северах эту должность занимали чаще всего два человека; в III столетии — один.

⁵ Предполагается, что корпус протекторов (*защитников*) появился в правление императора Галлиена (253—268 гг.). Отряды протекторов образовывали свиту высокопоставленных военачальников и исполняли роль штабных офицеров. Обычным было то, что через несколько лет службы протекторы получали высокие звания и командовали отдельными воинскими подразделениями. К концу III в. из корпуса протекторов выделился корпус протекторов — domestиков, также выполнявших обязанности штабных офицеров при высокопоставленных военачальниках. Исключительно офицерский состав обоих корпусов указывает на их небольшую численность, не превышавшую нескольких сотен человек. Их роль в армии можно сопоставить с ролью некоторых полков русской гвардии XVIII в., в частности кавалергардов, которые первоначально были небольшим корпусом, охранявшим им-

ператора. Доместики и протекторы были лучшей, отборнейшей частью всей римской армии IV—V вв.; они составляли личную охрану императора, сопровождали его в походах, несли караулы во дворце, выполняли ответственные поручения и играли роль рассадника надежных командирских кадров.

⁶ Увеличение количества вспомогательных подразделений по отношению к числу легионов объясняется тем, что первые обладали более широкой базой для рекрутирования, поскольку набирались среди персидцев, в то время как в легионах могли служить только граждане.

⁷ Кроме копейщиков в римской армии также существовали вспомогательные отряды лучников и пращников. Некоторые воины на колонне Траяна имеют особенные виды оружия, в частности, палицы (*clava*). Вероятно, это были германцы, входившие в состав нумеров и воевавшие тем оружием, которое они привыкли использовать.

⁸ В каждом легионе периода принципата был отряд в 120 всадников. Всадники образовывали не отдельные эскадроны, а были причислены к центуриям. Легионные всадники выполняли обязанности курьеров, разведчиков и посыльных. Однако в сражении или во время переходов легионная кавалерия могла действовать совместно с вспомогательной.

⁹ Название «катафрактарыи» происходит от греческого *kátaφράκτοι*, то есть «покрытые панцирями».

¹⁰ Согласно указаниям античных источников, так назывались панцирные всадники в персидской армии. Этимология термина *clibanarius* различна. Некоторые исследователи полагают, что слово происходит от персидского *grivban*, обозначавшего характерный латный нащельник из металла. Другие связывают его персидским *tanur* (печка) и однокоренным с ним *tanurigh* (воин). Семантическая связь между двумя словами кажется в данном случае вполне оправданной, учитывая климатические условия Востока, в которых приходилось сражаться облаченному в тяжелые доспехи воину. Латинское *clibanus* также означает «печка», «жаровня для выпечки хлеба»; поэтому предполагается, что *clibanarius* — латинская калька персидского *tanurigh*.

¹¹ Унтер-офицеры, образующие последний ряд боевого порядка. Так же как и те, кто образовывал фронт строя, они должны были иметь тяжелое защитное вооружение.

¹² В переводе В. В. Кучмы «животы».

Глава 3

¹ Саваран — в переводе с пехлеви «всадники».

² Правом служить в саваране обладали васпухры и вазурги. Только при Хосрове I Ануширване (531—579 гг.) была проведена военная

реформа, в результате которой доступ в саваран получили азаты — наиболее состоятельные из мелких землевладельцев.

³ В отличие от *Бессмертных* сасанидского времени, ахеменидский корпус состоял из пехотинцев.

⁴ Двуручное копье (контос) не было изобретением сасанидского времени. Как считается, оно использовалось уже в ахеменидский период легковооруженными отрядами североиранской конницы и лишь потом стало главным оружием панцирных всадников. См. ниже.

⁵ В раннесасанидскую эпоху персы использовали мечи парфянского типа, имевшие широкую гарду и длинный прямой клинок длиной около 85 см, а шириной — 5 см. Однако впоследствии Сасаниды удлинители парфянский меч, доведя длину его клинка до 100—111 см при ширине клинка 5—8.5 см.

⁶ При этом Аммиан не делает никакого различия при описании защитного вооружения тех и других персидских всадников: «То были закованные в железо отряды; железные бляшки так тесно охватывали все члены, что связки совершенно соответствовали движениям тела, и прикрытие лица так хорошо прилегалo к голове, что все тело оказывалось закованным в железо, и попадавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, находившиеся против глаз, можно что-то видеть, или где через ноздри с трудом выходит дыхание» (Амм., XXV, 1, 12; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни).

⁷ По другой версии, название происходит от др.-перс. титула «кави» и означает «знамя царей».

⁸ У персов было специальное приспособление, называвшееся *панджаган*, которое позволяло им выпускать одновременно до 5 стрел. Как был устроен панджаган, неизвестно, поскольку не сохранилось ни одного экземпляра или изображения этого устройства.

⁹ Азаты, по всей видимости, были вассалами вaspухров и вазургов и в случае начала военных действий обязаны были прибыть к ним в полном вооружении.

¹⁰ Об этом см. ниже.

¹¹ Некоторые исследователи полагают, что при первых Сасанидах вся персидская пехота была легковооруженной. Впрочем, археологические свидетельства, полученные в результате раскопок в Дуре-Европос, опровергают эту гипотезу. Вместе с тем, по-настоящему боеспособная тяжеловооруженная пехота (*дайламиты*) появилась у персов только к концу сасанидской эпохи.

¹² Командный состав сасанидской армии формировался из вaspухров.

¹³ Римские авторы часто называют главнокомандующего персидской армии *суреной*. Так, в частности, Аммиан Марцеллин утверждает, что сурена был у персов «первым лицом после царя» (Амм., XXIV, 2, 4). Подобные заявления привели к тому, что некоторые современ-

ные исследователи приняли их на веру. В действительности же античные историки ошибочно приняли родовое имя за титул.

¹⁴ «Аин-Намэ» («Книга установлений») — персидский трактат, касающийся различных сторон государственной организации. Содержал также и часть, посвященную военным вопросам. Эта часть трактата не сохранилась, однако, благодаря арабским переводам, мы знаем ее содержание.

¹⁵ *Нефёдкин А. К.* Комментарии // Арриан. Тактическое искусство. — СПб: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. Нестор-История, 2010. — С. 231—232.

¹⁶ Роксоланские катафрактары на рельефах колонны Траяна показаны без копий и стреляющими из луков. Возможно, это произошло лишь потому, что римские скульпторы объединили сведения, касавшиеся двух типов сарматских всадников. Вместе с тем иконографические свидетельства подтверждают тот факт, что у сарматских катафрактариев кроме копий были также луки и мечи.

¹⁷ Лук «скифского типа», имеющий W-образную форму.

¹⁸ Впервые подобный способ сражения был описан Цезарем. «У них было шесть тысяч всадников и столько же особенно быстрых и храбрых пехотинцев, которых каждый всадник выбирал себе по одному из всей пехоты для своей личной охраны: эти пехотинцы сопровождали своих всадников в сражениях. К ним всадники отступали: если положение становилось опасным, то пехотинцы ввязывались в бой; когда кто-либо получал тяжелую рану и падал с коня, они его обступали; если нужно было продвинуться более или менее далеко или же с большой поспешностью отступить, то они от постоянного упражнения проявляли такую быстроту, что, держась за гриву коней, не отставали от всадников» (Caes., BG, 48). Слова Цезаря подтверждает и Тацит: «Пешие, которых они для этого отбирают из всего войска и ставят впереди боевого порядка, так стремительны и подвижны, что не уступают в скорости всадникам и действуют сообща с ними в конном сражении» (Tas., Germ., 6). Этот прием германцы использовали не только в I—IV вв. Те из их племен, у которых конница не получила приоритетного развития, прибегали к нему еще даже в VI в.

¹⁹ Вместе с тем нельзя забывать, что даже во времена Республики материальная выгода была одним из доминирующих мотивов, определявших действия солдат на войне. К тому же нет оснований говорить об «исключительно наемническом» характере армии поздней Империи, по крайней мере, до конца IV в.

²⁰ Указания античных авторов свидетельствуют, что феномен перехода солдат на сторону противника существовал и в эпоху принципата. Иосиф Флавий пишет, что римские перебежчики, находившиеся в осажденном Иерусалиме, научили евреев обслуживать военные машины (Flav., BI, V, 268; см. Dio, LXVI, 5, 4). Также и Тацит сообщает,

что римские перебежчики и пленные обучали искусству использования метательных орудий батавов и зарейнских германцев (Тас., Hist., IV, 23, 3). Дион Кассий пишет, что среди пунктов договора, заключенного между Децебалом и Траяном, было обязательство, согласно которому царь должен был выдать римлянам их перебежчиков (Dio, LXVIII, 9, 5—6). Дион Кассий даже утверждает, что их руками царь даков пытался убить Траяна. Аналогичное условие о выдаче перебежчиков присутствовало в договоре между квадами и Марком Аврелием и между маркоманнами и Коммодом (Dio, LXXII, 11, 2; LXXIII, 2, 2).

Глава 4

¹ «Когда ты узнаешь, что твой план предательски сообщен противникам, тебе, конечно, следует переменить свое намерение» (Veg., III, 26; пер. С. П. Кондратьева). Данный совет Вегеция кажется вполне естественным и не может вызывать каких-либо возражений. Возникает вопрос: почему римское командование ему не последовало? Вероятно, об измене римлянам стало известно только после одержанной победы.

² В связи с тем, что не существует никаких археологических свидетельств длительного присутствия салических франков в районе Токсандрии, некоторые исследователи полагают, что Юлиан не поселил франков на римских землях, а поручил защищать опустошенные приграничные территории отрядам наемников-варваров, служивших под командованием собственных вождей.

³ Это были *Пятый Парфянский* легион, который постоянно находился в Амиде, и пришедшие на помощь городу легионы *Тридесятый* и *Десятый Фортенсис*, а также ауксии *Магненциак*, *Деценциак*, *Супервентор* и *Превентор*.

⁴ Согласно Аммиану, в таких отрядах служили только свободнорожденные варвары, отличавшиеся силой и отборным оружием (Амм., XVIII, 9, 4).

Глава 5

¹ *Катабасис* в переводе с греческого — сходжение вниз, нисхождение, спуск, переход из глубины страны к побережью. Юлиан со своей армией двигался в глубь Персидской державы, и с этой точки зрения его поход должен считаться *анабасисом*, то есть восхождением (ср. *Анабасис Александра*, повествующий о кампаниях Александра Великого). Но поскольку предприятие Юлиана завершилось крушением его планов и смертью его самого, то нам показалось уместным назвать этот поход *катабасисом*, то есть нисхождением Юлиана.

² Впоследствии Вадомарий станет дуксом Финикии.

³ Юлиан уже получил за свои победы титулы *Franciscus* и *Alamanicus*.

⁴ Точнее, сухари и уксус, как пишет сам Юлиан (Iul., Ep. 26).

⁵ О понтонных судах Зосим пишет обобщенно: «другие» (ἕτεροι πλάτῃαι).

⁶ Цифра, которую приводит Аммиан, — самая большая. Малала, использовавший для описания персидского похода сочинение Магна из Карр, пишет, что под командованием Прокопия и Себастиана было оставлено только 6000 солдат; кроме них, в Керкусии находился гарнизон из 6000 человек, к которым Юлианом были добавлены еще 4000 «гоплитов» (Malal., XIII 329, 11). Либаний сообщает о 20 000 гоплитов (Lib., Or. XVIII, 214); Зосим — о 18 000 гоплитов (Zos., III, 12, 5).

⁷ Керкусий находился на острове, образовавшемся в месте слияния рек Евфрата и Арборы (совр. Хабур), служившей в эту эпоху границей между Римской империей и Сасанидским царством.

⁸ Относительно того, какие звания носили Аринфей, Хормизда и Виктор во время персидского похода, существуют различные точки зрения. Одни исследователи, опираясь на термины, используемые Зосимом, полагают, что Виктор имел ранг *magister peditum*, Хормизда и Аринфей — *magister equitum*. Другие более доверяют Аммиану, который называет Виктора то *comes*, то *dux* (Amm., XXIV, 4, 13; 31), а описывая события после окончания похода, замечает, что звание магистра было присвоено ему Иовианом (Amm., XXVI, 5, 2). Относительно звания Аринфея в тексте Аммиана нет определенности: в XXVII книге (события 367—368 гг.) он называет его то магистром пехоты (Amm., XXVII, 5, 4; XXVII, 5, 4), то комитом (Amm., XXVII, 12, 13). О звании Хормизды Аммиан ничего не сообщает.

⁹ У Зосима Заута (Zos., III, 14, 2). Этот населенный пункт точно не локализован. Его название переводится как «оливковое дерево».

¹⁰ Название этого города образовано от вавилонского *du*, что означает «стена» или «город», и Европос — города в Македонии, в котором родился Селевк Никатор, основатель Дура-Европос. Город создавался для поселения македонских и греческих ветеранов. С 165 г. н. э. по 256 г. н. э. Дура-Европос была важным стратегическим пунктом на восточной границе Римской империи.

¹¹ Пероз-Сабур, то есть «Победоносный Шапур». Это название город получил после победы, одержанной в начале марта 244 г. Шапуром I (241—272 гг.) над императором Гордианом III (238—244 гг.). В Средние века город назывался Амбара или аль-Амбар. Эти названия переводятся (с персидского и арабского) как «склад» и, возможно, указывают на большую добычу, которую обнаружили здесь солдаты.

¹² Так пишет Зосим (Zos., III, 18, 6). Аммиан не уточняет, сколько времени длилась осада Перисаборы. Однако из его рассказа вытекает, что город был взят на третий день.

¹³ Зосим утверждает, что Юлиан разжаловал командира разведчиков и всегда держал его с тех пор в немилости (Zos., III, 19, 2).

¹⁴ Дата предположительная.

¹⁵ У Аммиана название города дается в форме *Maozamalcha* (Amm., XXIV, 4, 1) или *Maiozamalcha* (Amm., XXV, 8, 18); в переводе с арамейского это означает «царская крепость» или «царский город». Точное место нахождения Майозамальхи определить не удастся.

¹⁶ Либаний и Зосим называют Майозамальху φρούριον — сторожевой пост, крепость (Lib., Or., XVIII, 235; Zos., III, 20, 3).

¹⁷ У Зосима — Суперанций (Zos., III, 22, 5).

¹⁸ У Зосима — Анаболат (Zos., III, 6).

¹⁹ Речь идет о Селевкии-на-Тигре, основанной около 300 г. до н. э. Селевком Никатором. Это был очень большой и процветающий город. Согласно Плинию, в нем было 600 000 жителей (Plin., NH, VI, 122). Орозий утверждает, что к середине II в. н. э. в Селевкии проживало 400 000 человек (Oros., VII, 15, 3). В 165 г. н. э. город был разрушен до основания римским полководцем Гаем Авидием Кассием (Dio, LXXI, 2, 3). После этого он уже не был восстановлен и фактически прекратил свое существование. На месте Селевкии возник город Коха. Возможно, прежде Коха была одним из кварталов или пригородов Селевкии. Во время своего восточного похода (283 г.) император Кар захватил Коху и Ктесифон (Eutr., IX, 18, 1; Fest., 24; Oros., VII, 24, 4). Аммиан называет разрушителем Селевкии то Луция Вера (Amm., XXIII, 6, 24), то Кара (Amm., XXIV, 5, 3). Возможно, что имя второго императора он почерпнул из труда Евтропия, хотя последний сообщает только о захвате, а не о разрушении города.

²⁰ Либаний утверждает, что игры были даны накануне переправы римлян через Тигр. Однако он делает это лишь для того, чтобы придать своему рассказу более драматичный характер, показывая то трудное положение, в котором оказалась римская армия.

²¹ У Зосима Пигракс и Анарей (Zos., III, 25, 5). Последний — несомненно, Нарсес у Аммиана. Этот вельможа исполнял роль посла Шапура к Констанцию (Amm., XVII, 5, 2).

²² Им мог быть префект претория Саллюстий или Невитта.

²³ Зосим сообщает о двух кораблях (Zos., III, 25, 2).

²⁴ С 7 на 8 июня.

²⁵ Такие цифры дает Аммиан (Amm., XXIV, 6, 15). Зосим сообщает о 2500 павших персах и 75 римлянах (Zos., III, 25, 7); Либаний доводит потери персов до 6000 человек (Lib., Or., XVIII, 254).

²⁶ В источниках есть некоторое расхождение относительно ранения Виктора. Аммиан пишет, что он был ранен стрелой в плечо, Ли-

баний утверждает, что он получил легкое ранение в руку, а, согласно Зосиму, он был ранен катапультой (Amm., XXIV, 6, 13; Lib., Or., XVIII, 251; Zos., III, 25, 6).

²⁷ Либаний прямо заявляет, что захватить Ктесифон помешала алчность римских солдат, которые вместо того, чтобы ворваться в город, принялись обирать трупы павших врагов (Lib., Or., XVIII, 255). Также и Фест заявляет, что «победители вошли бы в открытые ворота Ктесифона, если бы желание грабежа не оказалось у них большим, чем забота о победе» (Fest., 28).

²⁸ Только Зонара утверждает, что римский флот состоял из 700 триер и 400 транспортных судов (Zon., 13, 13), что представляется совершенно неправдоподобным, ввиду того что у Юлиана не было необходимости создавать на Евфрате столь крупный военный флот, так как ему попросту не с кем было бы сражаться.

²⁹ Согласно Зосиму, персам удалось сжечь все римские корабли. Однако Аммиан ничего не передает об этом инциденте, более того, он упоминает о сохранных Юлианом лембах далее, в рассказе о переправе через Тигр императора Иовиана (Amm., XXV, 8, 3). Таким образом, создается впечатление, что после уничтожения флота под Ктесифоном судов осталось значительно больше, чем об этом сообщает каждый из историков по отдельности. Ясно, что все корабли римской флотилии, действовавшей на Тигре, могли идти против течения и, вероятнее всего, были военными. По крайней мере, те 18 судов «римского типа», о которых сообщает Зосим, очевидно, были лусориями. Возможно, Зосим, сообщая о 22 кораблях, оставшихся от всего флота, не учитывает короткие лембы, служившие для наведения понтонных мостов, так же как он не перечисляет суда аналогичного класса, рассказывая о составе флота Юлиана, ограничившись лишь замечанием, что они были в большом количестве.

³⁰ Античные авторы, объясняя неудачу, постигшую Юлиана, утверждают, что он стал жертвой обмана проводников, подсланных персидским царем. Существование этих проводников (или проводника) представляется сомнительным, поскольку Юлиану не было необходимости прибегать к их услугам, так как в его штабе находился Хормизда (и думается, что не только он), хорошо знавший страну.

³¹ Эпизод с персидскими пленниками Аммиан, несомненно, заимствует из «Анабасиса» Ксенофонта, когда Кир Младший велел показать греческим наемникам пленных персидских вельмож.

³² По Зосиму, римляне подошли к селению Маронса (Zos., III, 28, 2).

³³ Он принадлежал к роду Михранидов, одному из знатнейших в Сасанидском государстве.

³⁴ Аммиан (Amm., XXV, 3, 6) называет это роковое копье *equestris hasta* (кавалерийским); Либаний (Lib., Or., XVIII, 268) также сооб-

щает о кавалерийском копье (δόρυ ἰπλέως), или же о *ланцее* (λόγχη) (Lib., Or., XVII, 23); Фест (Fest., 28) в числе прочих использует термин *contus*, что должно указывать на большое копье персидских катафрактов. Иероним также употребляет этот термин (Hieron., 2370, 2b). Согласно Зосиму, Юлиан был ранен мечом (ξίφος). Из других источников только Феодорит (Theodor., III, 25) использует тот же термин для обозначения оружия, которым был поражен император. Иоанн Лидиец называет это оружие ρομφαία, т. е. фракийский меч с длинным широким обоюдоострым клинком.

³⁵ Либаний передает, что Юлиан смог подняться, снова сел на коня и продолжал руководить боем до того момента, пока не потерял сознания (Lib., Or., XXIV, 7). Впрочем, это представляется маловероятным.

³⁶ Созомен подтверждает слова Либания о сильном ветре, закрывшем небо тучами и наполнившем воздух густой пылью (Soz., VI, 1).

³⁷ Малала утверждает, что это произошло около 5 часов утра (Malal., XIII, 332, 30).

Глава 6

¹ Витикабий придерживался крайних антиримских взглядов. Он был выдан в качестве заложника Юлиану, однако последний в 359 г. вернул его отцу. Витикабий был настолько опасен для Империи, что в 368 г. Валентиниан приказал его убить.

² Аммиан Марцеллин называет его в данном случае комитом доместиков, хотя ранее (Amm., XXVII, 6, 1) сам называл его магистром пехоты.

³ Аммиан сообщает, что корпус Феодосия состоял из «легионов и когорт». Под этими терминами мы, очевидно, должны понимать пешие и конные отряды. Из пехотных подразделений, участвовавших в экспедиции, Аммиан называет 4 ауксилии: *Батавы*, *Герулы* (*Эрулы*), *Иовии* и *Викторы* (Amm., XXVII, 8, 6). Названия кавалерийских подразделений, он, как и обычно, не приводит.

⁴ Вместе с Феодосием Старшим в этой кампании участвовал его сын Феодосий, будущий император.

⁵ Трудно представить, что таково было количество вооруженных бойцов. Возможно, имеется в виду общее число людей в племени.

⁶ Мать Прокопия была сестрой Базилины, матери Юлиана.

⁷ Аммиан Марцеллин называет Гиперетия *анпаритором*; это звание носили низшие технические служащие, состоящие при государственном чиновнике (например, писцы).

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М.: Арктос, 1996. 256 с.
- Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб.: Алетейя, 1994. 570 с.
- Анней Флор*. Две книги римских войн // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампелий / Пер. А. Немировского, М. Дашковой. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1996. С. 99—220.
- Аноним*. О военных делах / Под общей редакцией А. К. Нефёдкина. СПб.: Алетейя, 2014. 248 с.
- Анонимный географический трактат «Полное описание Вселенной и народов» / Пер. С. В. Поляковой, И. В. Феленковской // ВВ. 1956. Т. VIII. С. 277—305.
- Арриан*. Тактическое искусство / Пер., комм., вступ. ст. А. К. Нефёдкина. СПб.: Факультет филологии и искусств С-Петербур. гос. ун-та; Нестор-История, 2010. 286 с.
- Византийские историки. Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менаандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. С. Дестуниса. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1860. 495; 31 с.
- Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. П. Кондратьева; под ред. А. И. Доватура. М.: Наука, 1992. 384 с.
- Геродиан*. История императорской власти после Марка в восьми книгах / Под ред. А. И. Доватура. СПб.: Алетейя, 1995. 280 с.
- Григорий Турский*. История франков / Пер. и комм. В. Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 462 с.
- Евсевий Памфил*. Жизнеописание Константина / Пер. М. С. Корелина // Сочинения. Т. II. СПб., 1858. С. 3—312.

- Евсевий Памфил.* Церковная история. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. 448 с.
- Евтропий.* Бrevиарий от основания города / Пер. Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной; отв. редактор И. В. Кривушин. СПб.: Алетей, 2001. 305 с.
- Записки Юлия Цезаря и его продолжателей / Пер. и комм. академ. М. М. Покровского. М.: Научно-издательский центр «Ладомир»; «Наука», 1993. 559 с.
- Извлечения о жизни и нравах римских императоров / Пер. В. С. Соколова // Римские историки IV века / отв. ред. М. А. Тимофеев. М.: РОССПЭН, 1997. С. 124—162.
- Император Юлиан.* Сочинения / Пер., комм. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 428 с.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / Пер., комм., вступ. ст. Е. Ч. Скрижинской. СПб.: Алетей, 1997. 505 с.
- Иосиф Флавий.* Иудейская война / Подг. текста, предисл. и примеч. К. А. Ревяко, В. А. Федосика. Минск, 1991. 512 с.
- Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LI—LXIII / Пер. А. В. Махлаюк, К. В. Марков, Е. А. Молев, Н. Ю. Сивкина, С. К. Сизов, М. В. Строгоцкий; под ред. А. В. Махлаюка; предисл. и комм. А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2014. 680 с.
- Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LXIV—LXXX / Пер. А. В. Махлаюк, К. В. Марков, Н. Ю. Сивкина, С. К. Сизов, М. В. Строгоцкий; под ред. А. В. Махлаюка; комм. и статья А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с.
- Корнелий Тацит.* Сочинения: В 2 т. / Изд. подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1993. Т. I — 448 с.; Т. II — 382 с.
- Лактанций Фирмиан Луций, Цецилий.* О смертях преследователей / Пер., вступ. ст., коммент., указ. и библиогр. список Тюленева В. М. СПб.: Алетей, 1998. 280 с.
- Латинские панегирики / Вступ. статья, пер. и комм. И. Ю. Шабаги. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 672 с.
- Либаний.* Речи: В 2 т. / Пер. С. Т. Шестакова. СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2014. Т. I — 768 с., т. II — 760 с.
- Павел Орозий.* История против язычников: В 3 т. / Пер., комм., указатели, библиогр. В. М. Тюленева. СПб.: Алетей, 2001—2003. Т. I — 384 с.; Т. II — 303 с.; Т. III — 376 с.
- Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках: В 2 т. / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Арктос-Вика-пресс, 1996. Т. I — 336 с.; Т. II — 304 с.
- Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., комм., статья А. А. Чекаловой. М.: Наука, 1993. 572 с.

- Секст Аврелий Виктор*. О цезарях / Пер. В. С. Соколова // Римские историки IV века / Отв. ред. М. А. Тимофеев. М.: РОССПЭН, 1997. С. 77—123.
- Синезий*. О царстве / Пер. с греч. М. В. Левченко // ВВ. 1953. № 6. С. 337—357.
- Сократ Схоластик*. Церковная история / Отв. ред. Тимофеев М. А. М.: РОССПЭН, 1996. 368 с.
- Страбон*. География: В 17 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. 2-е изд. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
- Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004. 256 с.
- Сульпиций Север*. Сочинения / Пер. А. И. Донченко. М.: РОССПЭН, 1999. 320 с.
- Феодорит, епископ Кирский*. Церковная история. М.: РОССПЭН; Православное товарищество «Колокол», 1993. 239 с.
- Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. В. И. Оболенского // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания Приска Панийского / Изд. подг. А. И. Цепков. Рязань: Александрия, 2005. С. 7—432.
- Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетики. Вегеций / Пер. С. П. Кондратьева. СПб.: Алетейя, 1996. С. 153—306.
- Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб.: тип. Фишера, 1851. 636, XXXIV с.

Литература

- Амато Р. де*. Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов (112 г. до н. э.—192 г. н. э.). М.: Эксмо, 2012. 344 с.: илл.
- Банников А. В.* Эволюция римской военной системы в I—III вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб., М.: Евразия, 2013. 256 с.
- Банников А. В., Морозов. М. А.* Византийская армия (IV—XII вв.). СПб.: Евразия, 2013. 688 с.
- Берхем Д. ван*. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина / Пер. с франц. А. В. Банникова. СПб.: Акра, 2005. 191 с.
- Бьюри Дж. Б.* Варвары и Рим. Крушение империи / Пер. Л. И. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2013. 221 с.
- Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. Б. П. Миловидова, М. Ю. Некрасова. СПб.: Ювента, 2003. 653 с.

- Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи: В 7 т. М.: Терра, 1997. Т. III. 624 с.
- Глушанин Е. П.* Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. № 2. С. 57—73.
- Глушанин Е. П.* Пограничная армия Византии IV в. // ВВ. 1986. Т. 46. С. 199—203.
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории: В 7 т. Т. II. Германцы / Пер. с нем. Л. Гринкруга, В. Авдиева. СПб.: Наука; Ювента, 1994. 352 с.
- Джонс А. Х. М.* Гибель античного мира / Пер. с англ. Т. В. Горяиновой. РнД: Феникс, 1997. 576 с.
- Клауде Д.* История вестготов / Пер. с нем. С. В. Иванова. СПб.: Евразия, 2002. 285 с.
- Кулаковский Ю. А.* История Византии: В 3 т. СПб.: Алетейя, 1995. Т. I. 400 с.
- Курбатов Г. Л.* Восстание Прокопия (365—366 гг.) // ВВ. 1958. Т. XIV. С. 3—26.
- Ле Боэж Я.* Римская армия эпохи ранней Империи / Пер. с франц. М. Н. Челинцевой. М.: РОССПЭН, 2001. 397 с.
- Махлаюк А. В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Акра, 2006. 440 с.
- Моммзен Т.* История Рима: В 5 т. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. СПб.: Наука; Ювента, 1995. 560 с.
- Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.: Евразия, 2008—399, [17] с.
- Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи / Пер. с англ. Т. О. Пономаревой; под ред. М. Е. Килуновской. СПб.: Ювента, 2003. 287 с.
- Уильямс С.* Диоклетиан, реставратор Римской империи / Пер. с англ. И. И. Хазановой. СПб.: Евразия; М.: ИД «Клио», 2014. 368 с.
- Alföldi A. Cornuti: A Teutonic Contingent in the Service of Constantine the Great and its Decisive Role in the Battle at the Milvian Bridge* // *Dumbarton Oaks Papers*, 1959. № 13. P. 169—183.
- Bannikov A. V.* Late Roman Auxilia and Constantine's „Vision“ // *World Applied Sciences Journal*, 2014. № 30 (11). P. 1656—1659.
- Barbero A.* Barbari. Immigranti, profughi, deportati nell' Impero Romano. Roma: Latreza, 2008. 337 p.
- Chastagnol A.* L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien. Paris: SEDES, 1982. 396 p.
- Cosme P.* L'armée romaine VIII s. av. J.-C.—V s. ap. J.-C. Paris: Apmand Colin, 2007. 288 p.
- Demougeot Ém.* La formation de l'Europe et les invasions barbares. En 2 t. Paris: Aubier, 1969, 1979. Т. I — 615 p.; Т. II — 935 p.

- Dixon K. R., Soutern P.* The Roman Cavalry from the First to the Third Century AD. London: Batsford, 1992. 267 p.
- Elton H.* Warfare in Roman Europe AD 350—425. Oxford: Clarendon, 1996. 312 p.
- Ensslin W.* Zum Heermeisteramt des spätrömischen Reiches, II: Die magistri militum des 4. Jahrhunderts // *Klio*, 1931. Bd. 24. S. 102—147.
- Faure P.* L'aigle et le cep. Les centurions légionnaires dans l'Empire des Sévères. En 2 vols. Paris; Bordeaux, 2013. 1106 p.
- Feugère M.* Les armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris: Errance, 2002. 296 p.
- Goldsworthy A.* The Complete Roman Army. London: Thames & Hadson, 2003. 224 p.
- Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin: Weidmannsche Buchandlung, 1920. 346 S.
- Le Bohec Y.* L'armée Romaine dans la tourmente. Une nouvelle approche de la «crise du IIIe siècle». Paris: Rocher, 2009. 320 p.
- Le Bohec Y.* L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris: Picard, 2006. 256 p.
- Lebedynsky I.* Armes et guerriers barbares au temps des grandes invasions IV au VI siècles après J.-C. Paris: Errance, 2001. 224 p.
- Luttwak E. N.* The grand strategy of the Roman Empire. From the first century A. D. To the third. Baltimore, London: University Press, 1976. XII, 255 p.
- MacDowall S., Embleton G.* Late Roman Infantryman, 236—556 A. D. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2005. 63 p.
- MacDowall S., Hook Ch.* Late Roman Cavalryman, 236—565 A. D. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 1995. 64 p.
- Nicasie M. J.* Twilight of Empire. The Roman Army from the Reign of Diocletian until the Battle of Adrianople. Amsterdam: J. C. Gieben, 1998. 321 p.
- Nikonorov V. P.* Cataphracti, Cataphractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of their Identifications // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции (2—5 сентября 1998 г.). 1998. С. 131—138.
- Parker H. M. D.* The legions of Diocletian and Constantine // *JRS*, 1933. Vol. 23. P. 175—189.
- Paschoud F.* Notes // Zosime. Histoire Nouvelle. T. I, 1re partie. Livres I et II. Paris: Les Belles Lettres, 2000. P. 129—283.
- Paschoud F.* Notes // Zosime. Histoire nouvelle. T. II, 1re partie. Livre III / Éd. par F. Paschoud. Paris: Société d'édition Les belles Lettres, 1979. P. 59—239.

- Paschoud F.* Notes // Zosime. Histoire nouvelle. T. III, 1re partie. Livre V / Éd. par F. Paschoud. Paris: Societé d'édition Les belles Lettres, 1986. P. 75—318.
- Paschoud F.* Notes // Zosime. Histoire Nouvelle. T. III, 2me partie. Livre VI / Éd. par F. Paschoud. Paris: Societé d'édition Les belles Lettres, 1989. P. 17—68.
- Périn P., Feffer L. Ch.* Les Francs. Paris: Armand Colin, 1987. 463 p.
- Piganiol A.* L'Empire Chrétien (325—395). Paris: Presses universitaires de France, 1972. 501 p.
- Richardot Ph.* La fin de l'armée romaine (284—476). Paris: Economica, 2005. 410 p.
- Southern P., Dixon K. R.* The Late Roman Army. London: B. T. Bastford Ltd, 1996. 206 p.
- Speidel M.* Catafractarii Clibanarii and the Rise of the Later Roman Mailed Cavalry: a Gravestone from Claudiopolis in Bithynia // *Epigraphica Anatolica*, 1984. Bd. 4. S. 151—156.
- Speidel M. P.* The Four Earliest Auxilia Palatina // *RÉMA*, 2004. № 1. P. 133—146.
- Stephenson. I. P.* Roman Infantry Equipment. The Later Empire. Gloucestershire: Tempus Publishing Ltd, 2001. 128 p.
- Stephenson. I. P.* Romano-Byzantine Infantry Equipment. Gloucestershire: Tempus Publishing Ltd, 2006. 160 p.
- Wheeler E. L.* The Legion as Phalanx in the Late Empire, Part I // *ARDV*. P. 309—358.
- Wheeler E. L.* The Legion as Phalanx in the Late Empire, Part II // *RÉMA*, 2004. № 1. P. 147—176.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Agath.	— <i>Агафий Миринейский</i> . О царствовании Юсти- ниана.
Ambr., Ep.	— <i>Святой Амвросий Медиоланский</i> . Письма.
Ambr., Hexamer.	— <i>Амвросий</i> . Шестоднев.
Amm.	— <i>Аммиан Марцеллин</i> . Деяния.
Anon. Val.	— Извлечения из Валезианского анонима.
Anon., De reb. bell.	— Анонимный трактат «О военном деле».
Arr., De acie.	— <i>Арриан</i> . Диспозиция против аланов.
Aur., Caes.	— <i>Аврелий Виктор</i> . О цезарях.
[Aur.], Epit.	— <i>Псевдо-Аврелий Виктор</i> . Эпитома о цезарях.
Caes., BG	— <i>Гай Юлий Цезарь</i> . Записки о галльской войне.
[Caes.], Bell. Alex.	— «Александрийская война» неизвестного автора.
CTh	— Кодекс Феодосия.
Dio	— <i>Дион Кассий</i> . Римская история.
Eunap.	— <i>Евнапий</i> . История.
Euseb., VC.	— <i>Евсевий</i> . Жизнеописание Константина.
Eutrop.	— <i>Евтропий</i> . Бревиарий римской истории.
Expos.	— Полное описание Вселенной и народов.
Fest.	— <i>Фест</i> . Бревиарий.
Flacc. Argon.	— <i>Валерий Флакк</i> . Аргонавтика.
Flav., BI	— <i>Иосиф Флавий</i> . Иудейская война.
Gell., Noct. Att.	— <i>Авл Геллий</i> . Аттические ночи.
Greg.	— <i>Григорий Турский</i> . История франков.
Hieron., Chron.	— <i>Иероним</i> . Хроника.
Hieron., Ep.	— <i>Иероним</i> . Письма.
Hieron., Iohan.	— <i>Иероним</i> . Против Иоанна Иерусалимского.
Hrdn.	— <i>Геродиан</i> . История императорской власти по- сле Марка.
Iohan. Lyd., De mag.	— <i>Иоанн Лидиец</i> . О римских государственных учреждениях.

Iohan. Lyd., De mens.	— <i>Иоанн Лидиец</i> . О месяцах.
Iord.	— <i>Иордан</i> . О происхождении и деяниях гетов.
Iul., Ad. Const.	— <i>Юлиан</i> . Похвала императору Констанцию.
Iul., Conv	— <i>Юлиан</i> . Пир, или Цезари.
Lact.	— <i>Лактанций</i> . О смертях гонителей.
Lib., Or.	— <i>Либаний</i> . Речи.
Malal.	— <i>Малала</i> . Хронография.
Maur.	— <i>Маврикий</i> . Стратегикон.
ND, Oc.	— <i>Notitia Didnitatum in partibus Occidentis</i> — Свод должностей в западных провинциях.
ND, Or.	— <i>Notitia Didnitatum in partibus Orientis</i> — Свод должностей в восточных провинциях.
Oros.	— <i>Павел Орозий</i> . История против язычников.
Pan. Lat.	— Латинские панегирики.
Paus., Att.	— <i>Павсаний</i> . Описание Эллады. Атика.
Philostr.	— <i>Филостроний</i> . Церковная история.
Plin., NH	— <i>Плиний Старший</i> . Естественная история.
Procop., BG	— <i>Прокопий Кесарийский</i> . Война с готами.
SHA, Alex.	— <i>Писатели истории Августов</i> . Александр Север.
SHA, Aurel.	— <i>Писатели истории Августов</i> . Божественный Аврелиан.
SHA, Nig.	— <i>Писатели истории Августов</i> . Песценний Нигер.
Sidon. Ap., Ep.	— <i>Сидоний Аполлинарий</i> . Письма.
Sidon. Ap., Carmen.	— <i>Сидоний Аполлинарий</i> . Поэмы.
Socr.	— <i>Сократ Схоластик</i> . Церковная история.
Soz.	— <i>Созомен</i> . Церковная история.
Strab.	— <i>Страбон</i> . География.
Sulp. Sev.	— <i>Сульпиций Север</i> . Хроника.
Symm., Laud. Val.	— <i>Симмах</i> . Похвала Валентиниану.
Syn., Ep.	— <i>Синезий</i> . Письма.
Tac., Ann.	— <i>Тацит</i> . Анналы.
Tac., Germ.,	— <i>Тацит</i> . Описание Германии.
Tac., Hist.	— <i>Тацит</i> . История.
Them., Or.	— <i>Фемистий</i> . Речи.
Theodor.	— <i>Феодорит Кирский</i> . Церковная история.
Theoph.	— <i>Феофан</i> . Летопись.
Thuc.	— <i>Фукидид</i> . История.
Veg.	— <i>Вегетий</i> . Краткое изложение военного дела.
Zon.	— <i>Зонара</i> . История.
Zos.	— <i>Зосим</i> . Новая история.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Предисловие	5
Глава 1. Установление единовластия Константина	16
Все дороги ведут в Рим	16
Сим победиши!	31
Накануне решающей схватки	40
Один народ, одна империя, один август	45
Сады Адониса	54
Глава 2. Другая армия	60
Командиры	62
В едином строю	68
Армия в лагере и на войне	82
Армия на поле боя	88
Глава 3. Враги внешние и враги внутренние	102
Персы	102
Сарматы, аланы и квады	114
Аламанны, франки, саксы и готы	129
Враг внутри	139
Глава 4. Борьба за наследие Константина	154
По заветам отца	154
Заговор варваров	160
Цезарь	168
Марра!	180
Гибель Амиды	184

Глава 5. Катабасис Юлиана	194
Из мятежников в императоры	194
Подготовка персидского похода	202
На Ктесифон!	208
По следам Александра?	220
Мир необходимый, но	234
Глава 6. Последние победы	242
И снова аламанны	242
Феодосий против Фирма	251
Порфира — лучший саван	257
Величайший Готский	269
Эпилог	274
Примечания	280
Библиография	294
Источники	294
Литература	296
Список сокращений	300

Андрей Валерьевич Банников

НА ПУТИ К АДРИАНОПОЛЮ

Последняя страница римской военной истории

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-популярная литература»*

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 07.11.2017.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17.7. Уч.-изд. л. 15.5.
Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 231

Издатель: Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039676-0

9 785020 396760

А. В. БАННИКОВ

НА ПУТИ К АДРИАНОПОЛЮ

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена одному из самых драматичных периодов существования Римской империи, который начался бурным правлением Константина Великого и закончился сражением под Адрианополем, стоившим жизни императору Валенту и лучшей части его армии. Уже современники задавались вопросом, что послужило причиной столь страшной катастрофы. Кто-то обвинял солдат в трусости и распущенности, а их командиров — в неумении обучить своих подчиненных, кто-то, напротив, восхищался мужеством и отвагой тех и других, виня во всем несчастное стечение обстоятельств. Многие исследователи Нового времени полагают, что исход битвы был предрешен какими-то техническими и тактическими инновациями, к которым прибегли готы и их союзники... Правильнее же будет задаться вопросом не почему римская армия оказалась побежденной в одном сражении, а почему это сражение имело столь пагубные последствия для всего римского мира и по сути поставило точку в многовековой истории римского военного доминирования. Ответ на этот вопрос можно дать только проследив цепь событий, предшествовавших битве при Адрианополе...